

Митрополит Лимассольский АФАНАСИЙ. ПРОПОВЕДИ.

Содержание

1. Вера как опыт жизни в Боге.
2. Духовная жизнь начинается со слез.
3. Духовная польза скорбей.
4. Любим ли мы Бога?
5. Любовь и рассудительность.
6. О благодати Божией.
7. Об одиночестве и надежде на Бога.
8. Общение со Святым Духом. Часть 1.
9. Общение со Святым Духом. Часть 2.
10. Самое великое дело.
11. Духовное бесплодие.
12. Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам.
13. У каждого своя мера. Беседа о смирении.
14. А ты ел мороженое?
15. Переход через пустыню, или Как пережить период духовной сухости.
16. Условия для совершенной молитвы.
17. Величайший опыт, который может получить человек.
18. Голод по Богу.
19. Из списка правил не познаешь Бога.
20. Лекарство от фарисейства.
21. Уверенность в себе или самоуверенность.
22. Три искушения в браке.
23. Широкое сердце Православия.
24. С болью и любовью.
25. О наставничестве.

Вера как опыт жизни в Боге

О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна (1 Ин. 1: 1–4).

Церковь говорит не о теории, и наши отношения с Церковью – это не взаимоотношения с теорией или учением. Мы были бы очень наивными людьми, если бы подвизались в жизни во Христе по той причине, что являемся последователями какой-либо теории, пусть она даже и кажется самой прекрасной. Церковь зиждется на опыте, прежде всего опыте апостолов, и он продолжается в каждом новом поколении. Иными словами, каждый святой человек, каждый человек, имеющий в своей жизни опыт общения с Богом, может повторить сказанное здесь святым апостолом Иоанном: что мы слышали, видели, осязали – то есть что мы пережили.

Это не что-то такое, что пережили апостолы, а потом оно перестало существовать, и мы просто верим в опыт апостолов, – это то, что постоянно присутствует в Церкви. Если этого опыта у нас нет, тогда наша вера еще несовершенна, она абстрактна, это не вера от зрения, основанная на опыте, – от зрения, вкушения, слушания, – а вера, которая основана на принятии определенных ценностей: «Я верю, что Бог существует, что Он сказал вот это, сделал это, жил в такие-то годы, совершил это чудо, совершил другое чудо». Это тоже вера, но она вводная, несовершенная, и мы не можем – да это и не нужно – останавливаться на ней.

Разумеется, мы принимаем ее как ступеньку, на которую ступаем, чтобы подняться вверх, но нам никогда нельзя останавливаться на первой ступеньке, нужно всегда перешагивать на следующую. Это как ты не можешь остаться в первом классе, как бы хорошо тебе там ни казалось, а надо переходить и в следующий, затем и в следующий после него – так и вера должна перейти в опыт Бога, чтобы Бог мог и для тебя стать чем-то конкретным, реальным, тем, чем ты живешь, а не чем-то абстрактным и неопределенным.

Что было от начала.

Это напоминает то, как святой Иоанн Богослов начинает свое Евангелие: «В начале было Слово»^[1]. Тут тоже говорится: что было от начала. И само Священное Писание тоже начинается со слов: «В начале сотворил Бог небо и землю»^[2]. Как вы знаете, слово начало у греков означает не просто «начало» или «власть» – у него исключительно много значений. Это сильный и многозначный термин, так же как слово логос.

Что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.

Видите, святой евангелист Иоанн сначала объясняет и свидетельствует, что то, о чем он дальше будет говорить, – это его опыт. То, что он видел, слышал и пережил; он ничего не будет писать об истории Христа. Не думайте, что после этого он начнет пересказывать события из жизни Христа. Апостолы не думали составлять исторический рассказ о жизни Христа, они не писали некую «Историю Христа», они писали о вечной жизни, которую Христос дает тем, кто любит Его и имеет общение с апостолами; и это общение – с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом.

Апостолы пишут все это, чтобы совершенной была радость людей, то есть наша с вами радость. Этот записанный опыт имеет целью известить нас о вечной жизни. Проповедь и слово Церкви – это слово о вечной жизни.

Но, слыша слова «вечная жизнь», не думайте, что это значит, будто нужно, презрев настоящую жизнь, отправиться в церковь, чтобы там слушать рассказ о вечной жизни и о том, что это такое – вечная жизнь, та жизнь, которая будет после смерти. А мы думаем подобным образом, не правда ли? Когда мы слышим слова «вечная жизнь», мы говорим: «Ну, вот когда мы умрем, тогда и начнем жить вечной жизнью! А сейчас пока еще погоди, ты сначала умри, а уже когда умрешь, тогда и увидишь, что там будет и что это за вечная жизнь и

прочие истории! Ну ладно, старики еще могут верить в подобные вещи, потому что они уже у входа в вечную жизнь, но чтобы молодой человек занимался сейчас вечной жизнью?..»

А что это значит – вечная жизнь? Два слова – вечная и жизнь. Вечная, потому что она никогда не кончается, а все, что никогда не кончается, – бессмертно: оно побеждает смерть и тление и подает человеку именно то, чего ему недостает, потому что человек не может жить среди смерти, не может обрести покоя среди тленных вещей. Все, что ограничено, не может утешить человека, потому что он по природе своей неограничен, поскольку является образом Божиим, он сотворен Самим Богом, и его нельзя уложить в схемы и пределы, он не может вместиться в то, что умирает, он не согласен на смерть. Он не сотворен для смерти и поэтому обретает покой и чувствует себя целостным только в том, что вечно.

Поэтому святой апостол Иоанн и говорит тут о вечной жизни. И то, что вечно, – это не смерть, это не счастье или что-нибудь еще, а жизнь, вечная жизнь.

Христос называет Себя жизнью: «Я есмь путь и истина и жизнь»^[3]. То, чего мы ищем и чего хотим, – это реальная жизнь, реальный смысл жизни, сама жизнь. Христос – наша жизнь, и Он – жизнь вечная. Без Него наша жизнь – ад.

Без Него, без Бога, человек не может жить по-настоящему, он может жить биологически, но на самом деле быть мертвым: он уже не живет, он умер, находясь вдали от Бога. Мы все чувствуем это, когда живем вдали от Бога или делаем то, что отдаляет нас от Него. Мы понимаем, что это отлучает меня от Бога, а когда я оторван от Бога, я в аду, когда же с Ним, то будь я даже в аду, ад для меня становится раем.

В конечном счете, Христос – это рай, а Его отсутствие – ад. Когда Бог отсутствует, тогда будь ты даже в раю, рай становится адом.

У Церкви есть одна реальная цель – дать нам опыт вечной жизни, Царства Божия, которое является мощной реальностью. Оно мощная реальность, но для кого? Для тех, кто подвизается, чтобы ощутить присутствие Бога в сердце своем, для тех, кто борется, чтобы выбросить из себя все, что отлучает от Бога.

Многие говорят: «А это грех? Курение – это грех, батюшка? А делать ставки на лошадей – это грех?» Грех ли это, грех ли то? Бог не составил нам какого-то каталога грехов, какой-то конституции, которая систематизировала бы грехи. Грех – это все, что отделяет нас от Бога. Если я начну любить что-нибудь больше Бога – это грех. Если буду любить себя больше Бога – это грех. Если я начну любить деньги больше Бога – это грех, если буду любить все что угодно и любовь к этому будет сильнее любви к Богу – да, это грех, потому что это связывает мое сердце, пленяет его и приковывает этими воззрениями к тому, что отдаляет меня от Бога.

Грех отдаляет меня от вечной жизни, Царства Божия, от моей связи с Богом. Поэтому вечная жизнь – это опытное переживание людей, которые подвизаются по силам своим – сколько сил хватит, но всем сердцем – жить вечно с Богом.

Для этой борьбы нужно иметь сильное сердце. Если ты робок – ты не можешь подвизаться, если боязлив, дрожишь и пугаешься – тогда это трудно, ты не будешь преуспевать с легкостью.

Спросил некто одного авву (из «Патерика»):

– Авва, скажи мне, как я могу спастись?

– Если у тебя есть сердце, ты можешь спастись!

Бывает ли человек без сердца? Оно есть у всех, так что же он хочет этим сказать нам? Если сердце твое хочет этого, если у тебя есть сила, решимость, воля, ты можешь спастись.

Кто-нибудь скажет: «Я грешный человек, у меня есть страсти, ужасные страсти, я поработан своими страстями. Не могу избавиться от них, они действуют во мне. Как я могу спастись? Я хочу этого, но не могу. Не могу избавиться от всего этого. Что же это со мной?!»

Да, вечная жизнь, Царство Божие и опыт Бога – это не результат одних наших сил. Да и каких сил? Малых, которые у нас есть и если они есть. То, чего хочет Бог от нас, – это воля, чтобы я захотел. Если я хочу, то я получу силу от Бога. Отдай Богу свое намерение – и получишь от Него Его силу. Скажи: «Я хочу подвизаться, возлюбить Бога, быть всегда вместе с Богом! Но во мне есть много того, что тянет меня назад!» Сейчас это не имеет значения. Отдай Богу свою волю и затем обрати свое бессилие, порабощение и терзание в страстях себе на пользу – духовным образом, с помощью смирения и покаяния, чтобы это бессилие смогло превратиться в силу.

Объясню. Вот я хочу сделать что-то. Например, ребенок хочет пойти домой, а другой ребенок держит его и не пускает. Первый начинает громко кричать: «Мама! Мама! Такой-то не пускает меня домой!» Он кричит и зовет свою мать, видя, что кто-то держит его и не дает пойти домой. Конечно, мать приходит, освобождает его и ведет домой.

Бог делает то же самое. Когда человек призывает Его своей волей, хотя сам и не может сделать ничего, тогда Он вмешивается, Божия благодать сходит и дает человеку в дар то, что он хочет. Поэтому в действительности наше спасение – это не наше дело, а Божие. Наше дело – это наша воля, наше желание.

Но, к сожалению, когда мы растем, вместе с нами растут и страсти, порабощающие нас, и случаются такие сильные страсти, которые берут нас в плен и получают над нами полную власть. Страсть настолько сильна, что первое, что она выводит из строя, когда действует, – это наш ум. Тогда она может взять руль в свои руки и увезти тебя, куда только захочет. Она будет владеть ключами от машины, сядет в нее, схватится за руль и укатит машину, куда ей вздумается. Когда ум пленен, все остальное происходит уже само собой.

Страсть имеет свойство напрямик поражать ум. Она хватается за него, пленяет и затем уводит тебя, куда захочет. Ты можешь говорить и теоретически знать, что вот это все делать не нужно. Да, но в эту минуту никто не думает о теориях. Кто держит руль – тот и ведет машину.

Итак, Бог приходит к немощному человеку, чувствующему свое бессилие, чувствующему затруднение, в котором находится из-за своих страстей, но вопреки всему призывающему Бога, желающему жить с Богом, быть вместе с Ним. Человек обращает себе на пользу тот факт, что является пленником, и изо всех сил взывает к Богу, чтобы Он освободил его. Бог действительно вмешивается и по таинственному Промыслу Своей любви подает человеку силу, не разрушая его другими страстями и гордостью, и помогает ему освободиться.

Поэтому ответственность за то, что мы не будем жить вечной жизнью с Богом, всецело ложится на нас. И не столько потому, что мы не совершили каких-либо дел, а потому, что не призывали Бога помочь нам. Какие дела может сделать мертвый человек? Умерший человек? Какие дела? Парализованный, раненый человек что может сделать? Мы духовно уязвлены и полумертвы, ибо грех нейтрализовал наши силы и поработил нас.

Мы не можем совершать важных и больших дел, но можем призывать Бога. Этого у нас отнять не может никто. Вспомните того слепца из Евангелия, который услышал шум, когда Христос проходил мимо, и спросил:

– Что там такое?

– Это идет Иисус Назарянин.

Как только он услышал, что идет Иисус, тут же принялся звать:

– Иисусе, Наставниче, помилуй нас, помоги нам!

Люди говорили ему:

– Да не кричи ты, не поднимай шума!

А он – продолжает. Чем больше ему говорили, чтобы он не кричал, тем сильнее он звал и поднял такой вопль, что заставил Бога, заставил Христа, Который, естественно, знает все, но он заставил Его остановиться и сказать ему:

– Чего ты хочешь?

– Господи, я хочу прозреть! – и Бог тут же вернул ему зрение^[4].

Таким должен быть и человек, ищущий Бога, – он должен искать Его всем сердцем, невзирая на то, что происходит вокруг него, невзирая на свои страсти и грехи. Может, я и согрешил, может, я прошел через многое, может, в настоящий момент я не могу отсечь всех страстей, потому что я их раб, но никто не может заткнуть мне рот (я имею в виду не эти уста, а внутренние), никто не может заткнуть мне сердце, чтобы я не искал Бога. Искание Бога – это вопрос сердца, любви, это значит чувствовать, ощущать, что ты нуждаешься в Боге, это значит чаять Бога, жаждать Его.

Вы знаете, что такие люди, к сожалению, редко встречаются, и в наши дни их, может, станет еще меньше. Однако они реально обретают Бога – те, кто ищет Бога с сильным желанием, с жаждой, притягивающей Божию благодать, и она, сойдя, изгоняет страсти и грех. Тогда Бог становится самой сильной реальностью в них, Он уже не далек, а присутствует в них.

Не знаю, видели ли вы таких людей, но если видели, то поймете, что главное, что их отличает, – это не совершаемые ими чудеса, пророчества или знамения, все это нечто второстепенное и третьестепенное, – а их огромное желание жить воистину в Боге, возлюбить Бога. Такие люди существуют.

И знаете, иногда это приходит с годами. Я вспоминаю одного старика, который пришел в наш монастырь, желая стать монахом, в 80 лет. У него была семья, дети, ну – 80-летний дед. Чего же ты хочешь, дедушка, в свои 80 лет?! Почему ты не остался дома, благословенный человек, чтобы дети заботились о тебе, у тебя же там своя комната с мягкой постелью и добротными одеялами, ты ел бы себе жареного цыпленка с макаронами, а ты пришел сюда, в монастырь? Чем ты будешь питаться тут? Здесь ведь посты да похлебки, грубая пища, и жизнь твоя будет без тех удобств, которые у тебя есть там. Кто будет за тобой смотреть здесь, где отсутствуют человеческие утешения?

Помню, когда он приходил на бдения, я порой говорил ему:

– Дедушка, ты не хочешь пойти прилечь?

Смотрел я, как он, бедняга, мучается, стоя на бдениях всю ночь напролет:

– Дедушка, почему бы тебе не пойти отдохнуть?

– Нет! Мы пришли подвизаться! – и сжимал руку свою в кулак, бедняга, сжимал свою руку и говорил: – М-ы п-р-и-ш-л-и с-ю-д-а п-о-д-в-и-з-а-т-ь-с-я!

И смотришь, бывало, на него, беднягу, плетущегося в зимнюю стужу, молящегося целые ночи напролет. Нам, молодым еще, это было не в тягость, а для пожилого человека все это было тяжело. Но сердце приказывало ему. В нем появилось такое непреодолимое желание, такая жажда Бога под конец жизни, хоть раньше он и не был таким. Естественно, что и смерть его была преподобной.

Поэтому человек никогда не должен отчаиваться. Мы не знаем, что происходит в нашей душе или в душе другого человека. Но те, кто на самом деле побеждает, – это люди, сердце которых приказывает. Те, кто холоден, как говорит Писание^[5]... если ты холоден, теплохладен, то ты ничего не сможешь, так не получится. Бог говорит, что Он отвергнет теплохладного как еду, которая не прожарена, не сварилась как следует, не приготовлена.

А для чего все это?

Чтобы радость ваша была совершенной.

Иными словами, все это было написано, чтобы вы имели общение с вечной жизнью, с Христом, чтобы вы преодолели смерть, не боялись ее, чтобы мы поняли, что то, чего нам недостает и в чем мы нуждаемся в своей жизни, – это Сам Бог, потому что Бог вечен, Бог выше всего человеческого.

В сущности, каждый человек ищет Бога, даже если и не понимает этого. Все это делает нашу радость совершенной. Первым словом, которое Христос произнес после Своего Воскресения, было: радуйтесь!^[6] Мы произносим его и сейчас – «херете»^[7], что значит «радуйтесь, имейте в себе радость».

Евангелие – это Евангелие радости, но не той радости из стишка, который мы читали в детстве: «Мне весело, тра-ля, тра-ля». Мы говорили так, когда были малы, и эта радость продолжается, только пока не закроется ярмарка, это радость балаганная, а когда закончится балаган – не будет и радости. А Божественная радость совершенна, она не изменяется, не сводит тебя с ума, ведь человеческая радость иногда заставляет нас говорить слова и творить вещи, не слишком логичные.

Божественная радость – это внутренняя радость, которая проявляется вовне, когда ее переживают, но она стабильна и не зависит от внешних событий. Внешне, может, все видится в плохом свете, но внутренне человек полон радости, и знаете даже что бывает? Когда человек овладел искусством духовной жизни, тогда чем более неприятным кажется внешнее, тем больше в нем растет истинная радость.

Святой апостол Иаков говорит в одном месте: «Радуйтесь великой радостью, когда впадете в искушения»^[8] – в скорби, испытания. Однако не в духе мазохизма, с ним у нас ничего общего нет, а чем больше человек борется за Бога, тем больше и в большей степени Бог присутствует в нем. Чем больше Бог присутствует в человеке, тем больше человек испытывает радость.

В той школе, которую мы посещали сегодня утром, один ребенок спросил меня:

– Владыко, может ли сегодня человек стать святым?

– Конечно, может, – ответил я ему.

– А молодой человек может стать святым? Это легко?

– Молодому человеку стать святым еще легче.

Конечно, он не спросил меня как. Он ограничился этим. Видимо, не поверил мне. «Да он просто морочит нам голову!» – сказал он (себе, конечно)! Или же полностью поверил в это. Может, и так. Но он не попросил дальнейших разъяснений.

Сегодня очень легко стать святым, очень легко, потому что встречаешь такое сопротивление, такие трудности в жизни, и так легко действительно стать не только святым, но и мучеником. Например, ребенок идет в школу и говорит там:

– Я верю в Христа и Церковь! – и подвизается, чтобы хранить воздержание, внимать себе, блюсти чистоту, в конечном счете – не идти за всеми. Как представлю себе всю ту волну, которая поднимется против него...

На самом деле эти дети, которые поступают в таком духе, не понимают, что их укрепляет Божия благодать, – они не понимают этого, для них все легко, потому что, когда присутствует благодать, человек преодолевает все. Но потом, когда подрастут, они поймут, что это была великая благодать – не малая, а великая благодать укрепляла их, и они невредимыми преодолели все трудности и сложности, вызовы и искушения. Словно ничто не могло с ними справиться.

И не только это. Даже малые дети в общеобразовательной школе, когда их увидят, что они церковные, с готовностью несут на себе крест Церкви. Можно услышать, как им говорят:

– О, ты ходишь в церковь, причащаешься! Ты с попами, и сам тоже станешь попом? А ты будешь попадшей?

Но ребенок несет свой крест, держит его и борется.

Кто же это, укрепляющий этого ребенка, этого человека? Он силен, если только Бог присутствует и живет в его сердце и у него есть сильные переживания, гораздо более сильные и интенсивные, чем то, что предлагает ему мир. Потому что, чтобы выдержать натиск, вызов и привлекательность греха, надо иметь в самом себе такие опытные переживания, которые были бы не только направлены против греха, но и сильнее его.

Человек бывает привлечен могучей Божией силой – и это тайна, он сам не может разобраться в этом как следует, понять это, объяснить. Он объяснит это позднее, когда, преуспев в духовной жизни, обернется назад и увидит, что это действительно была благодать. Я видел много детей, много людей, которые помнят свое вхождение в Церковь и знают, сколько благодати они получили от Бога – этой дарованной благодати, которая притянула их, скажем так.

Бог – наша радость. Для нас радость – Христос, а не что-то иное. Христос – наша радость, и когда Он присутствует, мы радостны, а когда отсутствует, то, что бы мы ни делали, все пусто.

У каждого из нас, конечно, есть свой образ успешного человека, то есть если спросить у кого-нибудь: «Скажи мне, кто, по-твоему, действительно счастлив, кто преуспел, кому можно позавидовать?» – то один может сказать: «Президент», – другой скажет: «Сын Онассиса»^[9] или сам Онассис. То есть чтобы иметь корабли, самолеты, дома, прислугу и массу всего еще. Что представляет себе каждый? «Если бы я был как он!»

Однако все эти вещи, столь привлекательные для человека, несут на себе некую печать – печать тления. Смерть кто побеждает? Кто может даровать нам вечность? Кто может гарантировать мне мою вечность? Избавить меня от страха смерти, которая безжалостно заявится, чтобы перечеркнуть все вокруг меня, а в какой-то момент и меня самого? На самом деле один только Бог дает сердцу человека это, только Христос побеждает смерть и дарует нам жизнь вечную.

Отличительная черта вечной жизни – вечная радость. Такой человек действительно радостен, абсолютно радостен и счастлив.

Если у кого-то нет жажды Бога, он должен постараться стяжать ее. Как? Как приходит жажда к человеку? Вы знаете? Это немного похоже на отсутствие аппетита. Ты говоришь тому, у кого нет аппетита:

– Съешь, сыночек, вот это!

– Не хочу!

– Съешь то!

– Не хочу!

Не ест и не ест. Да что же это такое! Неужели мы бросим его, чтобы он умер? Ведь если он не будет есть, то в какой-то момент умрет. И ты говоришь ему:

– Ну поешь капельку, попей молочка. Хоть тебе и не хочется, но заставь себя поесть немножко, пару ложечек, чтоб не умереть!

На следующий день он съест уже три ложки, а потом четыре. И, как говорят в народе, «аппетит приходит во время еды».

Кто хочет стяжать жажду Бога, тот приобретает ее двумя главными способами – молитвой и чтением. Когда он начнет молиться, пусть и немного, то пусть немножко понудит себя обращаться к Богу, выражать свою жажду перед Богом. Пусть скажет: «Христе, помилуй меня! Помоги мне! Я хочу полюбить Тебя, помоги мне полюбить Тебя, познать Тебя!»

Затем пусть начнет читать понемножку, исследовать слово Божие. Наша эпоха – это эпоха чтения, он должен привыкнуть к чтению и таким образом увидит, как подвизались другие люди, что они делали, как почувствовали Бога, как переживали Его, он узнает о Боге. А если он не знает этого, то как же он сможет полюбить то, что ему неизвестно?

Если он не знает, он должен больше узнать о Боге. Так как это написано Духом Святого Бога – а Божие имя, Христово имя живоносно и исполнено Святого Духа – и когда человек входит в соприкосновение с этими вещами, то его душа, которая функционирует независимо от мозга, питается сама собой.

Приведу вам простой пример. Когда я был отроком, лет четырнадцати, я начал больше интересоваться Церковью. Пошел в книжный магазин, купил себе книг и стал читать их. В одном углу там стояли религиозные книги. Я все их купил. Читал их, затем прятал или забрасывал туда, где бы их не нашла мама, которая проводила тщательные поиски, не найдет ли какую-нибудь религиозную книгу, – и если бы она ее нашла, то дома был бы бой.

У меня был велосипед, и я брал его, покупал книги, шел в парк, читал их, а потом прятал их в кусты или оставлял.

И вот – а я уже прочел все другие книги – на полке осталась только одна, она называлась «Подвижнические слова» аввы Исаака Сирина. Я сказал себе: поскольку это подвижнические слова и это христианство, то куплю эту книгу. А теперь представь себе – я не понял там ни единого слова, я ничего там не понял. Признаюсь, что абсолютно ничего там не понял. Как сейчас не понимаю, так и тогда не понимал, словно читал на турецком или армянском...

Невзирая на это, я прочел ее всю целиком, причем с огромной жадью. Ничего не понял, но, несмотря на это, она меня воодушевила. Почему? Потому что это написано Святым Духом. Ум этого не понимает, но у души другие чувства, она понимает это и питается им.

И в храме, например, видишь младенцев. Зачем мы их водим в церковь и причащаем? Ведь дитя не понимает, однако ты видишь, что оно принимает благодать, чувствует ее и принимает всецелую благодать на себя, потому что душа его действует.

Чтение, например. Может, ты многого и не понимаешь, но это тебе не помеха, ты читай, хоть и не понимаешь. Это прикосновение к Духу, по действию Которого написаны эти книги, постепенно притягивает нашу душу, то есть Бог притягивает душу человека, а у нее есть собственные рецепторы. У ума нашего они одни, а у души есть другие рецепторы, и она ищет Бога и распознаёт Его, понимает и принимает.

И так приходит жажда – когда человек постепенно начнет подвизаться в молитве и чтении, и когда разгорится ревность, он совершает великие дела.

Перевела с болгарского Станка Косова

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

[Двери.Бг](#)

[27 августа 2012 года](#)

Духовная жизнь начинается со слез

Никто не может словами исчерпать молитву, потому что она есть нечто совершенное, по сути принадлежащее не человеку, а ангелам, состояние по ту сторону мира сего; и ее нельзя ни выразить, ни описать. Человек может только что-то сказать о ней и более всего – о простом способе, каким она совершается, а об остальном его известит сама молитва.

Следует знать, что ни один человек не молится точно таким же образом, как другой, абсолютно ни один. Как ни один человек не говорит так же, как другой, никто не чувствует себя, как другой, никто не думает, как другой, и никто не таков, как другой. Точно так же и молитва, которая есть выражение человека, устремление всецелого человека к Богу, не может быть подобна молитве другого. Поэтому отцы Церкви всегда, давая определенные практические советы, предоставляют человеку применять их, и сама молитва становится наставником для человека. Если мы захотим предварительно определить какую-то схему молитвы, метод моления, то возникнет опасность свести все к методу и забыть о сути и цели, потому что молитва – не что иное, как средство, цель же – Христос, личность Иисуса Христа.

У молитвы нет абстрактной цели, она не какое-то неопределенное действие человека, а действие конкретное, определяющее, встреча, путь и встреча, единение Бога и человека – естественно, в той мере, в какой вы можете представить себе и понять это. Она такое сильное переживание, что никакое иное переживание в этом мире, каким бы глубоким оно ни было, не может устоять перед силой молитвы.

Потому сила и действие Церкви, которая реально изменяет, преображает и исцеляет человека, заключается по сути в молитве. Для нас, пребывающих внутри Православной Церкви, очень радостно, что мы – члены Христовой Церкви, Апостольской Церкви Христовой, верно сохранившей молитву. Православная Церковь – Церковь молящаяся, это Церковь, чьим высшим делом является богослужение. Тогда как на Западе, где апостольское предание утрачено, Церковь превратилась в светскую систему в светском государстве, молитва исчезла, и ее заменили дела: добрые дела, активность, проповедь, движения, благотворительность, социальное служение вытеснили это высочайшее дело Церкви – молитву.

В книге Деяний святых апостолов говорится именно об этом: первые христиане постоянно пребывали в молитве, учении апостолов и преломлении хлеба, то есть в Святой Евхаристии. Таковы три признака дела Церкви – молитва, апостольское учение, учение Церкви о молитве, и Евхаристия – наше участие в Господних Телес и Крови. Поэтому в нашей Церкви много богослужебных собраний, и она в первую очередь – служащая Богу Церковь.

В минувшие годы основания Церкви были расшатаны, поскольку к нам хлынули западные образцы и мы по ним судили обо всем. Мы перестали обращать внимание на богослужение, смотрели на дела, поэтому монашество отошло у нас на задний план, и развивалось только идеалистическое – на поверхности миссионерское – движение в Церкви, которое по сути было подражанием западным образцам; с добрыми намерениями, но по чуждым образцам.

Но в конце концов стало очевидным, что это явление не может удержаться в Церкви. Так все мы постепенно возвращаемся к истокам и учимся тому, что благодать черпается из молитвы, а содержание нашей христианской жизни – это благодать Святого Духа. Цель нашей жизни, как сказал русский [святой Серафим Саровский](#), – это [стяжание Святого Духа](#).

Если мы поймем это и передадим своему ближнему – ребенку, коллеге, тогда мы дадим ему нечто осязаемое; если же станем говорить ему о ценностях, идеалах, тогда мы будем говорить философски, а не богословски. Богословие – это опыт, а философия – это умозрение и идеи. Поэтому отцы Церкви, полностью, всеми силами посвятившие себя молитвенному деланию, говорили нам — естественно, сколько могли, — и передавали свой опыт и знание о молитве.

Для начала скажем о нескольких теоретических моментах. Всё в Церкви имеет целью исцеление человека, и поскольку исцеление это состоит в нашем возвращении к состоянию до грехопадения – ибо грехопадение

повредило нашу природу, исказило в нас образ Божий, извратило наши естественные энергии и помрачило красоту творения, – то сейчас Церковь как духовная лечебница заново воссоздает этот образ.

Главное, что было поражено грехопадением, – это наш ум, сердце. Когда мы говорим «ум», то в Церкви мы имеем в виду не мозг, разум, а совокупность душевно-телесных сил, духовных сил, то, что называется также сердцем. Грехопадением сердце человека было разбито, в него нахлынули страсти, и с тех пор человек страдает духовной шизофренией. Хочет одного, делает другое, думает о третьем, четвертого просит, он изменяется, переменяется, порой до такой степени, что сам себя понять не может и чувствует внутреннее замешательство.

Отцы Церкви, опираясь, разумеется, на философские знания своей эпохи, различают в душе человека части – разделение философское, однако вполне выражающее учение Церкви. Они учат, что у души имеются раздражительная, вожделевательная и разумная части. Первая – это сила гнева, справедливости, мужества. Вожделевательной частью являются желания человека – и телесные, и материальные, и даже духовные. Разумная часть – это рассудок, интеллект, как мы выражаемся сегодня.

После грехопадения эти силы в человеке рассредоточились, повредились и стали функционировать противоестественным образом, но все они должны вернуться в свое естественное состояние и соединиться, стать одним целым, человек должен стать несложным, каким его создал Бог. Поэтому вы иногда слышите, что в Церкви превозносятся простые люди.

Когда мы говорим «простые», «этот человек простой», «очень простой человек», то, по меньшей мере когда говорим среди духовных людей, имеем в виду не простоватого человека, иначе говоря – не глупого, и не какого-нибудь власть имущего человека, который выглядит очень демократично и весьма прост в своих манерах; всё это социологические схемы. Прост тот человек, который не думает лукаво: он как малый ребенок, сердце у него простое, доброе сердце, в нем нет хитрости, нет эгоизма, нет подозрительности, нет тайн за семью печатями. Соответственно, прост тот человек, который стяжал Божию благодать и все душевные силы его соединены.

Раздражительной части отцы противопоставляют Божию справедливость, Божию мудрость, Божее мужество. В качестве противоядия для разумной части они предлагают духовное чтение, духовное исследование, созерцание Божественных тайн, а для вожделевательной части – воздержание, аскезу и целомудрие, с крещением всего в купели молитвы. Иными словами, молитва – это движение всех сил человека к Богу. Это, однако, далеко не просто и не наступает неожиданно; к примеру, я сижу дома, занимаюсь всякой всячиной, в уме у меня самые разные представления, но я выключаю телевизор, иду молиться – и вот я уже в духовном состоянии. Так не бывает. Молитва нуждается в подготовке, она нуждается в среде, условиях, в которых ей можно было бы развиваться.

На уровне практики нам, прежде всего, необходимо правило. То есть у человека должно быть правило – каждый день совершать небольшое правило на несколько минут, небольшое, поскольку если он примется за большое, то не сможет удержать его. Как говорят отцы, лучше идти с малым, но постоянным трудом, чем с большим трудом и быстро остановиться. Лучше маленький труд, что-нибудь маленькое, но чтобы это было постоянно, чем что-то большое, что быстро завершится.

Надо начинать молиться по несколько минут — пять минут вечером, две утром. Затем постепенно увеличивать время – добавлять по две минуты за неделю, по минуте за неделю. Будете добавлять по минуте за неделю – через год придете к тому, что каждый вечер будете молиться по часу и более.

Однако, как я говорил ранее, нужны предпосылки, то есть ни один человек не сможет молиться правильно, если не постарается соблюсти всё, что говорится в Евангелии и о чем учит Церковь, потому что молитва – это «концентрат». Мы словно складываем все Христовы заповеди, всю борьбу, которую ведем, в один сосуд, выжимаем всё, и получается одна капля. Эта капля и называется молитвой.

Для большей конкретики поговорим о том, что всем более или менее известно. Я имею в виду так называемую монологичную молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» – умную молитву. Эта молитва действительно

является тайной Церкви, это очень страшная молитва. Она как бомба, которая с виду может быть такой маленькой, но пускает на воздух всё здание. И она действительно бомба, ибо стоит человеку стяжать и усвоить ее, он начинает видеть, как в глубине его сердца разверзается пролом, через который начинает вытекать вся грязь, все страсти, все грехи. Внутри человека происходит глубокое зондирование, и одновременно с этим Божественная благодать проникает в глубины его существа.

Надо знать, что только Бог входит в сердце человека, никто больше! Даже ум не входит в глубины нашего сердца, но только Бог, потому что Он создал сердце человека. Поэтому наши глубины, сердце глубоко, как говорится в [Писании](#), ведомы только Богу, Святому Духу, и Святой Дух открывает Себя людям, которые молятся.

Человек начинает постепенно творить молитву, повторять ее, простым способом: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – однако при некоторых предпосылках. Какая же из них первая? Крайнее смирение, то есть он должен понять, что обращается к Богу, а обращение к Богу не делается второпях. Бог – Тот, Кто создал небо и землю, Кто держит их в Своей руке, Кто привел нас из небытия в бытие; это Бог, Который нас ради в конкретный исторический момент стал Человеком, был распят, умер за нас, чтобы и мы получили спасение. Вот что первое – осознание того, к Кому мы обращаемся: к Богу.

А затем – «помилуй мя», то есть ощущение Божественной милости. Мы нуждаемся в Божией милости. Если мы будем так продолжать – с осознанием величия Божества и нашей крайней нужды в том, чтобы улучшить Божию милость, – тогда можно сказать, что на уровне практики мы обрели два крыла, на которых подобает лететь, и сейчас мы начинаем заполнять свое время молитвой.

Вначале эта молитва произносится устно, вслух, в голос. Когда мы одни, нам нетрудно шептать или даже произносить вслух молитву много раз, исключительно много раз, поскольку каждая молитва – как удар по скале, закрывающей наше сердце, по скале, которой является наше сердце. Потому что сердце человека иногда бывает таким твердым, что напоминает гранит, и человек, который молится, словно держит большой молот и бьет по этой скале, чтобы разбить камень сердца. Каждый раз, когда он наносит удар, откалывается кусок, камень рушится; он ударяет, ударяет, ударяет, пока сердце не разобьется; и когда оно разобьется, человек становится человеком. И так он заполняет свое пустое время (молитвой). Идет ли, ждет ли, ведет ли машину, едет ли – повсюду. Заполняет пустое время.

Сначала важно количество, а не качество. Он стремится произносить молитву много раз. Если может творить ее качественно – то есть с вниманием, умилением, – то хорошо, если же не может – не беда, пусть только творит молитву. И пусть не смотрит на свой ум: ум его может где-то витать, блуждать, думать о срамных вещах, думать о чем угодно и находиться где угодно – он же пусть продолжает творить молитву. Отцы даже говорят, что когда мы согрешаем – это нечто дерзновенное, но они так сказали, – в тот миг, когда человек согрешает, совершает самый ужасный грех, даже тогда он должен молиться. Иными словами, надо иметь дерзновение устремить ум свой к Богу и сказать:

— Вот видишь, что я делаю, но вопреки этому молюсь!

То есть я не могу делать что-то другое, но хоть уста мои взывают к Богу. И это уже что-то. Это как если кто-нибудь падает в бездну и ухватится за веревку. Держит он веревку, не выпускает, и придет час, когда Бог его помилует. Бог поможет, и он воспрянет.

Часто бывает так, что многие люди молятся, но погружены во мрак, они не видят просвета, не чувствуют утешения, не слышат ответа, их молитва – это духовный мрак и ад. Человек, который чувствует себя таким образом, должен естественно иметь дерзновение, потому что он похож на больного раком, который проходит через химиотерапию, волосы у него выпадают, его тошнит и прочие дела, но это тоже условие исцеления.

Человек должен углубиться внутрь себя, потому что там происходят две вещи. И первое вот что: в глубине души таится колоссальный эгоизм, скрытый для его глаз. Когда молитва ударяет внутри, выползает тьма, и эта тьма, живущая в нем, должна выйти. К сожалению, это самое тяжкое переживание для того, кто начинает молиться. Вместо того, чтобы обрести свет, он встречает мрак, вместо того, чтобы встретить Бога, он видит

ад, вместо того, чтобы выплыть, он тонет, и те из вас, кто читал житие святого Силуана Афонского, помнят, что он тоже утонул в аду, в аду отчаяния, погибели, но Господь явился и сказал ему:

– Держи ум свой в аде, ты должен быть в аду, но не отчаивайся!

И вот человек продолжает копать и ударять, пробивая глубины своего бытия молитвой, проявляя терпение, он лелеет надежду, надеется, что действительно получит Божию милость.

Ведь Сам Христос в Евангелии говорит нам, что всё, чего мы ни попросим в молитве, получим. Невозможно, чтобы Христос изрек ложь! Он сказал нам: стучите, и отворят вам, – откроется дверь; просите, и непременно получите. Если вы не получаете, то это означает, что вам нужно еще просить, настаивать, быть терпеливыми, не терять дерзновения, – ударяйте в камень вашего сердца, и Святой Дух непременно разобьет его.

Не нужно отчаиваться, когда видите этот мрак, когда видите, что ум ваш не собирается. Многие молодые люди из подвизающихся говорят:

– Отче, я молюсь, но не могу собрать свой ум, он носится там и сям. Я вообще не могу его удержать!

Не бойтесь! [Старец Паисий](#) приводит следующий пример: ум может бежать, но клубок держит Христос. Он рассказывал, как в их селе дети ловили воробьев, привязывали им к лапке нитку – это было для них забавой – и отпускали, но клубок держали в руках. Они, бедняжки, летели и думали, что свободны, что-то чувствовали у себя на лапке, но поскольку летели, то их это не тяготило: крылья-то у них были свободны. Когда же через некоторое время дети принимались сматывать клубок, воробушки возвращались назад. Им старец Паисий уподобляет человека, который молится, а его ум носится там и сям. Он говорил:

– Это ничего, чадо мое! Клубок да будет у Христа, а он пусть себе летит! Куда он денется? Вернется назад в определенный момент.

Так бывает с человеком, который призывает Божию милость. В то время, как он утонул в этом пространстве, но проявляет терпение, в глубинах его бытия зарождается надежда – надежда на Божию милость. Эта надежда начинает рассветать исподволь, и по его труду, настойчивости и силе свет этот постепенно преодолевает мрак.

Плоды молитвы изобильны и бескрайны. Есть великие плоды молитвы, украсившие святых: великие благодатные дары, чудеса святых, которых мы, разумеется, достигнуть не можем, но хотя бы будем знать о них теоретически. Человек получает пророческий дар, становится прозорливым. Всё то, о чем Христос сказал нам в Евангелии, подтверждается в жизни людей, которые молятся. Но тут, в повседневности, мы – молодые люди с великими немощами, что же происходит с нами?

Кто действительно молится, тот достигает одного великого результата – он становится социальным, общительным человеком, поскольку молитва обладает этим свойством выводить человека из его индивидуализма и соединять в первую очередь с Богом. Когда она соединит его с Богом, то заодно с этим человек легко соединяется со всеми остальными и уже не страдает от одиночества. Если кто страдает от одиночества, это означает, что он не молится. Кто молится, тот может быть совсем один, он может быть отшельником, жить в глухой пустыне, он может быть один и в Никосии, Афинах и не иметь ни одного друга, но утешение молитвы пребывает в нем.

Кто молится, тот действительно общается с другими. Его сердце общается, он не чувствует себя одиноким, а потом и перестает иметь абсурдные претензии к другим, что являлось порождением его индивидуализма и эгоизма. Когда хочет, чтобы его понимали, он не говорит:

— Меня не понимают! Меня никто не понимает!

Эти болезненные слова говорит человек, не вкусивший того, что значит [Святой Дух](#), что значит молитва. Потому что как ты можешь ждать, чтобы тебя поняли? Кто тебя должен понять? Давайте перевернем вопрос: а ты кого понял? Ты кого принял? Ты сам себя понял? Ты сам себя принял? Как же другой может понять тебя? А кто такой другой? Такой же человек, как и ты! Что такое другой человек? Почему ты ищешь у него того,

чего он не может дать тебе? Ты хочешь, чтобы он понял тебя, принял. Поэтому и начинаются потом болезненные сентиментальности:

— Я люблю тебя, а ты меня нет! Я не могу жить без тебя!

И плачут несчастные девушки, и получают все эти травмы и трагедии, которые мы порой наблюдаем. Почему? Потому что мы возлагаем завышенные надежды на людей.

В тот час, когда человек почувствует себя так, – и это очень естественно, чтобы вы, люди молодые, чувствовали подобные вещи, – он должен начать думать смиренно и молиться, по сути – направлять всё свое сердце, всё свое израненное сердце ко Христу, он должен научиться не ждать от других того, чего они не могут ему дать, потому что у них этого нет.

Что бы ни делал другой, он человек. Никакой человек не может совершенно утешить другого человека. Это ошибка – желать обрести покой в каком-нибудь человеке. Любой человек, как бы он ни любил вас и как бы ни любили его вы, – загляните внутрь себя, – имеет ограниченные возможности. Он человек, у него мало сил, у него малая вместимость, один только Бог дает всецелый покой человеку, и только Бог никогда не отталкивает человека и никогда нас не разочарует! И не предаст нас, не бросит.

Следовательно, то, чего мы ищем у других, надо искать у Бога; а перестав ждать этого от других, мы поймем, что другой существует не только для того, чтобы давать нам, но и чтобы брать у нас, и надо не только просить у него, но и давать ему. Мы хотим, чтобы он нас выслушал, чтобы мы выговорились перед ним. А почему бы тебе не дать другому выговориться перед тобой? Почему ты сначала не поговоришь с самим собой? Вот в чем дело. Ты не даешь ничего, а хочешь всё взять! Например: «Здесь и сейчас! Я хочу говорить с тобой здесь и сейчас!» И начинаются претензии, а после появляются болезни, психологические травмы, разрывы, всё то, во что мы впадаем и из чего потом вообще не можем выбраться; мы заходимся в плаче, становимся героями в собственном представлении из-за того, что страдаем от притеснения людей. А от нашего притеснения никто не страдает? Бог знает. Это мы воображаем себя героями.

Знаете ли вы, что молитва – это действительно самое эффективное средство от того, чем страдают сегодня молодые люди? Человек, который молится, не бывает борим всем этим. В противном случае он делает нечто другое – не молится, то есть не ищет Бога, а ищет другого – ищет человеческого утешения, он не научился искать Божией милости. Потому что возможно только так: или Бог лжец, или мы негодные. Бог не лжец. Значит, что-то не то с нами.

Что касается вопроса: означает ли тревога отсутствие веры?.. Даже то, что вопрос написан на таком листочке... уже признак тревоги. Потрепанный листок, который, если бы на нем и ничего не написали, дает повод для целой беседы. Вырванный наспех из какой-то тетрадки.

Тревога – это не только признак отсутствия веры, но и признак беспорядка. Не смейтесь. Знаете, ведь человека иногда видно в мелочах; и встретив святых, вы увидели бы, что они совершенны даже в частностях. Мы видели святых отшельников, людей, у которых в келье – там, где они жили, в их пустынных местах, – не было ничего: у них был такой чин жительства. И всё, что они делали, они действительно делали как можно лучше, даже самую простую вещь. Надо помидор порезать – они резали его отлично. Поэтому будьте внимательны к деталям. Особенно девушки.

Тревога побеждается и уничтожается молитвой, потому что тревога в сущности происходит от натиска среды, натиска событий мира сего: наваливаются уроки, спешка, наши немощи, страсти, всё – и нас охватывает тревога. Молитва обладает следующим свойством: как только она начнет совершаться в человеке, она выводит его из всего этого, дает ему другое ощущение времени, другое ощущение вещей мира сего. Она заставляет его подняться над всем этим – делает его не бесчувственным, а чувствительным, но неуязвимым для событий мира сего.

Первое, о чем говорят отцы: она освобождает ум и сердце от среды, и поскольку именно среда порождает тревогу, то молитва действительно освобождает от тревоги. Так человек, который молится, и молится с

чувством, избавляется от всего этого, поскольку, что бы ни случилось в его жизни, даже смерть – во всех ее формах, не только как биологический факт, – он просвещается Христовым присутствием.

Скажу вот еще что: именно в Церкви, где человек проводит помногу часов, исчезает натиск среды, потому что Церковь подает человеку силу отстранить от себя вещи мира сего, особенно святая литургия. Поэтому важно научиться ходить в церковь. Церковь, богослужение похожи на самолет, ты действительно так чувствуешь себя: туда заходишь и хочешь – не хочешь, понимаешь – не понимаешь ты в самолетах, но летишь вместе с другими. Самолет взлетает вместе со всеми находящимися внутри. На это похоже богослужение.

Вот ты пришел на литургию и стоишь пень пнем. Пусть так, пусть даже ничего не понимаешь, но ты приходи только, и будь ты хоть пнем, сухим бревном, и пусть ум твой, если хочет, витает, скитается и носится где-то там... Но и дерево в Церкви освящается, и камни, и пыль. Поэтому, когда мы в монастыре подметаем храм, мы не высыпая пыль в мусорное ведро: у нас есть специальное место, куда мы ее выбрасываем, потому что в храме даже пыль священна. Точно так же и всякая вещь, которая была в храме, уже не используется для какой-нибудь общей цели. Этот стол ты уже не можешь взять и пойти с ним на шашлыки: он освящен.

Итак, мы говорим о практическом уровне: вот человек постоянно повторяет молитву и доходит до некоей точки – знаете до какой? Он научается плакать. Слезы – это признак молитвы. Через слезы действует молитва в человеке. Пока ты не плачешь, ты будешь страдать. Если же научитесь плакать, начнете дышать душой. Поэтому отцы исключительно много говорят о слезах.

Ты скажешь мне: «Что ж нам теперь, взрослым людям, начать плакать как дети?» Хорошо, женщины могут плакать, их слезы недорого стоят. Я говорю это не потому, что имею что-нибудь против женщин! Но дело действительно обстоит так, что им легко заплакать, и они могут употребить свои слезы на добро. То есть когда они плачут так, то эти слезы, что с легкостью катятся по женскому лицу, могут насадиться в молитве. Они действительно приносят большой плод. И поэтому женщины молятся исключительно много, с великой силой. Но и у мужчин тоже должно быть нечто подобное, потому что если человек не научится молиться со слезами, он не сможет обрести сущность своей молитвы.

Поэтому каждый день, каждый вечер, когда мы одни в своей комнате, нужно уделить немного времени себе и начать молиться с сознанием величия Бога и Его милости, и так, чтобы начать плакать. Когда научитесь плакать, тогда вы действительно вошли в духовную жизнь. [Святой Исаак Сирий](#) говорит, что духовная жизнь начинается со слез. Парадоксально, абсурдно звучит сегодня: «пойти молиться и заплакать». Но по-другому нельзя.

Вспомним-ка, как поступали старые люди, которые были так добры и мудры и так легко начинали плакать. Вы помните похороны в былые времена? Какие хорошие похороны тогда были! Идешь туда и слышишь рыдания, плач. Но вот закончилось погребение – и люди уже спокойно едят и спят. А сейчас: начинаются похороны – люди пьют антидепрессанты, закончатся – они идут к психиатру. 15 лир за 45 минут – бедные врачи, им тоже нужно на хлеб заработать, – и вот карманы у людей уже забиты таблетками. Потому что они не плачут, даже на похоронах сегодня не плачут.

Когда я в Солониках учился в университете, то узнал как-то, что произошла авария и два человека погибли. Я уже давно не слышал похоронных причитаний и сказал себе: пойду послушаю, как люди плачут, поплачу и я, так сказать. Пришел на отпевание в митрополичий храм во имя [святителя Григория Паламы](#) в Солониках и стал ждать, как на Кипре, когда появится гроб, чтобы услышать эти душераздирающие крики. И вот вносят гроб, и ничего. Не буду говорить, что было полно цветов и каких-то венков. Сначала я даже подумал, что тут будет свадьба. Но вот закончилось отпевание, священники назвали имя покойника, спели тропари – и всё. Это ужасно.

Не плачут, а потом и не смеются тоже. Кто не плачет, тот и не смеется. А если смеется, то как-то так, не в полную силу. Он не смеется от души, всем своим существом, так, чтобы лопнуть со смеху. Всё становится поверхностным: плачет он поверхностно, смеется поверхностно, любит другого поверхностно, всё происходит как-то так и не достигает глубины его бытия.

Духовная польза скорбей

Имея надежду на Царство Божие, радуйтесь, пусть и какое-то время, ведь вы знаете, что в этом мире и этой жизни не может быть непрерывного счастья, а, к сожалению, будет еще много скорбей, и потому апостол прямо говорит: «Хоть сейчас и поскорбите в различных искушениях».

Почему же нам нужно скорбеть во многих искушениях? Неужели Бог радуется тому, что мы проходим через трудности и искушения? Горе нам, если мы так думаем, – ведь Бог не садист, чтобы радоваться нашим трудностям: Он трудностей нам не посылает и Он не желает, чтобы они у нас были. Для Бога неприемлемо содействовать злу, существующему в мире сем. Бог никогда не содействует злу, существующему в мире.

Что же тогда происходит?

Зло существует по причине свободы человека, вследствие факта нашего падения. Зло существует потому, что наш путь зачастую оказывается противоположным мудрости века сего, и мы поневоле бываем вынуждены испытывать скорбь в сердце своем.

Во времена апостола Петра христиане были гонимы; его послания были написаны в I веке, при гонениях. В то время если кто-нибудь говорил, что он христианин, это означало конец его земной жизни. Апостол пишет: «Не бойтесь, имейте надежду на Божие наследство, которое хранится для нас на небесах и которым мы живы теперь; оно хранится для нас на небесах – радуйтесь в этой надежде, пусть мы недолго и поскорбим в различных искушениях», то есть не только когда нас преследуют идолопоклонники^[1].

Слава Богу, сегодня у нас нет тех, кто исповедует поклонение идолам, по крайней мере в нашей стране, но идолопоклонство окружает нас, да и мы сами часто бываем идолопоклонниками, потому что поклоняемся собственным страстям. Мы поклоняемся материальному, вещам, и когда в какой-то момент лишаемся их, то чувствуем себя так плохо, что можем даже заплакать. Мы чувствуем себя плохо, когда позволяем себе сделать что-то, зная, что от этого не будет пользы. Мы плохо себя чувствуем даже тогда, когда слышим нелестные слова и насмешки в свой адрес из-за своей веры, из-за того, что веруем и хотим веровать в Бога. Хорошо, мы с вами – взрослые люди, и если кто-нибудь скажет слово против нас, то не беда. Однако все равно ты удивляешься (а мы все это пережили тоже, когда были студентами), увидев, как дети и подростки с присущим им юношеским буйством и незрелостью смеются и издеваются над детьми, остающимися верными Богу, – и причем не по злобе, а просто так: «У-у, ты будешь попом! Ты будешь монашкой! Монахом!» И много чего еще. И ребенок несет бремя этих слов.

Или же – стоит только произойти чему-нибудь в Церкви, как сразу, куда ни пойдешь, так, лишь завидят нас, и начинают: «А! Вот они! Ну, пожалуйста сюда, вы, которые...» И мы, прижатые к стенке, вынуждены защищаться, оправдываться из-за чего-то, случившегося в церковной среде. А что оно такое есть? Человеческое несовершенство. Кто говорил когда-нибудь, что Церковь обещала совершенство этому миру?

Все мы боремся со своим собственным несовершенством. Разве где-нибудь существует совершенство? Если существует, то пусть скажут где, чтобы и нам пойти туда и обрести его. И если даже среди учеников Христовых его не было, то неужто оно будет в этом мире?

Церковь – это не совокупность людей непогрешимых и безгрешных, а таких людей, которые подвизаются и каются, которые познают покаяние, могут бороться и не бросают борьбу, что бы ни случилось. Человек может иметь много страстей и недостатков, но, тем не менее, ты не знаешь, как судит Бог об этом человеке. Мы очень часто своими глазами видели, что оценка Бога полностью отлична от человеческой.

Итак, зачем нам нужно скорбеть в различных искушениях?

Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа (1 Пет. 1: 7).

Из всего этого злключения выходит нечто очень важное – испытание веры. Под испытанием я подразумеваю не то, будто Бог испытывает нас. Если пойти и сказать тому, кто сгорает в огне скорбей и искушений:

– Знаешь, это Бог испытывает тебя! – он ответит тебе:

– Ну уж, извините! Это что же? Бог играет с нами? Чего Ему меня испытывать?! Что Ему в этом испытании меня?

– Но Бог испытывает тебя.

– Зачем? Бог что, не знает, верен ли я? Обязательно нужно раздавить меня, чтобы увидеть, верен ли я?

То есть выходит, будто Бог говорит: «А ну-ка посмотрим, вот этот вот верит в Меня? Прижму-ка Я его чуток!»

Вот именно это делаем мы, не зная сердца другого, тогда как Бог знает наше сердце! Он знает, верим мы в Него или не верим. Что же это за испытание тогда? Почему оно называется так?

Это испытание не означает испытания в том смысле, который мы обычно в это слово вкладываем, – то есть испробовать, чтобы сделать вывод о том, что происходит. Δόκιμος означает человека, который уже искушен и научен, то есть очень тверд. Испытание веры – это именно испытание твердости веры. Через искушения, через скорби, через трудности человек становится твердым, пускает глубокие корни, утверждается в вере и вынужден бывает окрепнуть, стать таким сильным, чтобы не согнуться, не упасть; сердце его становится как скала – чтобы он стал стойким.

Поэтому скорби и испытания помогают нам, они не помогают Богу понять что-то. Бог не испытывает нужды в том, чтобы обогатить Свое ведение о нас; испытания помогают нам, и если человек духовно использует испытания, тогда действительно становится очень сильным. Происходит то, о чем говорит апостол: человек становится подобен золоту, которое искушается в огне: его расплавляют и бросают в огонь, чтобы оно стало чистым, чтобы отделилась грязь и осталось одно только чистое золото. То же самое и с человеком, который проходит через испытания и очищается от ржавчины, от страстей, имеющихся у него, и становится подобным золоту пред Христом в похвалу, славу и честь, когда Он явится.

Именно в этом заключается тайна Церкви, и она для этого входит в нашу жизнь, а не для того, чтобы положить конец нашим скорбям. Церковь не прекращает скорбей и не избавляет от них и от испытаний, а показывает нам, как их обратить на пользу таким образом, чтобы то, что тяжело и мучительно, стало для нас благотворным и радостным.

Чтобы яд стал лекарством, горькое – сладким и человек вышел из этого испытания с большой духовной пользой, до такой степени, что отцы говорят: если человек не пройдет через скорби, искушения и испытания, то он в сущности неискушен, он, как говорят в народе, словно недоваренная пища^[2]. Не так ли? Возьми сырую пищу, положи ее в кастрюлю, добавь туда всех хороших приправ, какие в ней должны быть, но если ты начнешь жалеть ее и скажешь: «Нет, дороговато будет запекать ее, жалко ее ставить на огонь», – то что тогда будет с ней?

Однажды на Святой Горе один старец – влах, румын – сказал:

– Знайте, что человек – и монах, и всякий христианин – похож на хлеб. Если бы у хлеба был рот, то он, когда мы бросаем его в раскаленную печь, бедняга, начал бы вопить: «На помощь! Вытащите меня отсюда! Я сгорю!» Но ты, зная, что ему, чтобы стать съедобным, надо хорошо пропечься, стать приятным на вкус, говоришь ему: «Нет!» И сидишь там час, сидишь и стережешь его, а он протестует, кричит: «На помощь, пожалейте меня! Я сгорел!» Ничего. Стоишь себе у печи час, чтобы он пропекся, чтобы стал очень вкусным! И чем лучше пропечется хлеб, тем он вкуснее! Ведь так мы поступаем с едой, говоря: «Она должна хорошо провариться»?

Святой Игнатий Богоносец, который жил в I веке и был учеником святого евангелиста Иоанна Богослова, – сохранились его письма, которые он послал в Рим, – говорил: «Я иду в Рим, чтобы мученически погибнуть!» Ему было уже за 100 лет. И поскольку ему дали знать, что христиане собираются подкупить палачей, чтобы те не бросали его львам, он сказал им: «И очень прошу вас: не платите денег, чтобы помешать львам съесть меня! Меня непременно должны съесть львы!»

Тогда часто происходило нечто странное: львов выпускали в амфитеатр, но дикие звери не трогали христиан. Много раз на виду у всех они становились кроткими и не прикасались к христианам. А святой Игнатий сказал: «Даже если звери не съедят меня, я заставлю раздражить их, пусть меня съедят. Потому что я как пшеница, которая должна быть смолота, чтобы стать хлебом – сладким хлебом, который сначала должен быть смолот в зубах зверей»^[3].

Вы видите, что первые христиане знали, как относиться к трудностям, неудачам, проблемам в жизни? Для нас сегодня, чада, это очень важно, потому что, к сожалению, все то воспитание, которое мы получаем дома, в школе и Церкви, – это сплошное, так сказать, эвдемоническое^[4] воспитание. То есть нас учат тому, как жить благополучно, чтобы с нами все было хорошо, чтобы здоровье было в порядке, учеба продвигалась, так что, когда случается сбой в чем-нибудь, человек внутренне начинает изнывать и даже негодовать на Бога и спрашивает себя: «Ну почему? Почему Бог попускает мне страдать от всех этих зол?»

Потому что мы не научились тому, что в этом мире Бог не обещал нам никакого благоденствия, а наоборот, показал нам путь и сказал: «Посмотри, в жизни у тебя будут разнообразные искушения, но в них имеется определенный смысл, определенная цель, и она служит тебе на пользу, чтобы ты пропекся, чтобы был возделан в этих искушениях, как земля, которую обрабатывают». И земле, фигурально выражаясь, тоже больно, когда ее пашут. Да, но если не будет вспахана, как она даст обильный плод?

Итак, духовно обрати на пользу искушения и скорби. Если ты извлечешь пользу из какой бы то ни было трудности, тебе невозможно будет остаться без плода.

Даже в браке, женившись, мы сталкиваемся с проблемами, трудностями, но если ты живешь, мечтая о безбурной жизни, словно в медовый месяц, то и не поймешь, что медовый месяц – это всего лишь месяц, и нет второго такого, нет полугодия, квартала или года... Длится ли медовый месяц хотя бы год? Или все же один месяц?

Если вступишь в брак с этой мечтой, тогда столкнешься с исключительно многими трудностями. Потому что да, брак включает счастье, но он включает и труд – нелегко жить с другим человеком, поддерживать другого: надо пересиливать себя, тебе надо умереть, чтобы жил другой. А после этого нужно умереть вам обоим, чтобы жили ваши дети. Вот так-то. То есть вам надо обоим умереть себя, и после этого то, что у тебя есть и что ты произведешь, отдать своим детям.

Это преодоление себя – великая вещь. Бедняга, он изнурил себя, работая многие годы подряд, по многу часов, на нескольких работах, а с легкостью отдает все своему ребенку. Это труд. Поэтому и брак тоже способ и путь спасения, как и монастырь.

Однажды пришел ко мне один американец греческого происхождения, ученый, начитавшийся книг и возжелавший стать монахом. Нашел меня. Говорит, что прочел кое-какие книги и, поездив по некоторым местам и изучив несколько религий, решил остаться православным и стать монахом. А почему?

– Потому что, – говорит, – я прочитал, что монахи – это ангелы и их жизнь называется ангельским житием.

Я сказал ему:

– Господин, это очень хорошая идея – стать ангелом! Ну, хорошо, монахи – это ангелы, так сказать, и применительно к ним действительно говорят об ангельском житии и ангельском чине, но мы же все-таки люди! Это хорошо – стать ангелами, сын мой, но не сразу! А пока стань сначала человеком!

Сначала стань человеком, и тогда станешь ангелом. Ты не можешь уйти в монастырь и сказать: «Я уйду в монастырь, чтобы стать ангелом!» Потому что очень скоро обнаружишь первым делом, что ты – диавол! Это самое болезненное. Самое болезненное в монастыре – не устранение от мира, от родителей и не принятие решения, что у тебя не будет семьи и прочего. Самое болезненное – это когда с тебя снимается покрывало, и ты видишь свое собственное зловоние.

Когда видишь все свои страсти, когда ты, хороший человек, высоконравственный, святой, бывший примерным и добродетельным студентом, видишь, что в тебе имеется много страстей, много трудностей, – и не можешь вынести другого человека. Ты не можешь стерпеть того, что он дышит! Не терпишь его.

Ты можешь возражать ему: «Как ты со мной разговариваешь? Да ты знаешь, кто я? Или кем был?» Но эти вещи в монастыре не проходят – ни кто ты такой, ни каким был, ничего. Здесь нет ничего этого. Надо научиться тому, что там ты будешь бороться. Ты вступаешь в борьбу, ты выходишь на поле брани, и не жди, что будешь проводить время в благоденствии, – ты дашь кровь, чтобы получить Дух, как говорят отцы^[5].

То же самое и в браке. В браке ты отдашь свою кровь, то есть не отдашь ее – это в монашестве ты ее отдаешь, а в браке из тебя ее высасывают, ее выпьют из тебя через соломинку, другой возможности нет. И ты, естественно, с удовольствием отдашь свою кровь. Это не так-то легко. Так что держите в уме, что этот путь имеет определенный смысл, что надо научиться духовным образом обращать на пользу свои трудности там, где ты находишься. Как в браке, так и в монашестве, в Церкви.

Ты вступаешь в Церковь, сталкиваешься с проблемами, затруднениями, ты должен нести крест Церкви на себе, должен нести крест другого человека, кто бы он ни был. Кто сказал тебе, что ты будешь заниматься ангельскими сферами? Ты будешь заниматься только человеческим миром, будешь бороться с этими вещами. Вот что ценно в Церкви.

Чада, это ложь, это великая ложь – воображать себе, будто мы безупречны, как это представляют протестантские деноминации: «Ах, как замечательно!» Идешь туда, и тебя встречают улыбками во весь рот и все поют: «Ля-ля-ля». Вот такие вот вещи. Но разве человека изменят широкие улыбки, слова и песенки? Тут нужно бороться врукопашную с грехом, с самим собой прежде всего.

И многие православные, несчастные, идут туда и впадают в заблуждение: «Я был там, там было так хорошо, вокруг были улыбающиеся люди, они такие учтивые, мы пели». А потом видишь каких-нибудь пожилых дам с длинным маникюром... которые, несчастные, не находят смысла в Церкви и говорят: «Но у нас певчие плохо поют, попы ходят бородатые, с длинными волосами, в черных рясах. Почему бы им не приукраситься немного?..»

Слышишь просто какие-то безумные вещи. Этот человек не понял как следует и говорит: «Мы ходили в эту “церковь”, и там было хорошо. Пастор был учтив, он встретил нас в дверях, поздоровался со всеми, улыбнулся». Ну хорошо, это естественно, что он тебе улыбается, но суть вещей не в этом, ты людей не изменишь таким образом.

Вы знаете, дети, как это страшно, когда имеет место лицемерие, иногда даже в семье? Идешь в какой-нибудь дом, выходит жена и обращается к мужу: «Господин Николау». Но, чадо мое, скажи ты ему: «Йорго», «Коста» или кто он там еще. Чтобы ты обращалась к мужу своему по фамилии? Или ребенок к отцу?

Это напоминает мне некоторых моих студентов, когда я преподавал богословие, которые, бедняжки, состояли в каких-то религиозных движениях, и если были помолвлены, то, представляя нам свою невесту, говорили: «Это девица Николаиди!» Ну что это такое? В этом есть что-то нездоровое. Что это за слова, сын мой? Да назови ты ее имя! Что это с тобой? Лицемерие, мертвые формы. В любом случае.

Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною (1 Пет. 1: 8).

В ту эпоху были христиане, которые видели Христа, и были такие, которые никогда Его не видели. Апостол пишет вторым. Он сам видел Его и был с Ним.

«Которого любите, не видев Его». Здесь я хочу немного остановиться и сказать вам, что в Церкви мы делаем именно это. И вы, если хотите обрести смысл в вашем искании Христа, должны понять одну важную вещь: в Церкви мы не формируем верных людей, вера – это одна из ступеней, но не совершенная. В Церкви мы формируем людей, которые не просто веруют во Христа (и когда я говорю «веруют», я подразумеваю, что они верят, что Бог существует), а формируем людей, которые любят Христа. Мы призваны возлюбить Христа, а не просто поверить в то, что Он существует.

Это большая проблема христиан наших дней. Спросишь кого-нибудь, и он отвечает:

— Я верю в Христа, конечно!

Он не неверующий – «я верю в Христа». Он не любит Христа, потому что не хочет делать ничего ради Христа, он хочет просто верить в Него и чтобы другие не считали его неверующим; или же использует Его, когда Он ему нужен. Он говорит:

– Ну конечно, вот посмотри: я, сколько раз Бог ни был нужен мне, молился Ему, и Он меня услышал!

Бог – нечто такое, что мы используем. «Есть у меня какая-то нужда – я молюсь, и Он меня слышит! И, естественно, когда Он нуждается во мне, я Его тоже слышу! То есть хочет Он, например, чтобы я отметил какой-нибудь Его праздник, – я делаю это! Хочет, чтобы я раз в месяц ходил в храм, – иду! Хочет, чтобы я исполнял несколько элементарных заповедей, – я делаю это! У нас торговые отношения с Богом: я работаю на Него, Он работает на меня, и мы оба в порядке. Ни у Него нет больших нареканий, ни у меня больших претензий, и каждый из нас доволен. Но, однако, без того, чтобы я давал Ему много свободы: пусть знает Свою меру, пусть знает Свои границы! Бог должен знать, что Он не может многого просить у нас: без грубости, пусть просит нескольких вещей, которые мы можем сделать, а сверх того – ничего больше, потому что от этого что-нибудь может разладиться».

И если кто-нибудь обманется и сделает что-нибудь сверх того, тогда начинаются проблемы. Большие проблемы. И признаюсь вам, что самые большие проблемы, которые у нас имеются в церковной среде, исходят от этих людей, от этого типа так называемых религиозных людей, для которых Бог – это религия, то есть определенный религиозный факт.

Христос для них – не Откровение. Они не любят Христа. Почему? Потому что для них Христос – это идеология, религия, совокупность идей исключительно хороших и великолепных, золотых – но никто никогда не может любить голую идею. И никто не так слабоумен, чтобы жертвовать своей жизнью ради одной идеи. И любят не только идею. Есть ли среди вас такой, кто может жениться только ради идеи? Не можешь ты жениться ради одной идеи. Ты женишься на другом человеке, другой личности, потому что у тебя есть конкретные отношения с этой личностью.

В Церкви никогда нет какой-то идеи, Церковь против всякой идеологии, против всякой философии, всякого умозрения – это то, что мы должны усвоить себе очень хорошо, потому что, к сожалению, это сильно проявлялось в религиозных учениях даже в нашей стране. Для нас Бог был долгом, морализмом, обязанностью. Мы не научились тому, что для нас Бог – это возлюбленная Личность, и человек влюблен в Бога, он любит Христа, и любит сильно, он любит Его так сильно, что никакая другая любовь не может устоять перед любовью ко Христу, даже любовь к нашему «я».

Это любовь, через которую Христос призывает нас превозмочь всякую другую любовь. Вы видите, что Он говорит? «Внимайте хорошенько, – говорит Христос, – кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 37). Христос приходит и говорит тебе: «Если ты любишь отца или мать больше, чем Меня, ты недостоин Меня. Если ты любишь жизнь свою больше Меня, ты недостоин». Почему?

Чтобы показать, что никто не ненавидит своих родителей, мы бескрайне любим их, но в этой любви есть определенная иерархия, и любовь к Богу – это пламя, это огонь, она, когда вспыхнет в сердце человека, распространяется на всех. Ты не можешь ненавидеть никого, если любишь Христа, но не можешь и ради любви к другому погасить любовь к Богу.

Иногда мы действительно находимся в большом затруднении. Мученики, чада, часто оказывались в таких трудностях.

Вот мы праздновали память святого Каллиопия[6]. Это был 15-летний мученик. Язычники схватили его и спросили, христианин ли он, и он ответил утвердительно. Решили убить его. Его мать была там. Решили распять его на кресте. В Страстную пятницу распяли его на кресте, не зная, что была Страстная пятница. Его мать стояла под крестом, и пошла она туда, чтобы ребенок ее не поколебался и не отрекся от Христа. Подумайте только, какую иерархию любви имела она в душе.

То же и со святыми 40 мучениками и матерью самого младшего из них, Мелитона. Когда их вытащили из замерзшего озера в Севастии и все оказались мертвы, сын ее был жив. 39 тел мучеников погружены были на телегу, и их повезли в некое место поблизости, чтобы сжечь там. Мать пошла, как написано, и, увидев, что дитя ее еще живо и идолопоклонники не взяли его вместе со всеми, взвалила его себе на плечи и поспешила за телегой, чтобы успеть положить его со всеми и чтобы он не лишился мученического венца.

Святая Перпетуя была 20-летней молодой женщиной, она только что родила. Она была дочерью синклитика, то есть министра, и когда ее бросили в темницу и не могли заставить изменить своей вере, муж ее пришел, взял ребенка и сказал:

– Пожалей своего ребенка. Что будет с ним, кто будет кормить его, кто вырастит?

И не отдавали ей ребенка, чтобы сломить ее дух.

То есть вы только подумайте, что это за борьба была, но вопреки всему мученики оставались непреклонными.

У святого Иоанна Златоуста есть хорошее слово о Соломонии, у которой было семеро детей (святые братья Маккавеи)[7], всех их убили у нее на глазах. Одного бросили в кипящий котел, другого повесили, третьего обезглавили. Она была еврейка, говорила на еврейском и сказала им:

– Смотрите не отрекитесь от своей веры! Оставайтесь верны Богу и не бойтесь временного мучения, а имейте перед глазами Божию любовь!

И мы ждем встречи со Христом, вы пройдете через мучение, и тогда мы встретимся со Христом, не бойтесь.

И святой Иоанн Златоуст говорит ей похвалу: «Посмотри на мученицу. После этого она сама погибла мученически, умерев прежде семь раз мученически как мать, когда убивали ее детей. О, блаженна мать та, что превозмогла природу!»

Самое сильное чувство на свете – это материнство. Кто может отрицать это? Даже у самой малой пташки есть материнское чувство. Ты идешь по своим делам, а мать малого птенца нападает на тебя. Вопреки всему, это самое сильное чувство отступает перед Божией любовью и придает смысл всему остальному.

В конечном счете в Церкви то, что скрепляет мир и нас, – это не вера в какую-нибудь идею (мы не идеологи ни в коей мере, не философы, не мыслители, не люди абстрактного искусства), а конкретное отношение. В Церкви ты развиваешь конкретные отношения любви с личностью Иисуса Христа, то есть то, о чем святой апостол Петр говорит: «Вы, хотя и не видели Христа лично, любите Его!»

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Двери.Бг](#)

[7 августа 2012 года](#)

[1] См.: 1 Пет. 1: 4–6.

[2] См., напр.: Макарий Египетский, преподобный. Духовные беседы. Слово 7. Гл. 14. М., 2007. С. 637–638).

[3] См.: Игнатий Богоносец, священномученик. Послание к римлянам. Гл. 4–5 // Писания мужей апостольских. СПб., 1895. С. 292–293.

[4] Эвдемонизм – жизненная философия, считающая достижение счастья целью человеческой жизни.

[5] См., напр.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Лонгине. § 4. М., 1999. С. 270; Петр Дамаскин, преподобный. Творения. Кн. 2. Слово 24. М., 2001. С. 315.

[6] Имеется в виду мученик Каллиопий Помпеопольский († 304; память 7/20 апреля). Память упоминаемых далее 40 святых мучеников Севастийских († ок. 320) – 9/22 марта, мученицы Перпетуи Карфагенской († 202–203) – 1/14 февраля, мучеников Маккавеев († 166 г. до Р. Х.) – 1/14 августа.

[7] Три беседы о святых Маккавеех и о матери их см. во 2-й книге 2-го тома «Творений» святителя Иоанна Златоуста.

Любим ли мы Бога?

И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ через веру в Него.

(Еф. 3: 9–12)

Все домостроительство Божие и дело, совершенное Богом для спасения человека, было тайной Бога, сокрытой в Нем. И Промысл Божий о человеке был таков, чтобы человек не оставался в падении, не оставался пленником сатаны; Бог сплел огромную сеть, в которую уловил даже самого сатану, уже уверовавшего было в свою победу – в то, что ему удалось поразить образ Божий, низложить человека – самое красивое творение Божие. Но Промысл Божий был иной: чтобы человек не оставался в этом разложении, а имел возможность – разумеется, будучи свободным, – не только возвратиться туда, к началу, к тому, каким создал его Бог, но и пойти намного дальше – стать настоящим чадом Божиим.

Все это было в Божиим замысле, потому что Бог не хочет, чтобы человек погиб. Это единственное, чего не хочет Бог, – Он не хочет порока, не хочет греха, не хочет, чтобы человек погиб. Он – Бог и делает все, чтобы спасти человека.

Так задумайтесь над тем, что это значит: всемогущий Бог делает все для спасения человека. Единственное, чего Он не делает, – не потому, что не может, а потому, что не хочет этого делать, – это отнять свободу у человека. Он никогда не делает этого, никогда не отнимает у нас свободу.

Он посылает нам приглашения прийти к Нему. Не принуждает нас силой подойти к Нему ближе, а шлет нам много приглашений, подает много поводов к тому, чтобы мы полюбили Его. Подумайте: прежде всех веков, еще до того, как мир был создан, Бог, так сказать, думал о нас, знал каждого из нас, испытывал эту любовь к нам, ради нашего спасения! Намерение Его было таково, чтобы мы не погибли, не сгинули где-нибудь вдали от лица Его.

А поняв хотя бы это, мы испытаем такое сильное чувство, от которого человек воистину тает в бескрайней благодарности к Богу, ведь он видит безбрежную Божию любовь к нам и при этом – к сожалению – и наши грехи и страсти, наше окаянство, безумные поступки, которыми мы противодействуем плану Божию о нас и нашем спасении и тем срываем его. Потому что грех – это, несомненно, не что иное, как наша попытка, наше согласие с сатаной на то, чтобы нарушить Божию волю о нашем спасении.

Божия любовь, мудрость и Промысл были известны всему творению – ангелам, началам и властям, всем небесным чинам. Но даже ангелы не знали, как Бог спасет человека. Потому и говорится: «Еже от века утаенное и Ангелом несведомое таинство»^[1], – ибо и они не знали, как Бог спасет человека. Они видели и знали Божию любовь, но не знали того, что было открыто только через Пресвятую Богородицу, через воплощение Бога Слова, ставшего Человеком ради нас. Именно эта тайна открывается нам, говорит святой апостол Павел, и многообразная премудрость Божия, которая так многообразна, так богата, так многогранна^[2].

Бог не есть нечто одностороннее. Он совершенен, с какой стороны на Него ни посмотри; Божия премудрость многообразна, она всесовершенна. И право же, если человек, имеющий хоть толику чистого ума и духовности, задумается о том, как Бог управляет всем творением, всей нашей жизнью, нами Емуверяемой, и как все точно расположено на своем месте и ничто не ускользает от Промысла Божия, тогда он не сможет не восхититься.

Вот, к примеру, на дорогах, даже высокогорных, обычно очень узких и извилистых, порой встречаются бесшабашные водители, куда-то спешащие и безрассудно всех обгоняющие. Кто-нибудь пролетает мимо на огромной скорости, глазом не моргнув. И тут же навстречу ему вылетает другой автомобиль. И ты говоришь себе: «Гляди-ка! Еще секунда-две, и они столкнулись бы: погибли бы сами и погубили бы нас, оказавшихся рядом с ними!»

Разве это не Промысл Божий, наперекор всему снисходящий к нашему безумию и беспечности и тем способом, ведомым только Богу, предусматривающий даже мелочи в нашей жизни?

Конечно, спросят меня: «А почему же тогда происходит столько несчастных случаев? Разве Бог не обо всех промышляет?» Мы не можем знать, почему случаются несчастья; у них бывает много причин: наша беспечность и тысячи других причин. Единственный, Кто не бывает причиной зла, – это Бог. Бог никогда не становится причиной зла. Напротив, имеются случаи, когда, например, происходит какое-нибудь небольшое замедление – к примеру, кто-то задержал нас и потому мы опаздываем куда-то, а позднее оказывается, что если бы мы вышли вовремя, то с нами случилось бы то-то и то-то. Видите, как все, что делает человек, Бог превращает в повод спасти его?

Вспомните, что мы говорим на святой литургии о видимых и невидимых благодеяниях, о которых знаем и о которых не знаем^[3]. Невидимых благодеяний и тех, о которых нам неизвестно, больше, чем тех, о которых знаем. Тех, о которых мы знаем, мало. То есть известных нам случаев, когда Бог облагодетельствовал нас, сохранил и спас нас, несравнимо меньше, чем тех, о которых мы даже не подозреваем, когда нечто губительное произошло бы, если бы Бог не вмешался.

Однако когда человек обретет духовный покой, когда он очистит свой ум и войдет в благословенную атмосферу молитвы и безмолвия, тогда душа чувствует эти Божии благодеяния, она становится чуткой к ним и с легкостью понимает Божии благодатные вмешательства. Много раз мы бывали свидетелями вот чего: происходит, например, какое-нибудь потрясающее событие, а мы его не понимаем, так что и не придаем ему значения в тот момент, когда оно случается, но спустя время, когда пройдут дни, недели, месяцы, а может, даже годы, мы понимаем, что случившееся тогда было не чем иным, как мощным вмешательством Промысла Божия для того, чтобы сохранить нас от всякого телесного и душевного зла.

Итак, Божия премудрость необъятна. Когда Бог делает что-нибудь, Его дело совершенно со всех точек зрения. С какой стороны на него ни посмотришь – видишь совершенство. Человеческие планы несовершенны. Сколь бы совершенными мы их ни создавали, все равно где-нибудь да будет недочет. А когда Бог делает что-нибудь и мы даем Ему исполнить Его замысел, не прерываем Его, злоупотребляя своей свободой, тогда мы видим,

сколь необъятна Его мудрость с любой точки зрения – у Него все совершенно, полно, ни в чем нет недостатка, даже и в самом малом, даже в тысячной доле, ни в чем нет погрешности. Поэтому нам нужно научиться верить себя Божию Промыслу. Это не значит, что нужно быть безразличным к событиям в нашей жизни. Нет, мы будем делать то, что зависит от нас, человеческое. Но спокойно, без всего этого натужного напряжения, которое разъедает нас, расстраивает и не дает нам покоя.

Приведу один исторический пример: 400 лет турецкого рабства. Если бы мы жили в то время, то мы не принадлежали бы себе. Рабство, тяжелые времена, целых 400 лет – это не шутка. Тогда ведь не было ни прав человека, ни чего-нибудь подобного. Тогда существовал другой образ мыслей, другие состояния. Но, посмотрев на всю историю мира, историю нашего народа, абстрагировавшись от сентиментальностей, мы должны будем констатировать, тем не менее, определенную благотворность этих тяжелых событий. В течение этих 400 лет нас, может, и убивали, и мучили, но у нас появились сонмы мучеников, наполнившие рай. Что еще? Мы спаслись от смерча средневекового западного Просвещения, потому что в противном случае неизвестно еще, сохранились бы мы как православные христиане или нет. Да, все эти 400 лет рабства нас мучили и унижали, если мерить по человеческим меркам, да, погибло столько людей – но мы сохранились.

Это я говорю для того, чтобы мы научились быть людьми. Да, мы будем сражаться, будем бороться, по-человечески будем делать то, что можем, но у нас должна быть и уверенность в Боге. То, что сегодня нам кажется злом, в долгосрочной перспективе может оказаться добром. А то, что сегодня кажется добром, в долгосрочной перспективе может оказаться злом. Возможно даже, что борьба, восстания, бывшие некогда, очень благородны, с точки зрения обстоятельств и образа мыслей той эпохи, проникнуты идеалами и необходимы, но по прошествии некоего времени все это может оказаться ошибкой.

Вы скажете мне: «Но человек тогда не понимал этого». Да, конечно, откуда же нам знать, как все будет развиваться во времени? Однако история народов много раз свидетельствовала: то, что сегодня кажется добром, со временем оказывается ошибкой, а то, что сегодня кажется злом, со временем оказывается полезным, независимо от той цены, которую платишь в тот момент, когда мучаешься.

Как, например, при болезни: человек болен и мучается-мучается, и мы говорим себе: «Как жаль этого человека! Зачем он мучается? Вот бы он выздоровел и чувствовал себя хорошо!» А знаем ли мы, какую пользу приносит ему эта болезнь? В какой-то момент и она закончится, хотя, может, до этого должны пройти годы.

Скажете мне: «Да ведь как они проходят!» Да, очень тяжело. Невообразимо тяжело. Однако конец так велик, он так величествен, что человеку стоит пройти через эту тяготу. Как жена, которой предстоит родить, девять месяцев мучается всеми этими муками, которые вам, матери, известны, всеми этими болезнями, пока не родит. Однако когда ребенок рождается и женщина увидит своего младенца – такого милого, красивого, единственного, – то все забывается. Так и с человеком, по крайней мере в настоящей жизни. Он мучается, страдает, терзается, но когда появится плод, тогда им измерятся все минувшее.

Поэтому человеку нужно научиться иметь мир в душе, делать то, что он может, но с миром, сознавая, что не все зависит от него. Ты делай то, что можешь. Ты будешь судим, если не сделаешь того, что можешь. Ты будешь судим Богом, если окажешься боязливым, нерадивым, если окажется, что тебе тяжело делать то, что следовало бы. Однако в тот момент, когда ты скажешь себе: «Все, я уже больше ничего не могу сделать! Я вижу, чувствую, уверен, что сделал все что мог! Все! На этом я останавливаюсь и предаю все в руки Божии!» – ты увидишь, как Бог все устроит...

Верим – и тогда все для нас прекрасно. Напротив, когда теряется душевное умиротворение, мы становимся подобны зверю, запертому в клетке, желающему сами решетки перегрызть, потому что не произошло того, чего мы хотели, потому что не произошло того, что мы задумали, и мы места не находим себе поэтому. Но если мы не хотим смириться и постоянно возмущены тем, что у нас ничего не получается, мы так и будем все время совершать ошибки. Ни дела, которое хотим, мы не сделаем, ни мира в нас не будет. И все это – признаки нетерпения, которое рождается из маловерия, и это приводит нас к ошибкам.

К сожалению, в последние годы для нас, как народа, характерно нетерпение. Тогда как для наших предков было характерно терпение. Они проявляли терпение в течение веков. У них была вера, они были верующими

людьми, и терпение заставляло их быть мудрыми и благоразумными. В то время как нетерпение приводит к поспешности, панике, ты теряешь хладнокровие, решаешься на необдуманные, импульсивные поступки, а потом открывается множество ошибок. И иногда уже бывает поздно исправить их, а вопрос касается серьезных решений, которые человек должен принять.

Итак, Божия мудрость многообразна, и, когда Бог делает, что хочет, Его дело совершенно.

Апостол говорит: «Дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия»^[4]. Эта мудрость стала известной через Церковь... Что значит «через Церковь»? Как она стала известна начальствам, ангелам, всему творению?

Через Церковь – потому что Церковь есть Тело Христово. Христос стал Человеком, чтобы основать Церковь, которая будет хранить тайну спасения человека через все века. Когда мы говорим «Церковь», то, естественно, имеем в виду не церковь как здание и не ее иерархию, а всех нас, вместе взятых. Когда человек спасается и через святые тайны соединяется с Христом, это есть откровение Божией любви и мудрости. Никому не могло взойти это на ум – ни ангелу, ни иному творению, – что человек сможет соединиться с Богом.

Это нечто невозможное, это не укладывается в человеческом уме. Помолиться Богу и чтобы Он оказал тебе какое-нибудь благодеяние – это да, разумеется, но чтобы соединиться с Богом и стать с Ним чем-то одним – это не может быть понято человеческим умом. Как такое может быть? И, несмотря на это, Бог стал Человеком, и человек обожился. Бог стал Человеком, чтобы обожить человека, – это Церковь, это великая тайна: человек обожился по благодати. Когда мы принимаем крещение, мы возрождаемся, становимся новыми людьми, и изменяется вся наша сущность; а когда мы причащаемся тела и крови Христовых, и соединяемся с Богом, и делаемся с Ним одним целым – это что? Разве это не великое таинство Церкви?!

Вот некоторые люди порой говорят: «Я хожу в церковь, но сам по себе!»

Раз я спросил у одного человека:

– Ты ходишь в церковь?

– Да, но сам по себе.

– Ты сам служишь литургию там?

– Нет, я иду в церковь и там молюсь.

«Там молюсь»... Так ты молишься и дома! Нет нужды ходить еще и в храм, чтобы молиться. Ну, хорошо, конечно, и в храм пойти надо. Но ты и дома молишься. А в церковь мы зачем ходим? Мы ходим в церковь, то есть в храм, потому что там совершается Евхаристия, святая литургия, потому что там мы все, как один, служим Богу и причащаемся Христовых тела и крови, и так совершается наше спасение, и мы образуем Церковь как собрание верных людей.

Если мы это поймем и будем этим жить, то тогда, что бы ни случилось, как бы нам ни было трудно и мучительно, мы не отдалимся от святой литургии – так христиане первых веков шли на святую литургию, невзирая на то, что знали: это будет стоить им жизни. Невзирая на то, что их часто убивали по пути к храму или даже в самом храме, на святой литургии. Были случаи, когда людей сжигали тысячами: так 20 тысяч мучеников сгорели в Никомидии в храме во время совершения святой литургии. Они не испугались, не дрогнули, потому что знали, что соединиться с Богом – намного важнее, чем прожить еще 50 лет или даже вообще жить этой земной жизнью.

Итак, мы – Церковь, все мы вместе, все люди, и нам нужно развивать этот великий дар – дар быть членами Церкви, нужно усвоить себе сознание того, что мы не некие изолированные индивиды и личности, действующие каждый сам по себе, нет, мы – члены одного тела. Церковь – это одно тело, распростертое по всему миру, и все вместе мы, люди, являемся одним телом.

Потому-то Церковь, к примеру, вела борьбу за то, чтобы все праздновали Пасху одновременно, а не каждый когда ему вздумается, ибо Церковь – одно тело. Существует пост, и мы постимся все вместе. Церковь не говорила нам: «Поститесь, когда захотите», – и тогда кто-нибудь мог бы сказать: «А мне нравится поститься в понедельник и четверг», «А мне во вторник и субботу», «А мне в воскресенье».

Быть членом Церкви – значит не вести отдельную от других жизнь. В Церкви ты становишься единым со всеми другими, и потому в Церкви есть подвиги, которые общи всем нам, например Великий пост: это время подвига для всех христиан – время поста, молитвы, бдения, милостыни, покаяния. Или если взять воскресенье – оно всеобщий день проведения богослужения; или вот среда и пятница – дни поста, и вся Церковь постится, все ее члены постятся. И это помогает нам понять и почувствовать, что мы не изолированы, а являемся членами тела Церкви и поэтому должны быть органично связаны с Христовым Телом – Церковью.

Итак, это та мудрость, которая через Церковь открылась миру «по предвечному определению, которое Бог исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем»^[5], то есть по вечному плану Бога. Как мы уже говорили раньше, Бог предвечно знал, что Ему нужно сделать, чтобы не дать нам погибнуть, то есть знал то, что совершится в Господе нашем Иисусе Христе, в Лице Христа.

Мы много раз говорили о том, что в Церкви мы не идеологи, не философы и не люди, следующие неким принципам и идеалам. А кто мы? Вы знаете, кто мы? Мы – влюбленные. Влюбленные в Господа нашего Иисуса Христа. Так можно сказать о христианине. Если мы не поймем этого, мы никогда не поймем ни ту войну, которую ведет Церковь, ни святых.

Но как часто, ой как часто, мы видим христиан, которые ходят в церковь, но не понимают самых основных вещей. Вот конкретный случай. Один юноша захотел стать монахом. И вот приходит ко мне его мать. Вы знаете, ведь когда кто-нибудь на Кипре хочет стать монахом, то виноват в этом я – независимо от того, знаю ли я его вообще или нет, но виноват я. И этого юношу я не знал, я его даже ни разу не видел, да и уехал-то он, чтобы стать монахом, вовсе не на Кипр и не в Грецию, а в совсем другую страну. Я ни разу не видел этого юношу. Я даже полагаю, что и он меня не знает в лицо, может, только слышал мое имя. Итак, и я его не знаю, и он меня не знает. И я спросил его мать:

– А я его когда-нибудь видел?

– Нет.

– А он меня видел?

– Думаю, что нет.

К счастью, слава Богу, ни я его не видел, ни он меня. Ну, хоть в этом случае я ни при чем. Но что же она мне сказала?

– Это я виновата, что он ушел в монахи!

Я спросил ее:

– А почему ты считаешь себя виноватой?

– Потому что я с малых лет водила его в храм и говорила ему, чтобы он любил Бога и Церковь.

– Ах да, действительно! А он, вот досада, взял и поверил тебе! К сожалению, он тебе поверил. Ведь он же должен был не верить тебе. После того, как ты ему сказала, чтобы он любил Бога.

– Да, я говорила ему, чтобы он любил Бога, но не говорила, чтобы он взял да и стал монахом!

– Ну, так надо было сказать ему так: «Сын мой, ты люби Бога, но в меру, ты не люби Его много, люби Его мало, потому что если возлюбишь Его много, то у нас потом могут быть проблемы». А ведь так не бывает. В Церкви любовь не имеет меры.

– Но разве он не мог выбрать какой-нибудь другой путь?

– Разумеется, мог и выбрать какой-нибудь другой путь, и заняться чем-нибудь другим.

Мы должны понять, в Церкви мера – это не то, что я могу делать или что должен делать, а то, что говорит мне сердце. Как если кто любит какую-нибудь девушку и женится на ней, то его побуждением является любовь. Самое главное – любовь, а потом уже все остальное. Так и с человеком, который любит Бога, но намного больше, и он действует, меряя все любовью к Богу.

Церковь – это не то место, где учат детей быть хорошими, чтобы они потом не стали принимать наркотики и не попали в тюрьму, а место, где учатся любить Бога. Кто хочет только того, чтобы его дети были хорошими, тот пусть водит их не в церковь. Пусть он водит их в какое-нибудь другое место. Никакой нужды нет водить их для этого в церковь, мучить их стоянием с раннего утра, с 7 часов, в храме. Пусть водит их в другие места – ведь есть столько мест, групп, систем обучения, где детей учат быть хорошими.

Человек, приходя в Церковь, должен научиться любить Бога. Если он не поймет этого, то он ничего не добьется. Говоря «любить Бога», я имею в виду не какого-то абстрактного бога, сидящего где-то за облаками, которого мы хотели бы любить, но только он – в своем доме, а мы – в своем. Я имею в виду: любить Иисуса Христа; говоря «чтобы он любил Его», имею в виду: любить Его больше всего. Если ты любишь, то ты любишь самоотверженно, в противном случае ты не любишь.

Скажут мне: «Хорошо, значит, чтобы любить Бога, я должен стать монахом?»

Нет, конечно! Кто тебе сказал такое? Ты можешь любить Бога и жениться, и совершить тысячу дел, и жить в обществе, спору нет. Любовь к Богу, однако, должна быть для тебя на первом месте, а не так, что сначала другие дела, а потом уже любовь к Богу. Если ты ставишь другие дела на первое место, а уже затем – любовь к Богу, тогда это и не любовь, а приспособление, подлаживание.

Получается, что мы хотим держать Бога в уголке – на всякий случай, чтобы у нас не было проблем: чтобы Он не прогневался и мы не заболели бы или с нами чего-нибудь не случилось бы. Так что иногда Бог бывает нужен нам, и поэтому не будем упускать Его, чтобы, когда Он нам потребуется, мы Его позвали бы – и Он вышел бы из угла. Или, когда умрем, чтобы Он поселил нас в раю.

Нет, не так надо. Потому и Христос говорит нам, что Он не хочет теплохладности. Он сказал, что выплюнет, изблюет того, кто теплохладен^[6]. Бог не желает такого. Бог хочет, чтобы ты Его любил.

А разве мы с вами не такие же? Сколько раз бывало, что приходят супруги и говорят: «Я понял, что моя супруга (мой супруг) не любит меня, и не могу вынести этого!»

Да, мы не допускаем того, чтобы другой любил нас мало. Мы хотим, чтобы другой любил нас безусловно. Ведь любовь – это сила, не знающая ограничений, тем более Божия любовь – она безгранична. И нам нельзя любить Бога мало.

Скажут мне: «Я хочу сильно любить Его, но не могу. Я не умею этого!»

Ну, хорошо, я понимаю: мы все хотим любить Бога, но наша повседневная жизнь такова, к сожалению, что у нас не получается любить Его так, как следовало бы. Однако будем пытаться, по крайней мере; хотя бы пойдем, что нужно любить Его всецело. Давайте хотя бы в теории не будем ошибаться; другое дело – на практике: там мы не умеем, но там существует покаяние. Покаяние в конечном счете спасет нас, именно оно спасет нас, а не дела. Однако когда мы и в теории грешим, тогда мы достойны жалости. Всю свою жизнь прожить в Церкви, водить внука своего в церковь, причащать его, заставлять молиться, исповедоваться, читать книги о святых, а когда он захочет подражать тому, о чем читает, ты отступаешься – тогда, действительно, что тебе сказать? Жалко потраченных тобою лет, жалко обувь, которую ты истоптал, ходя в церковь. Лучше бы ты не приходил сюда вовсе. Такие люди намного хуже других людей.

Признаюсь вам, что знаю таких религиозных, благочестивых людей, которые бывают хуже бесов, стоит только Богу слегка задеть их, то есть чтобы кто-нибудь из их ближних захотел сделать шаг вперед. Видел я и

других людей, далеких от Бога, которые встречали проблемы и выбор своих детей благородно и с достоинством. Вот и говоришь себе: человек может годами ревностно ходить в церковь, он может состариться, сидя на табуретке или скамейке в храме, и не иметь в душе ничего, что напоминало бы об Евангелии и Церкви. Что толку от всех этих лет?

Знаете, этот случай, о котором я вам рассказал, не самый страшный. Бывают и другие, и тогда мы обнаруживаем, прикоснулись ли мы к Церкви за все эти годы.

Мне приходит на память один старец со Святой Горы, который говорил: «Я спрашиваю себя: читал ли этот человек вообще когда-нибудь Евангелие?» Он говорил это главным образом о священниках и духовниках, которые держали себя так, как будто никогда не читали Евангелие. Господи, сохрани и помилуй нас!

Это трагедия – всю жизнь простоять в храме и не понять, почему Христос стал Человеком, не понять, что Он стал Человеком, чтобы привлечь нас и чтобы мы Его возлюбили, и все эти святые, на чьи праздники мы ходим и чьи иконы целуем, были не иными какими, а такими же людьми, как и мы, но только они возлюбили Бога всем сердцем.

Мы не поняли также, что первая и особая заповедь – это не стать хорошим человеком или хорошим ребенком, а возлюбить Бога всем своим сердцем. Я могу быть окаянным, треклятым, но любить Бога и каяться потом в делах, которыми огорчаю Бога. И могу быть порядочным, но не любить Бога, а любить свои страсти, прилепиться к своим страстям, и когда начнется противоречие между Богом и моими страстями, то я предпочту оттеснить подальше Бога и выставить вперед страсти, какая бы это страсть ни была – сластолюбие, сребролюбие, славолубие, все наши пороки и ничтожество.

Действительно, такой человек – самая трагичная фигура, какая только может быть: годы подряд провести в храме и вообще так не понять цели, ради которой Христос стал Человеком, и спрашивать себя: «Но почему тот-то делает то-то? Разве он не мог сделать что-то другое? Бог хочет того, Бог хочет другого...»

Бог ничего не хочет. Чего Он может хотеть от нас? Только одного – нашего спасения. А как мы совершим наше спасение – это уже вопрос нашего выбора.

В Церковь мы приходим, чтобы научиться любить Христа – конкретного Христа, не что-то неопределенное, а конкретную личность, Того, Кто ради нас стал Человеком 2000 лет назад, Того, Кого мы видим на иконе, Того, Кого мы причащаемся на всякий день, Того, к Кому мы обращаемся всякий раз, когда говорим: «Спасе Христе, помоги мне! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

Это цель Церкви – чтобы мы возлюбили Христа в ответ на Его любовь. Кто поймет это, тот сможет привести в порядок всю свою жизнь. А кто думает, что в храм приходят с какой-то другой, какой бы то ни было, целью, тот совершает ошибку. И время проходит, а он не извлекает пользы, и чаще всего становится только хуже, потому что думает, что все в порядке, что он – уже очень хороший христианин.

Знаете, однажды, когда я был на Святой Горе, пришел туда юноша, выпускник богословского факультета, чтобы стать монахом. Через два дня явился его отец. Он пришел, чтобы забрать своего сына. Ну, хочешь его забрать – забирай. Никаких проблем. И вот отец его говорит мне:

– У меня давно было такое желание – прийти на святой Афон!

– Ну, вот Бог и сподобил тебя прийти!

– А если уж мы пришли, то завтра я в честь этого даже причащусь!

Я не допустил его к причастию. Я сказал ему:

– Завтра буду служить я, и не смей приступать ко святому причастию!

– Как, я так хотел приехать на Святую Гору, и мне здесь не причаститься?!

Я сказал ему:

– Да ты в своем уме? Ты понимаешь ли, что ты творишь? И еще хочешь причаститься? Имей же хоть капельку совести. Или хоть капельку ума, если не чего-нибудь еще!

Он мне сказал:

– Я забираю его из сада Пресвятой Богородицы, чтобы отвести в сад Христов!

– Ну, – ответил я ему, – быть по сему. Забирай его, сын мой, в сад Христов.

Не буду говорить вам, чем это кончилось, потому что конец вышел очень трагичный. Годы спустя он снова пришел и просил принять его сына обратно в сад Пресвятой Богородицы – но уже было слишком поздно.

Этот человек был благочестивым, он ходил в церковь, назидал других, он приехал на Афон, он даже постился, чтобы причаститься там, и в то же время совершал духовное преступление. Но совесть не обличала его, потому что он никогда не понимал, столько лет проведя в храме, что цель, ради которой ты находишься там, – это полюбить Христа, а не исполнять несколько формальных обязанностей, которые сделают тебя хорошим человеком.

Это опасно, когда человек пребывает в Церкви, ничего не понимая, особенно если он не кается, – так он может уверить себя, будто он очень хороший человек. Такие люди часто встречаются, они имеют весьма лестное представление о себе и говорят: «Мы хорошие люди! Где ни спросишь, тебе всюду скажут обо мне одно только хорошее! Нет такого человека, который сказал бы что-нибудь плохое обо мне. Мы никогда никому не делали зла. Никогда никого не обижали. Никогда никого не притесняли, никогда никому не причиняли вреда».

Когда кто-нибудь думает о себе таким образом, тогда он нуждается в срочном наблюдении: он опасный человек, духовно опасный. Великие святые, апостолы говорили: «Мы самые плохие люди». «Я наименьший из всех», – говорит апостол Павел, и он даже говорит, что он – изверг (Еф. 3: 8; 1 Кор. 15: 8), то есть нечто такое, что мы выбрасываем вон, как самую мерзкую нечистоту. Апостолы говорили, что нет таких зол, которых они не совершили бы, и они никогда не находили ничего хорошего в себе. Так говорили святые, и мы в тропарях читаем: «Хочу найти в себе что-нибудь хорошее – и не нахожу». Нет во мне ничего хорошего, я не нахожу, чтобы я совершил что-нибудь хорошее.

Вспоминается мне отец Ефрем Катунакский. Это было уже на закате его жизни, и ему Богом дано было предвкусить смерть. Он сказал нам:

– У меня предчувствие скорой смерти уже несколько дней подряд, и я исхожу слезами, потому что ищу в себе что-нибудь хорошее, но не нахожу ничего!

И я сказал себе: вот авва Ефрем Катунакский; ему 80 лет; он живет в пустыне; это человек, который видел Бога каждый день, как говорится, – и он не находит в себе хорошего! И я потом видел других людей, которые ищут в себе что-нибудь плохое и не находят – столько в них хорошего...

Как же мы немощны, и сколько же нам нужно работать над собой! Поистине, да помилует Бог всех нас, потому что наше ослепление часто бывает так велико, что мы вообще не видим, что происходит вокруг нас. Пойдем же хотя бы одно это: в Церкви критерием служит то, любим ли мы Бога – всей душой и всем существом своим...

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#),
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

Dveri.bg

[7 февраля 2012 года](#)

[1] Воскресный Богородичен. Глас 4.

[2] См.: Еф. 3: 10.

[3] На литургии после пения Символа веры священник в алтаре читает молитву, в которой есть такие слова: «О сих всех благодарим Тя... о всех, ихже вемы и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеяниих...»

[4] Еф. 3: 10.

[5] Ср.: Еф. 3: 11.

[6] См.: Откр. 3: 15–16.

Любовь и рассудительность

«Чистое и непорочное благочестие (θρησκεία) пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1: 27).

[Святой апостол Иаков](#), может быть, единственный автор книг Нового Завета, который использует термин θρησκεία (букв.: религия, вера, благочестие). Этот термин необычен и для Писания, и для отцов Церкви, так как большинство из них использует слово «Церковь». Но здесь этот термин используется в своем истинном содержании, для обозначения нашей связи с Богом через Церковь и в Церкви.

Чистое и непорочное благочестие (θρησκεία) пред Богом и Отцом состоит в том, чтобы посещать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя от влияния мира, – потому что это результат правильной связи с Богом. То есть тот человек, который прилагает усилия для того, чтобы иметь здоровую связь с Богом и проводить духовную жизнь, чтобы жить духовно, который молится, бодрствует, постится, исповедуется, ведет всецелую духовную борьбу, тот не может быть жестокосердным и безразличным к скорбям других людей и не дает осквернить себя похотям и соблазнам мира сего.

Когда в Писании говорится о мире сем, то, естественно, имеются в виду не те люди, которые рядом с нами – они наши братья, за которых Христос умер, а светский дух, плотское мудрование, мудрование греха, порока, всё то, что противится Божию закону, – вот это и есть мир. Мы должны любить людей и даже умирать за них, как и Христос умер за людей.

Те добрые дела, о которых мы говорим: посетить больного человека, сироту, вдову, скорбящего, – и вообще все добрые дела не являются самоцелью, и мы совершаем их не потому, что они наша цель, нет, они средство, приводящее нас к Богу, и результат нашей связи с Богом. Другими словами, невозможно любить Бога, духовно подвизаться и не любить брата своего.

К сожалению, часто – я это говорю в первую очередь о себе и уже потом о других – среди нас, набожных, как говорит [святой апостол Иаков](#), можно увидеть исключительно много необъяснимых поступков. Наш старец на [Святой Горе](#) говаривал:

– Этот человек когда-нибудь читал Евангелие и слышал о нем?

И «этот человек» может быть клириком или мирянином, и такое происходит среди людей, которые ходят в церковь, то есть мы пытаемся вести то, что называется духовной жизнью, жить по нормам Церкви: ходить на вечерню, литургию, соблюдать посты, молитвы, исповедь, праздники, всё. Иногда даже бываем чрезмерно ревностными, смотрим, можно ли сегодня вкушать елей или нет, и если у нас будет пирожок с маслинами, несем его в лабораторию, чтобы посмотреть, нет ли в нем следов растительного масла, проводим анализы, чтобы не оказалось, что в нем было растительное масло и мы оскоромились. И в то же время демонстрируем поведение, полностью зависящие от наших идолов, пороков, бесчувственности.

Вспоминаю, как однажды один человек искал работу, и я сказал ему:

– Ну ладно, пойдешь к вот этому человеку, он хороший работодатель, христианин, церковный человек, он ходит в храм, устройшись к нему на работу!

Позвонил тому по телефону, и оказалось, что он тоже ищет хорошего работника. Я сказал ему:

– Знаешь, есть тут один церковный человек...

– О, здорово! Пришли его, я хочу работать с церковным человеком, совестливым, честным, добрым и т. д.

– Хорошо!

Итак, работник – церковный человек, и работодатель тоже церковный человек – куда лучше! Но через неделю работник, бедняга, приходит ко мне и говорит:

– Пошли меня к какому-нибудь атеисту! Я не выдержу там! Я больше не могу! Он меня с ума сведет! Он меня живьем съест!

Занозист и труден он как работодатель! Скуп, десять лир жалко дать человеку, не разрешает включить кондиционер, обогреватель тоже нельзя трогать.

– Но мне холодно!

– Он много электричества наматает!

– Но платит он очень мало: зарплата слишком низкая!

– Нет, так не пойдет! Тебе столько-то положено!

Жестокий работодатель, тяжелый человек. И иногда спрашиваешь себя: как могут совмещаться усердие в церковных делах и подобный результат – вот это жестокосердие? Или наоборот: ты церковный человек, кто-то тебя рекомендует как работника, другой принимает тебя, потому что ты христианин, а ты, невзирая на всё, стараешься провести его вокруг пальца, использовать, нагреть руки на его доброте и доброжелательности. Бывает и такое, и очень часто.

Помню, когда я был на Святой Горе, однажды приехали к нам с какого-то телеканала. Там запрещено брать телеинтервью, но иногда это делается тайком, как вам известно. И вот какой-то журналист пришел с камерой и взял интервью у самого плохого монаха на Афоне. Как будто специально его искал. То есть всё самое плохое, что вы только можете себе представить, самая безобразная картина, какую только можно увидеть. Он, несчастный, совсем сбился с пути.

Узнав, что они взяли интервью у этого несчастного брата нашего, мы говорили себе: «Пресвятая Богородица! Что же он наговорил, кем представился им?» и т. п.

Они его спросили:

– Отче, а здесь, на Святом [Афоне](#), есть святые?

Он ответил:

– Есть!

– Ты можешь назвать нам какого-нибудь святого человека?

– [Старец Паисий](#).

Потом мы узнали об этом, когда увидели фильм, и удивились. И подумали: да неужто он это сказал? Обычно люди такого типа не признавали старца Паисия.

И вот его просили:

– Хорошо, а почему он святой?

– Ну, видите ли, его называют святым. Я не знаю, святой ли он, соблюдает ли посты, совершает ли бдения, молится ли по четкам и кладет ли поклоны, я о таких вещах не знаю, может, он и делает всё это. Но одно я знаю точно. Я, как видите, плохой монах и признаюсь в этом: я пью, напиваюсь допьяна, вдрызг, вообще никогда не пошусь, не хожу на службы...

Целыми днями несчастный ходил в Карее от одного кафе к другому, каждую ночь полиция подбирала его.

– ...другие отцы меня презирают, не хотят, чтобы я жил у них, ни в грош меня не ставят и счастливы были бы избавиться от моего присутствия. Но каждый год, поскольку я не знаю иного способа заработать себе на хлеб, Паисий звал меня к себе, чтобы я наколот ему дров. И хотя были другие желающие, хорошие монахи, он звал меня: «Приходи, отче, напилем дров на этот год». И вот я иду к нему, а он меня спрашивает: «Сколько ты хочешь, отче?» – «Хочу где-то тысяч десять драхм». – «Я дам тебе пятнадцать тысяч! Ты хороший человек и бедный, я дам тебе пятнадцать тысяч!»

Другие готовы уморить меня работой, заставляют и пилить дрова, и носить их, и складывать в поленницу, чего только не выдумают! – а он то и дело спрашивал меня: «Отче, ты не устал? Посиди маленько, отдохни!» И пока я колот дрова, носил их, складывал, он весь день мне помогал, словно был моим работником и слугой. Платил мне лишнее и заботился обо мне. Он не умел готовить, но заботился, чтобы были консервы, вино, чтобы я хорошо поел, все время поил меня всякими напитками и говорил: «Отдохни немного, давай я угощу тебя чем-нибудь, давай перекусим!» Мало того, когда приходил какой-нибудь посетитель, он расхваливал меня и говорил: «Посмотрите, какой хороший монах, возьмите у него благословение!» И я думаю, что этот человек святой, потому что поступает так.

И мы говорили себе: «Смотри-ка, самый плохой монах на Святой Горе произнес самую хорошую проповедь».

Итак, в чем проявляется наша связь с Богом? Не в формальностях, то есть если мы соблюдаем форму, значит, мы в полном порядке. Форма должна вести нас к сущности. Иметь милосердное сердце, быть милостивым, смиренным, снисходительным, кротким, общаться с братом своим – это плод, не так ли? А остальное – листья: поститься без елєя, совершать бдения, исповедоваться, читать, подавать милостыню, соблюдать праздники. Всё это полезно, хорошо и необходимо, но это листья дерева, то есть у тебя есть дерево, у него хорошие листья, но плод дерева – стать богоподобным и совершенным, как совершен Отец Небесный, стать милостивым, как милостив Отец наш Небесный. Вот плод всех дел, которые ты совершаешь.

Следовательно, отсюда виден плод твоего духовного труда. Если ты тяжелый и занозистый человек, если с тобой нельзя найти общий язык, если ты желчный, привередливый; и если ты работодатель, то ты трудный работодатель, а если работник, то трудный работник, – то всё это означает, что что-то в твоей духовной жизни не ладно. Ты не можешь быть придиричивым человеком, когда живешь духовно, не можешь изливать свою желчь на другого человека, не можешь топтать его потому одному, что он твой сотрудник. Очевидно, тут нужно еще трудиться духовно, чтобы человек смог принести духовные плоды. В то время как часто, действительно, видишь церковных людей, которые – поскольку они духовные люди – преисполнены духовных плодов, и люди вокруг них реально без всяких слов и проповедей обращаются и любят Бога.

Французская пословица гласит: «Если хочешь понять, святой ли ты, спроси об этом у своего работника». Твой работник скажет тебе, святой ли ты, потому что он каждый день рядом с тобой, видит все твои особенности, мелкие недостатки и изъяны. Других, кто смотрит на тебя на расстоянии, ты с легкостью можешь ввести в заблуждение приятной улыбкой или взять себя в руки, когда нужно, чтобы не выдать себя и о тебе не сказали ничего плохого. Но кто каждый день рядом с тобой и видит все детали твоей жизни, сразу поймет, так ли всё это.

На меня произвело впечатление вот что. На днях пришел один мужчина, сын священника. Сейчас ему 40 лет, а отец его уже пожилой, он служит в нашей епархии. И вот сын начал говорить о своем отце и заплакал – от благоговения, от трепета, который он испытывал перед своим отцом-священником. Он сказал мне:

– Владыка, мой отец святой человек. Мы каждый день видим это. Нас столько детей, мы были очень бедные, а он честный человек, никогда никого не обвинит, никого не осудит, мы никогда не видели за ним ни одного плохого поступка. Наш дом всегда был открыт для всех; мы голодали, но за столом всегда сидели люди, кто только ни захочет, все приходило к нам. Он никогда не закрывал дверь дома, никогда никому не сказал: «Не могу, оставь меня в покое!» – и не был равнодушным. Он всегда был открытым для людей, во всех их трудностях и скорбях.

На сердце сына это воздействовало так положительно и сильно, что он сказал: «Вот, мой отец – святой человек!» – ибо видел плод его духовной жизни. И как часто мы видим людей, у которых остались светлые воспоминания о родителях, которые чтут и уважают своих родителей, помнят их добрые дела и говорят: «Посмотри, каким хорошим человеком была мама (был отец)», – потому что видели этот плод их духовной жизни. А плод этот – милосердие, любовь.

Помогать вдовам и сиротам в их скорбях – как это важно, не правда ли? Знаете, действительно, когда человек переживает трудности, для него очень важно, чтобы мы его утешили. И здесь я должен сказать, что, к счастью, сегодня мы образованы и ведем себя гуманно, и если у нашего знакомого случится скорбь, мы идем, чтобы сказать ему слово утешения, поддержать его, на похороны, например, в случае еще каких-нибудь проблем. На Кипре общество до сих пор еще верующее, более социальное, так сказать. И здесь я хочу сказать две вещи.

Важно пойти к сироте, вдове в их скорби, но важно не только, чтобы мы пошли, но и то, что мы скажем там, куда идем, и сколько времени пробудем. Чтобы не довести другого до такого состояния, что он будет молиться: «Христе мой, просвети его, чтобы он ушел! Я больше не выдержу!» Духовный человек прежде всего рассудителен и знает, что другой скорбит, что он болен. А у больного человека много нужд, ты не можешь усестись рядом и целый час читать ему проповедь: ему, во-первых, нужно отдохнуть, позаботиться о себе, сделать всё, чего требует болезнь. Представьте себе, что кто-нибудь пойдет к нему и будет сидеть целыми часами – какое же это выйдет мучение для больного? Мы должны быть исключительно чуткими в этом отношении.

И вот мы идем к нему – и что говорим? Иногда мы, благочестивые, совершаем тут огромные ошибки. Мы идем и начинаем опять же проповедовать. Тогда как другой страдает, он не слышит нас и не понимает, что мы ему толкуем, мы же начинаем произносить проповеди, которые часто не что иное, как хула против Бога. И начинаем в таком духе:

– Значит, так Богу угодно было! Бог забрал его, потому что он был хороший! Бог забрал его, потому что его надо было забрать сейчас! Ибо сейчас он был готов, а потом не был бы!

Всё это вызывает страшные вопросы у людей. Не дай вам Бог пережить смерть близких, но кто прошел через это, те знают, сколько вопросов возникает тогда у человека. Он потерял своего ребенка, а ты идешь и говоришь ему:

– Ну что поделаться: так Богу угодно!

И что же скажет этот человек?

– Почему же этот Бог такой злой, что забрал у меня ребенка? А почему Он не забрал ребенка у тебя?

Не так ли?

Или:

– Он сейчас был готов.

Но другой скажет тебе:

– Тогда выходит, что лучше никогда не быть готовым! Не будем же готовиться к этому, и Бог не заберет нас; пусть мы будем оставаться нераскаянными, зато будем жить долгие годы! Если мы подготовимся сейчас, Он

заберет нас. Так кто же такой глупый, чтобы готовиться сейчас? А поскольку мы не хотим умирать, то будем оставаться неготовыми, будем жить долгие годы, а в конце жизни подготовимся.

Или когда мы идем и говорим скорбящему человеку пару слов утешения, а затем начинаем рассказывать о своих детях:

– Ну, мой сын тоже был болен, но вот выздоровел и сейчас женился, и у него, слава Богу, всё хорошо!

Кому мы говорим это? Тому, кто потерял ребенка и страдает!

Или вот другому человеку, который болен, у которого, может, смертельная болезнь, мы говорим:

– Дай нам, Боже, здоровья! – и тому подобное, в то время как другой лежит на одре болезни и его жизнь, может, висит на волоске.

Нужна великая рассудительность, когда мы идем к сиротам, вдовам и нашим больным братьям, у которых какие-то проблемы, скорбь.

Христианин отличается рассудительностью, и самой великой из всех добродетелей считается рассудительность. Она даже больше любви, поскольку безрассудная любовь может причинить зло, да и не просто может, а делает это.

Апостол говорит, что самая большая добродетель – это любовь^[1], а отцы говорят, что самая большая добродетель – рассудительность^[2]. Почему? Они не противоречат друг другу: любовь – самая совершенная из добродетелей и благодатных даров, тогда как рассудительность – это способ, каким ты используешь ее. Иными словами, ты можешь иметь любовь, но не иметь рассудительности, и по любви идешь и посещаешь другого, но у тебя нет рассудительности, и ты по любви опять же сидишь долгими часами и говоришь ему всё, что не приносит ему пользы.

Как говорил приснопамятный старец Паисий, если у одного есть лодка, вмещающая 12 человек (на Святой Горе мы только на лодках и передвигаемся), и другой попросит отвезти его в Дафни, а лодка вмещает только 12 человек, то если он из любви посадит в нее 14 человек, все в результате утонут. Намерение его было добрым, исходящим из любви:

– Отцы, заходите в лодку все, кто хочет!

Великая любовь, но без рассудительности, ибо результат ее будет таков, что она утопит всех.

[Авва Исаак Сирий](#) говорит: «Утопающему в реке не подавай руки, а подай ему свой жезл»^[3], – чтобы показать рассудительность. Почему? Потому что если ты подашь ему руку, он утащит тебя и утопит вместе с собой, если не сможешь вытащить его из реки, но если ты подашь ему свой жезл и вытащишь, то ты спас его, если же нет, то он хотя бы умрет один.

А что это значит? Часто люди – миряне и духовники, – может, из любви идут помочь кому-то, а в итоге вместо того, чтобы помочь ему, сами себе вредят. Сколько раз нам доводилось видеть такие усилия, вроде из любви, спасти другого, а в конце концов потонули оба, потому что не имели рассудительности. Часто происходило такое, о чем еще не пришло время, да и не подобает говорить и что в конечном счете не принесло плода. У них были хорошие побуждения, но по ходу дела сил не хватило, и результат стал трагическим для обоих. И много духовных кораблекрушений происходило таким образом, поскольку намерение было хорошим, но силы не были адекватны. Это первое.

Чтобы мы призирали сирот и вдов в их скорбях – то есть плакать с плачущими, как говорит Писание^[4]. Это очень важно, но вот один авва говорит: «Действительно важно плакать с плачущими, но важнее радоваться с радующимися». Это труднее. Когда у другого какая-нибудь трагедия дома, какая-нибудь трудность – мы же все люди: сердце наше проникается состраданием, мы идем и говорим ему доброе слово, сидим там. В конце концов у нас все в порядке, мы в безопасности. Ну, идем мы туда и говорим, можем даже подумать: «К счастью, это зло не случилось со мной!» Но если наш сосед получит 200 000 лир, не скажем ли мы себе: «Эх,

вот если бы их получил я! Это было бы гораздо лучше! Или хотя бы половину, если не все!»? Могу ли я обрадоваться и сказать: «Браво, слава Богу! Как хорошо!» – и с радостью пойти к другому человеку, порадоваться вместе с ним тому, что у него произошел большой успех в работе, в финансовых вопросах, с детьми и что бы то ни было еще? Это трудно. Нужно быть весьма совершенным человеком, чтобы радоваться радости другого. Это нечто более высокое, поскольку пересиливает даже нашу природу. Если в скорбях человек сострадателен к близким – все мы люди и один страдает другому, – то в радости всё несколько труднее.

Например, у меня есть дети, и сосед нашел очень хорошую девушку для своего сына или жениха для дочери, – радуемся ли мы так сильно, будто женим собственных детей? Говорим ли: «Прекрасно! Какой хороший ребенок у этого человека, какую хорошую невесту (жениха) он нашел! Как замечательно смотрятся эти люди, как они счастливы»? Или говорим: «Мы-то еще не нашли», или «Мы нашли такого, и у нас из-за него такие трудности»? Трудно. Радоваться с радующимся трудно.

В другом месте «Патерика» написано, что один посетитель проходил мимо келлий подвижников Нитрийской пустыни, и его спросили:

– Куда ты идешь, отче?

– Да иду к авве Пимену.

– А-а-а, иди, он действительно святой и важный человек, он больше всех нас.

И пришел он к нему и сказал:

– Знаешь, прежде чем прийти сюда, я был у такого-то и такого-то аввы и сказал, что иду к тебе, и они мне сказали много хороших слов о тебе: что ты великий человек и больше всех отцов в пустыне! А еще сказали, чтобы я передал тебе от них всяческое уважение и поклоны.

Он ему ответил:

– Когда слышишь, что кто-нибудь хвалит брата своего, знай, что у хвалящего больше добродетелей, чем у того, кого хвалят, потому что кто превозносит другого и (как бы) говорит: «Этот человек достойный, он лучше меня, он добрее и важнее меня, и ты очень хорошо делаешь, что идешь посмотреть на него, как бы презираешь нас и идешь к нему!» – кто говорит так, у того добродетели больше, чем у того, который в конечном счете принимает похвалы^[5].

Великое дело – иметь это благородство, то духовное благородство, которое превозмогает законы природы, то есть когда ты страдаешь другому в скорбях, приходишь до того, чтобы радоваться радости другого, хвалить брата, выделять его, отдавать ему преимущество, первое место и радоваться, что он идет вперед, а ты остаешься сзади. Радоваться, что он преуспевает, а себя самого не видеть.

Кто способен на это? Тот, кто совершен, кто умертвил себя, свои страсти, волю и устремления и ищет только славы Божией и связи с Богом, откуда он черпает благодать, и этого ему достаточно. Ему достаточно быть близ Бога. Такой человек на опыте понял, что благодать и благословение действительно приходят к тому, кто смиряется.

К тому, кто смиряется, приходит благодать. Смирением Он дает благодать^[6]. В этой благодати, в этой связи с другим смиренный человек как магнитом притягивает Бога в свое сердце.

Вернусь еще немного к тому, что говорит апостол: призывайте сирот и вдов в их скорбях. Нужно быть внимательными к этому, потому что мы до некоторой степени пренебрегаем этим, то есть не до некоторой, а часто даже в пастырских делах Церкви видна небрежность, и у нас нет такого ощущения, что мы как Церковь являемся одним телом.

Мы говорим, что нужно ходить в больницы. В нашей митрополии есть организованные группы, которые ходят по больницам и домам престарелых и посещают больных, на приходах также есть группы, которые

посещают людей, имеющих проблемы. И там видно, что мало людей идет в эти группы. Ну хорошо, у нас работа, у каждого есть работа. Но так ли это на самом деле? Часто говорят:

– Я завален работой!

– Хорошо, но неужели ты так занят, что не можешь читать?

– Нет, не до такой степени.

– И телевизор совсем не смотришь?

– Нет, телевизор мы смотрим.

– И на улицу не выходишь?

– Нет, гуляем немного.

То есть время у тебя есть, всё не так, как ты говоришь.

Нужен маленький подвиг. В миру мы не спасемся ни своими бдениями, ни постами, ни молитвами – как бы мы этого ни хотели, но нам, наверно, не позволяют наша среда, наши силы и намерение предаться этим вещам. А что же спасает нас в миру? Милостыня, которая состоит не только в том, чтобы отдать свои деньги другому человеку, это тоже важно, но она еще и заключается в моем присутствии, моем добром слове, моей диаконии[7] в деле Церкви, не правда ли? Не только в том, чтобы я отдал 10 лир – и всё, на этом я исполнил свой долг. Особенно когда у меня много денег, это ничего не значит, потому что мы отдаем их из своего излишка. Где труд, там и награда, где трудности и лишения, там подвиг и нужен.

Поэтому нам нужно быть внимательными. Посмотреть в своем квартале, есть ли люди, живущие в нужде, старые, одинокие, которых остальные презирают. Как важно отдать наше настоящее тихо, бесшумно, красиво, как прилично христианам. И как предосудительно иметь перед своим домом или в квартале нуждающихся людей и даже не подумать о них. Они, между тем, испытывают нужду, они изолированы, они нуждаются в тарелке горячей еды, в компании, в добром слове, в том, чтобы мы иногда брали их с собой, когда идем куда-нибудь.

Знаете, в этом мы действительно сильно отстаем, и иногда видишь людей нецерковных, которые превосходят нас в этих делах. Мы, день и ночь читающие Евангелие, часто не можем сравниться с ними. Есть люди, служащие для нас примером и образцом, хоть и не имеют никакой связи с Церковью, и это неудивительно, ведь чувства эти диктует сама природа. Человеческая природа учит меня состраданию, я не жду, чтобы Евангелие приказало мне, что нужно посетить человека в скорби.

Хорошо, а кто не читал Евангелия, они что, не знают, что существует сострадание? Пусть это будут даже каннибалы, но один будет сострадать другому, он поможет ему и укрепит. Следовательно, не нужно, чтобы об этом говорили Апостол или Евангелие, об этом говорит нам сама природа. Евангелие учит нас более высоким вещам и плоду всего этого.

Это факт, что без Евангелия человек останавливается на добрых делах, он не приближается к плоду, которым является стяжание Святого Духа. Но что же сказать, если у нас иногда и листьев нет, не говоря уже о плоде, а иногда нет и самого дерева? Выставляя кучу предлогов, мы бросаем свое дерево, и оно засыхает среди наших грехов и жестокосердия. Очень больно видеть, когда церковные люди с жестокосердием относятся к другим, страдающим людям или к испытывающим нужду, неважно какую – духовную или материальную.

Затем святой апостол Павел говорит: хранить себя неоскверненным от мира. Здесь требуется большое внимание, потому что мы не можем находиться одновременно в двух местах – никто не может служить двум господам[8], невозможно жить и светской, и духовной жизнью, так не получится: ты одно полюбишь, а другое возненавидишь, нужно выбирать.

Часто, особенно в отношениях между супругами, когда они не одного духа, нужны икономия и снисхождение. То есть обычно жена бывает церковным человеком, а муж не такой уж церковный: у него свой образ жизни, и так дело у них доходит до конфликтов. Например, он хочет пойти в какие-то заведения, не сидеть дома, и уходит туда. Или хочет сделать что-нибудь по дому, а жена не соглашается, потому что это нарушит ее духовную жизнь и т. д. Здесь нужна великая рассудительность, чтобы тот, кто сознательно является членом Церкви, имел силу и рассудительность следовать своей половине так искусно и с таким вниманием, чтобы и себе не навредить, и другому человеку помочь войти в Церковь.

Помню такой случай. Одна женщина действительно была очень благочестивой, ее муж тоже был хорошим человеком, но внутренне сопротивлялся ей и был очень грубым, ругался, говорил срамные вещи, кричал, поднимал скандалы. Мать водила детей на бдения, беседы, литургии, а муж сидел дома. Потом он говорил:

– Давай пойдем куда-нибудь!

А она:

– Да куда мы сейчас пойдем?

То есть она не соглашалась с ним, и дело постоянно доходило до ссор.

Однажды, когда старец Паисий был в монастыре Суроти, они оба пришли к нему. Он действительно увидел в жене благое духовное рвение, но и безрассудность, а в муже – хорошее намерение, но и сопротивление своей безрассудной жене, которая своим поведением – естественно, сама того не понимая, – унижала его как супруга. Старец сказал ей следующее:

– Слушай, ты хочешь завоевать своего мужа и чтобы ваш брак сохранился?

– Да, конечно!

– И то, что я тебе скажу, ты сделаешь, верно?

– Хорошо!

– Послушай, ты сделаешь себе стрижку, скажешь своему мужу: «Мы с тобой женаты уже пятнадцать лет. Я билась, как могла, чтобы привести тебя в Церковь, но не смогла. А теперь я уже зареклась звать тебя, хватит! Прекращаю любые попытки. С сегодняшнего дня я буду с тобой. Отрежу волосы, пойду покрашу ногти, глаза», – что там еще можно покрасить? И скажешь ему: «Вечером мы с тобой идем в кино! Завтра пойдем в ресторан», – послезавтра еще куда-то. Куда он тебе ни скажет, иди с ним. И еще ты не будешь поститься. Пятница так пятница, ешь все что угодно, что он тебе скажет. И не только это, но ты сама должна будешь этого хотеть.

Она пошла и передала ему, что сказал ей старец:

– Всё, хватит, ты не обращаешься в веру, к старцу Паисию мы ходили, а ты все равно не изменился! Хватит, теперь я буду как ты!

Пошла и сделала все, как сказал ей старец: покрасилась и стала похожей на привидение. Когда она предстала перед мужем, он остолбенел, увидев ее. Она ему говорит:

– Ну, пойдем! Куда мы с тобой идем сегодня вечером?

Вышли они, а на другой день опять, на третий тоже, в пятницу вечером он ее спрашивает:

– Что у нас сегодня на ужин?

– Шашлык!

– Ты что, с ума сошла? Сегодня же пятница!

– Ну и что, что пятница? Пятнадцать лет я соблюдала пятницы, а ты не изменился, теперь всё, больше нет пятниц!

– Пойдем домой, тебе утром идти в церковь.

– Не пойду я в церковь, мы будем здесь до утра!

Через пару месяцев он дошел до отчаяния! Тогда сам пошел к духовникам и сказал:

– Спасите ее! Что с ней?

Потом сам стал ее умолять:

– Прошу тебя, попустишь, приди в себя, смой эту косметику, вернись в свое прежнее состояние...

Рассудительность – великая вещь. Я не говорю вам, чтобы вы делали такие вещи, естественно, рискованные, но иногда, когда они делаются сознательно, Бог видит произволение человека.

В «Патерике» мы читаем исключительно хорошие истории. Вот жили два подвижника, и один из них сказал:

– Авва, я уйду из монастыря. Пойду в город, не могу больше выдержать эту аскетическую борьбу. Сниму рясу, найду в городе какую-нибудь женщину и буду жить с ней и т. д.

Авва ему отвечал:

– Отче, что ты говоришь?

– Не могу, хватит!

– Хорошо, тогда и я пойду с тобой.

Ради любви к брату тот, кто долгие годы не выходил из монастыря, шел за ним до самых дверей женщины. И повествуется, что, видя труд аввы, Бог отнял у немощного брата брань, он в последний момент пришел в себя и сказал: «Что же я делаю?» И ради любви того старца брат этот был спасен.

Если можете, прочитайте, у кого есть «Синаксарь»^[9], [житие преподобного Авраамия](#), его память 29 октября. Это потрясающая история о том, как этот преподобный спас одну девушку, свою племянницу, которая подвизалась с ним в пустыне, но проходивший теми краями человек соблазнил ее и увез к себе, а потом она стала блудницей.

40 лет он не выходил из пустыни и вареной пищи не ел, а тут снял рясу, сбрил бороду, искупался, взял кошель с деньгами и отправился в публичный дом. Вошел он туда и сказал:

– Я хочу спать с этой девушкой!

– Но ты уже пожилой человек, ты старик!

– Какая разница! Разве у меня нет денег? Я плачу и хочу вот эту девушку!

И когда она подошла и увидела его, то отвернулась, но он стал притворяться и говорить ей все те безумные слова, которые произносят в таких местах, и когда она хотела его обнять, то почувствовала благоухание святости и пришла в себя, она вспомнила своего старого дядю в пустыне. И дальше повествуется так: она смутилась, а старец ее спросил:

– Что с тобой?

– Ничего, я просто вспомнила о чем-то.

Он тут же забрал ее оттуда, вернул в пустыню, и впоследствии она спаслась.

Как много святых шли в притоны сатаны и выводили оттуда людей. Разумеется, они были сильными, не как мы, была у них и рассудительность.

Я хочу сказать, что когда рассудительность и любовь идут вместе, они творят чудеса, а когда любовь безрассудна, она опасна. Поэтому нужно быть людьми осторожными, чтобы мир сей не повредил нам, но надо, чтобы нам сопутствовала и рассудительность, чтобы эта любовь не превращалось – самое главное, в семье, с детьми – в препятствие для благочестия. Рассудительность должна сопутствовать нам, чтобы наша связь с Богом назидала других людей, а не губила их, чтобы она назидала их и делала крепче ту связь, которая у них имеется с нашим Отцом Небесным – Богом.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Двери.Бг](#)

[4 марта 2013 года](#)

[1] См.: 1 Кор. 13: 13; Кол. 3: 14.

[2] См., напр.: Исаак Сирин, преподобный. Слова подвижнические. Слово 9. М., 2006. С. 70–71.

[3] Ср.: Там же. Слово 89. С. 649.

[4] Ср.: Рим. 12: 15.

[5] Ср.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 8. М., 1999. С. 365–366.

[6] См.: Иак. 4: 6.

[7] Имеется в виду раннехристианский смысл слова «диакония» – служение нуждам людей.

[8] Мф. 6: 24.

[9] «Синаксарь» – жития святых; в Греческой Церкви так называется сборник поучений, читаемых на утрени после 6-й песни канона. Следующий далее рассказ можно прочитать в «Житиях святых» в переложении свт. Димитрия Ростовского, месяц октябрь, 29-й день.

О благодати Божией

Павел, волею Божиею апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Еф. 1: 1).

[Святой апостол Павел](#) употребляет два важных термина – благодать и мир, естественно, от Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Хотелось бы немного поговорить о благодати (а тема эта неисчерпаема): слово благодать часто встречается в Церкви.

Мы говорим, что в таком-то человеке чувствуется благодать Божия, а также: «благодать Божия да будет с вами». Когда благодать Божия присутствует, тогда все приходит в порядок. Еще мы говорим, что целью человеческой жизни является стяжание благодати Божией. Что же это такое – благодать, о которой говорит

святой апостол Павел и которая постоянно упоминается как в Новом Завете, так и в наставлениях святых отцов?

Благодать так называется, потому что это харизма, дар; она не то, что можно купить, не то, что продается, – это ниспосылаемая Богом милость. Благодать есть сила Божия, и, как верим мы, православные, – это нетварная Божественная энергия. Есть сущность и есть энергия, и это не одно и то же.

Возьмем для примера солнце. Сущность солнца – это огненная масса, которую мы видим. А энергия солнца – это свет и тепло, доходящие до нас. Мы не можем соприкоснуться с той огненной лавой, что представляет собой солнце, но чувствуем его энергию – свет, подающий нам день, и тепло, греющее нас.

Человек не может стать частью Божией сущности. Только Святая Троица являет собой Свою сущность – три Лица одной сущности, а не три сущности. А Пресвятая Богородица, ангелы, святые и все прочие создания приобщены Божественной энергии. Это очень важно (и святой Григорий Палама богословски обосновал это, отстаивая православную веру), ведь человек спасается, будучи приобщен Божественной энергии.

Невозможно соединиться с Божией сущностью. Когда мы причащаемся Тела и Крови Христовой, мы причащаемся не сущности Бога, а Божественной и боготворящей энергии, которой обладают Тело и Кровь Христовы святой Евхаристии. Если бы мы становились частью Божией сущности, тогда у нас был бы политеизм – мы все были бы такими же богами, как Отец, Сын и Святой Дух.

Человек приобщается не сущности, а энергиям Бога, которые многообразны: есть боготворящая энергия, которая делает человека богом по благодати, оживает человека, освящает его; есть освящающая энергия, просвещающая энергия, очищающая энергия, которая нас очищает, просвещает, освящает, оживает. Есть Божественные энергии, которые поддерживают наше существование: мир продолжает существовать, потому что Бог поддерживает творение Своей энергией, и твари приобщены этой энергии – и животные, и камни, и материя. Но они не причастны боготворящей благодати Божией, животные не обоживаются, как это возможно человеку, – один только человек соучаствует в освящающей и боготворящей благодати Божией.

Различие между сущностью Бога и Божественными энергиями неизвестно Западу. Западные люди не приняли этого учения Церкви, одного из важнейших, и для них – римокатоликов и протестантов – Бог является чистой энергией или же чистой сущностью и человек не участвует в Божием бытии через нетварные энергии. Поэтому между Богом и человеком оказывается бездна. Божественные энергии – это мост, они помогают человеку и ведут его к Богу.

Если нет Божественной энергии, Божией благодати, между Богом и человеком – бездна. Мы, православные, потому поклоняемся святым мощам, святым иконам, всем этим освящающим средствам Церкви, что верим: все это помогает нам приобщаться к освящающим энергиям Бога. Святые мощи – носители благодати Божией, в то время как на Западе, к сожалению, об этом не знают, и я не осуждаю их за это, но не могу и скрывать того, чем мы, православные христиане, живем и что видим.

Были у нас две поездки в Рим. Мы хотели поклониться мощам апостола Петра – его святой главе. Входим в храм, осведомляемся:

– Где мощи святого апостола Петра?

А там – престол высотой метров 5–6, и наверху его покоилась глава святого апостола Петра.

– Вот там, наверху, – ответили нам.

– Зачем же поместили ее так высоко? Как мы приложимся к ней, сын мой?

– Вы не сможете приложиться к ней.

Так что же нам делать? Мы на нее смотрим! Ну хорошо, а она что, археологический экспонат?

Идем в другую церковь – смотреть на [Святой Крест](#), что обрела равноапостольная Елена, – тоже в какой-то витрине, издалека. Вы знаете, сколько у них святых мощей? Страшное дело! Они их забрали все из Константинополя – и хорошо сделали: спасли от мусульман. Изобилие святых мощей. Частицы Святого Креста, мощи, чрезвычайно много, из Константинополя, но все хранится в витринах. И мы смотрели на них издалека. С фонариком. А мы, православные, выносим свои святые мощи, чтобы поклониться им, прикоснуться к ним, приложиться, потому что так мы участвуем в благодати Божией.

Богословие этих людей – это такое богословие, которое в сущности отрывает человека от Бога, то есть ты понимаешь, что, к сожалению, на Западе было совершено большое преступление, и между человеком и Богом зияет бездна. Конечно, я не имею в виду личную связь людей с Богом, но в богословии их церкви, в римско-католическом догмате не существует этого моста, он им неизвестен. В результате человек чувствует так: Бог далеко; Бог в одном, а я в другом месте и между мной и Им нет никакой иной связи, кроме венца, который Бог даст мне когда-нибудь; я не причастен благодати Божией. Таково их богословское учение. Конечно, это не значит, что люди лишены утешения и связи с Богом, – я этого не говорю. Я говорю о богословском аспекте, чтобы мы поняли: через опыт своих святых Православная Церковь передала нам великую тайну благодати Божией, которая есть Божественная энергия в человеке. Эта энергия – реальная энергия, как реальна электрическая энергия; и когда благодать входит в человека, человек чувствует ее: он словно заряжается; это как будто ты вставляешь руку в контакт, так сказать, и заряжаешься, и осознаешь энергию, входящую в тебя, – так и с благодатью Божией: она та Божественная энергия, которая канализируется в человека.

Когда благодать Божия сходит к нам, тогда все изменяется, все преображается, человек умиляется, он молится, ум его задерживается на молитве, он не чувствует усталости, не чувствует трудностей, легко выстаивает бдения, подвизается усердно, и то, что до благодати было для него трудно, сейчас кажется ему очень легким, Бог присутствует в его сердце и благодать действует в нем, человек заряжен этим присутствием благодати Божией. Она – мощная энергия, она – самое сильное опытное переживание, какое только может быть у человека; не существует более великого опыта, чем опыт благодати Божией, и это то, что переживают не только великие святые.

Благодать Божия посещает душу человека многими способами – и осязаемо, сильно, но зачастую неосяземо, тем не менее она – благодать, она то, что действует в нас. Она то, что изменяет человека, то есть из волка превращает его в агнца, убеляет всю душу погрязшего в грехах человека, делает ее легкой и исполненной радости. Эта благодать активизирует нас, животворит и придает нам силу подвизаться в духовной жизни. Поэтому критерием для оценки своих дел было у отцов следующее: была ли с ними благодать или же она оставила их. Они смотрели – если благодать была в них, они знали, что это от благодати, что сейчас присутствует благодать Божия, а если она их покидала – по причине ли их падений или немощей, – они понимали это; они знали также, какое слово шло от них, а какое – от благодати, потому что слово благодати было словом Бога в их сердце. А их слово было словом, родившимся в их разуме, в процессе логического мышления, как у всех нас.

Как стяжается благодать? Где этот кабель, соединяющий нас с энергией? Допустим, что мы электрический прибор, например мобильный телефон; мы мобильный телефон, а в контакте – электрическая энергия. Кабель, который свяжет нас с этой электрической энергией, который свяжет нас с Богом, – это заповеди Божии. Точное соблюдение заповедей Божиих. А почему? Не потому, что они представляют собой какой-то кодекс законов, а потому, что соблюдение заповедей Божиих подтверждает течение в нас целительного процесса – смирения, послушания Богу, из которого рождаются все остальные харизмы.

Соблюдение заповедей Божиих связывает нас с благодатью Божией. Поэтому всякий раз, когда мы преступаем заповедь Божию, мы повреждаем нашу связь с Богом, ухудшаем эту связь, портим свое здоровье; когда мы здоровы, мы чувствуем благодать, но когда теряем (духовное) здоровье, тогда теряем и ощущение благодати Божией. Итак, соблюдение заповедей Божиих связывает нас с Божественной энергией, и мы активизируемся Святым Духом, Который есть Божия сила, данная Богом нам в Церкви, – Он Утешитель, Дух истины, совершающий тайны спасения людей и всецелую тайну Церкви.

Человек может стяжать благодать одним благим своим помыслом, всего лишь одним благим помыслом. Так же как и лишиться ее из-за одного только дурного помысла. Если вы обратитесь к житиям святых, то увидите, как внимательны были святые к этому, потому что много раз Бог наказывал их, воспитывая, и благодать покидала их на целые месяцы из-за одного только осуждения другого, одного презрения, из-за одного дурного помысла о брате своем, о другом человеке. За это Бог, воспитывая их, так наказывал. И сколько раз благодаря одному только помыслу, одному своему вздыханию человек полностью менялся.

В «Патерике» есть хороший рассказ о некоем авве, который стоял у дверей церкви, смотрел на братьев, входящих в церковь, и увидел одного монаха черным, как арап. Это я не к тому, будто черная кожа – что-то плохое. Если бы мы с вами были в Африке, то я сказал бы вам, что вошел один брат, который был белым, как белокожие люди, или белым, как бес, ведь там, в Африке, бесов видят белыми.

Как бы там ни было, но этот человек вошел в храм, а душа его была черна. Святой увидел это, заплакал и начал молиться. Конечно, если бы там были мы с вами, мы бы сказали:

– Этот человек злой! Посмотрим, что он такое сделал...

Или сказали бы стоящему рядом с нами:

– Ты только взгляни на него! Кто его знает, где он был и что он такое натворил!

А если бы это произошло в нашу эпоху, мы сообщили бы о нем журналистам, пусть напишут о нем в газетах.

Но святой поступил не так, как сделали бы мы, а заплакал о брате, стал молиться и просить: «Боже мой, посети эту душу, за которую Ты пролил Свою кровь непорочную на Кресте!»

И вот, когда тот выходил из храма, святой увидел, как душа этого брата светится от благодати, пребывающей в нем. Он подошел к нему и спросил:

– Брат, а что ты сделал в храме? Я видел, что, когда ты входил, с тобой не все было в порядке, а сейчас вижу тебя переменившимся.

– Авва, да что я мог такого сделать? Я, нерадивый, грешный человек, полный мерзости, войдя в храм, услышал чтение: «Станьте ближе ко Мне, и если грехи ваши многи и черны, Я убелю вас; придете ко Мне, и Я упокою вас»^[1], – и все, что сказал Бог в Писании. И я стал вздыхать, заплакал и сказал: «Боже, пожалей же и меня, грешного!»^[2]

Всего-то он и сказал, что это, и благодать тут же посетила его, и душа его засияла.

Почему бы нам не посмотреть в Евангелие, что говорил мытарь и что – фарисей? Фарисей – это нравственный, безупречный, справедливый, добрый человек, у которого было доброе имя и который был благочестивым. То же самое происходит и с нами, благочестивыми, то же самое. Как вздыхать фарисею, если он все делал точно как надо, если был хорошим человеком? Как сказала мне одна бабушка:

– Что это значит, старче? Все, что я ни делаю, – хорошо! Если что-то делают другие – это плохо! Все свое я считаю хорошим, а что другие делают – то для меня плохо! Что это значит? Возможно ли такое, чтобы я всегда была права, возможно ли, чтобы мои дела были хорошими, а чужие – плохими? Что-то тут происходит!

Я ответил ей:

– Да, ты права, бабушка, что-то тут происходит!

Итак, мы, хорошие во всем, не вздыхаем по Богу, потому что мы хорошие и нравственные люди и исполняем все как следует, но Бог нас не хочет. А другой – грешник, плохой человек, он окаянный, он вор, лжец, мошенник; таким был и мытарь – вот этим плохим человеком. Однако он нашел быструю связь с Богом – вздыхая, плача, бия себя в грудь и говоря: «Боже, помилуй меня, грешного!»^[3]. И он был оправдан, тогда как другой был осужден.

Видите, как один помысл пред Богом изменил всего человека? Один смирился, каялся, плакал пред Богом, и Бог тут же его посетил, очистил, освятил и оправдал. Так же, как и разбойника[4]. А другой, фарисей, был хорошим, ему нравилось, что он хороший, и он благодарил Бога: «Благодарю Тебя, Боже, что я не как другие люди или как этот мытарь!» Все, конец!

Отец Тихон, русский[5], говорил:

– Я видел ад, он был полон горделивых святых.

В аду были только горделивые святые! Что он хотел этим сказать? Все хорошие люди, но они эгоистичны, горделивы, считают, что что-то собой представляют, что они нечто. Один писатель (Достоевский) пишет, что Бог возьмет в рай тех, кто по грехам своим никогда не думал, что попадет в рай, то есть тех, кто считал себя недостойным Царства Божия, и за одно только это Бог возьмет их в Свое Царство.

Я говорю это, чтобы вы поняли: благодать, эта сила, эта Божия энергия, входит в человека через соблюдение заповедей Божиих, через борьбу, но не только через это.

Существуют также тайны благодати, и самой великой тайной является смирение человека: когда человек смиряется и кается, когда он смотрит на себя и не судит другого человека, не осуждает его, не считает безнадежным, тогда Бог принимает этого человека и очищает души этих людей. Почему, как вы думаете, Христос сказал людям Своей эпохи и всем нам, что мытари и блудницы впереди вас пойдут в Царство Божие[6], что они раньше нас войдут в Царство Небесное? Тогда, может, и нам всем тоже нужно стать как они, ведь они же мытари и блудницы? Разумеется, нет! Мытарям и блудницам нет места в Царствии Божиим. Эти действия не приведут нас к Царствию Божию. Почему же тогда Христос сказал, что они войдут раньше других?

Потому что эти люди, сознавая свои грехи, могут смириться и покаяться, совершив их. Тогда как другой, думающий, что он в полном порядке, что он ничего не совершил, забыл, что нужно каяться пред Богом, забыл, что нужно плакать пред Богом, что нужно сказать: «Боже, помилуй меня, грешного!»

Фарисей думал, что спасется своими делами, но – как я уже говорил вам о благодати – она потому и называется благодатью, что не покупается, Бог не продает благодать, и если мы делаем дела, то делаем их не для того, чтобы купить благодать, а чтобы стать (духовно) здоровыми и приобщиться благодати.

Как человек, который идет к врачу и следует прописанному им лечению, чтобы выздороветь, чтобы функционировать правильно и здоровым образом, а не чтобы купить себе здоровье, – так и с заповедями Божиими, которые исцеляюще действуют в человеке.

Поэтому никто никогда не может и не должен отчаиваться, поэтому и нам никогда нельзя осуждать никакого человека. Потому что Бог есть Спаситель всех, всех людей, всего мира.

В «Патерике» рассказывается об одном великом авве в пустыне, который, услышав, что какой-то брат впал в плотский грех, возмутился и сказал:

– Фу!

То есть если ты услышишь нечто подобное, ты говоришь: «Пресвятая Богородице, что же это такое?» А он сказал только так и ушел с собрания отцов в свою келью.

Придя туда, он увидел ангела Господня с мечом в руках, который проговорил:

– Я не позволю войти тебе. Бог послал меня узнать твое решение о брате сем, спросить тебя, где поместить этого брата – в раю или в аду?

Он ответил:

– Да кто я такой, чтобы решать?

– Ты, взявший у Бога право судить и ставший судьей мира, скажи: куда следует отправиться этому брату?[7]

Поэтому осуждение – большой грех. Почему? Потому что оно означает отсутствие смирения. Горделивый осуждает другого, а смиренный не осуждает, потому что знает: все мы виновны пред Богом. Нет безвинных пред Богом, все мы нечисты, окаянны, скверны, замараны. Кого мне осуждать, если все мы – одинаковы: один с одной скверной, другой с другой? Может, у меня нет такого-то греха, зато есть тысячи других! Разве это не грехи тоже? Разве и это не раны тоже? Разве и это не оскверняет также образ Божий в нас? Пусть я не лжец, но я же вор, а если я и не вор, то зато несправедлив и все прочее. Грех есть грех, то есть и то и другое грех.

Все нам нужно каяться, и поэтому все мы можем получить благодать Божию, если смиримся и покаемся. Это, возлюбленные братья, ключ к тайне благодати Божией. Бог посещает смиренного человека, который кается, пусть он пока еще борется с грехами. Однако Бог гнушается гордым человеком, пусть он даже и будет безупречен во всем остальном. Бог гнушается горделивым человеком и не только не помогает ему, не только не хочет его, но и отвращается от него, как говорится в Писании[8]. Он мерзость пред Богом.

Вы знаете, что значит «мерзость»? Это что-то такое, что нам противно, что мы не хотим даже обонять, это как падаль, которая так отвратительно воняет, что мы не можем вынести ее смрада и отворачиваемся. Таков и горделивый человек пред Богом, потому что горделивый никогда не раскаивается, он всегда оправдывает себя: «Да, я сказал это, но это нужно было сказать! Нужно было действовать так! Я должен сделать так!» У него есть нож, он режет им других, и его это не волнует.

В горделивом человеке благодать не может пребывать. Сколько бы хороших качеств в нем ни было, но если есть эгоизм, то благодать Божия не может с ним быть. Смиренный и кающийся человек, сколько бы плохих качеств у него ни было, получит благодать Божию, потому что Бог почивает в сердцах смиренных людей, которые каются, а покаяние всегда привлекает благодать Божию.

Сила благодати. Вспоминаю, как я тоже спрашивал себя, слыша: «Благодать, благодать...». Я спрашивал себя: «А что такое благодать в конце концов? У меня, может, есть благодать, а я и не знаю, что это такое» А есть ли у нас благодать? Это вопрос, и многие люди задают его себе. Есть ли у нас благодать?

Человеку легко понять, есть ли в нем благодать: по плодам. Мы не можем иметь благодать и быть мрачными, запутанными, полными пороков, жить на нервах и в хаосе: благодать не может существовать в сердце подобного человека. У благодати есть плоды, это плоды Духа, и одним из них является то, о чем святой апостол Павел и говорит: (благодать и) мир[9]. Когда благодать присутствует, в человеке живет мир: у него мир в душе, на сердце, в теле; он мирный человек.

Это один из самых очевидных плодов благодати Божией, и человек, имеющий благодать, знает об этом, он чувствует: благодать действует в нем. Отцы говорят: как женщина, когда она беременна, понимает, что в ней есть другой человек, потому что чувствует в себе младенца по его движениям, то же и с благодатью в человеке – он понимает, что благодать в нем, что это не что-то его собственное, а дар, это Божественная энергия.

Точно так же он понимает и когда Бог его оставляет – но это не Бог нас оставил, а мы Его оставляем, вот так будет правильно говорить. Мы оставляем Бога своими грехами, преступлениями, которые совершаем, своими поступками мы оставляем Бога, отходим от благодати, и она не действует. Бог всегда близ нас, но мы Его не чувствуем, потому что закрываем свои глаза под воздействием греха.

Итак, мы чувствуем это, и вот часто многие спрашивают:

– Отче, а курение – это грех? А ходить на дискотеку грех? А носить эту одежду грех? А делать вот это грех?

Грех – это не юридический факт, чтобы мы могли сесть и написать книгу, в которой было бы отмечено: вот это грех, а это не грех, – и проверяли бы каждый раз, грех ли то или другое. Как говорится в одном нелепом анекдоте: написали законы, в которых было сказано: «Если совершишь то-то три раза, то получишь такое-то наказание, а если пять раз, то такое». Ну а если ты сделаешь это четыре раза? Об этом ничего не сказано. Так будем же тогда делать это по четыре раза, если за три и пять будет наказание!

Но поступки не преодолеваются таким образом, мы не можем оценивать их словно бы по своду законов. Так как же ориентироваться тогда? Ты понимаешь сам, когда совершишь какой-либо поступок, что благодать Божия оставляет тебя: совесть гложет тебя, и ты чувствуешь, что Бог не с тобой.

Один юноша спросил меня:

– Грешно ли ходить в такое-то место?

Я ему сказал:

– Знаешь, я никогда не ходил по подобным местам и не знаю, грешно ли это. Но давай-ка я спрошу у тебя: когда ты идешь в это место, ты чувствуешь, что Бог с тобой?

Он усмехнулся:

– Не думаю, чтобы Он был со мной в том месте.

– Ну а если не думаешь, что Он с тобой, так и не ходи туда!

Если это место, куда Бог не может пойти, куда, как ты чувствуешь, Бог не идет с тобой, то это значит, что там нет Бога, что Бог не почивает в том месте. Так мы и понимаем: когда видим, что благодать оставляет нас, тогда не ищи чего-то еще, не ищи, записано ли это в документах. Бога нет в этом твоём деле, в этом твоём действии, в этом твоём отношении к другому.

Прежде всего, знайте, что одна из самых коварных ступенек, с которой мы все падаем (особенно мы, «христиане»), – это осуждение. Человек, который осуждает, падает вниз стремглав, как свинец, он ни на миг не задерживается. Боже, сохрани нас от этого. К сожалению, этим страдаем все мы, в осуждение легко соскользнуть, но последствия у него трагические. Человек совсем лишается благодати. Ты осудил другого человека? Бог тут же оставляет тебя. Бог не может находиться там, где имеет место осуждение.

Потому что осуждение – первое чадо эгоизма; эгоист с легкостью осуждает. Оно сродни хуле на Бога, потому что только Бог может судить человека, ибо только Он безгрешен. Создатель человека и Бог в Своей бескрайней любви ожидает человека до последнего его вздоха, и ты не знаешь, что происходит в сердце другого человека. Ты судишь другого, а знаешь ли ты, что у него в сердце?

Знаете ли вы, какая это великая тайна, сколько нежности у благодати? От одной улыбки, которую ты подаришь страждущему человеку с любовью, от одного благого помысла, который у тебя появится о каком-то человеке, ты тут же можешь почувствовать такую благодать, что реально ощутишь себя пред престолом Божиим. Так много благодати может стяжать человек одним своим простым движением и помыслом! И так сильно может пасть, буквально разбиться и совлечься благодати из-за одного своего осуждающего жеста и отвержения другого человека.

Отец Ефрем Катунский^[10] приводил нам много примеров этого. В Катунки жил один подвижник, у которого была такая особенность: в своей келье в пустыне, где он пребывал, он повесил несколько жестяных банок, и когда подходило время вечерни или других последований, он бил по ним. Там, в пустыне, нет колоколов; колокола есть в монастырях. Другие не обращали на это внимания, а один брат осудил, услышав, как он по ним стучит.

Отец Ефрем сказал нам:

– Оком души (то есть чувством своей души, через благодать, которую он имел в себе) я увидел, как душа этого человека стремглав падает камнем из-за осуждения.

Брат тут же пал. Он отпал от Бога. Сколько же трудиться надо было ему потом, чтобы снова получить благодать! Поэтому давайте будем с вами осторожны в этом.

Мы можем не совершать грубых грехов, не воровать; у нас нет больших грехов, но есть другие, и хотя мы и полны их, но мы внимательны; а поскольку мы внимательны, то может возникнуть мысль, что мы хорошие люди и в нас нет никакой скверны:

– Моя совесть чиста, – говорят некоторые из приходящих на исповедь, – отче, моя совесть чиста!

И кто же тебе это сказал, сын мой, что твоя совесть чиста? Ты спрашиваешь об этом Бога, чтобы узнать, каково Его мнение?

Расскажу вам об одном случае, произошедшем, когда я был на [Святой Горе](#), чтобы вы посмеялись и увидели человеческое неблагоразумие. Когда я жил в монастыре на Святой Горе, пришел однажды некий человек и говорит:

– Мне нужен духовник, чтобы исповедаться!

Старец сказал мне:

– Иди, пришел человек на исповедь!

Но я не успел, дело уже было к вечеру, я служил вечерню, и было еще много других дел. Это был человек средних лет. Я сказал ему:

– Вы хотите исповедаться?

– Да, отче, я пришел на Святую Гору исповедаться.

– Хорошо, но сейчас я не могу. Завтра утром увидимся во время службы.

Утром в три часа мы вошли в церковь, мы обычно исповедовали тогда в одном храме, но этот господин не проснулся и не исповедался. Во время трапезы он предстал передо мной. Я спросил его:

– Где же ты был, благословенный человек? Я искал тебя!

– Извини, отче, сон одолел меня, я не смог прийти, но непременно хочу исповедаться.

– Так что же мы будем делать?

– Я останусь тут, я не поеду домой. Останусь и на сегодня!

– Хорошо, оставайся и на сегодня, сейчас садись, поедим, а через час-другой увидимся.

Днем у нас был молебен, у меня произошло еще что-то, и я опять не успел. Послал другого брата сказать ему, чтобы он пришел на вечерню. Он возмутился, но в конце концов мы договорились, что он исповедуется на вечерне. Я говорю себе: «Человек ехал из такой дали, у него такая жажда исповедоваться, как же так!» Нашел, кто отслужит вечерню, вошел в храм; меня ждала куча дел, которые я должен был сделать, но я пошел к нему и сказал:

– Поскольку ты приехал, чтобы исповедаться, расскажи мне, что у тебя.

– Ничего!

Я говорю себе: да он сведет меня с ума!

– Что ты хотел исповедать?

– Да мне нечего исповедовать! Я просто хотел, чтобы ты прочитал надо мной молитву, чтобы совершилось таинство, но я не чувствую, чтобы у меня было что-нибудь!

– Ну хорошо. Так у тебя что, совсем нет ничего?

– Нет!

– Ты не совершил ни одного греха?

– Нет, меня ничего не гнетет!

– И никого не обидел?

– Никого.

– И не сказал ни одного слова ни о ком?

– Нет!

– И ни одной мысли у тебя не было?

– Да нет же! Ничего на мне нет!

– Но ты же безгрешен, зачем же ты тогда пришел на исповедь? Ты в ней не нуждаешься. Ты совершил ошибку и зря потратил время. Вот мы и нашли еще одного безгрешного.

Но в нем не проснулось никакого чувства. Никакого.

Видите, до чего может дойти человек? У него все в порядке!

И я говорю это не для того, чтобы судить и осуждать других людей, а чтобы мы видели себя, когда идем пред Бога, и до чего мы иногда доходим, когда не чувствуем своего состояния: все у нас в порядке, мы чисты!

Иногда человек доходит и до такого безумия, духовного безумия, что начинает описывать себя и плачет. Не от раскаяния, а:

– А ты знаешь, какой я человек?

И рассказывает тебе:

– Я сделал то-то, сделал то-то!

И расстраивается, описывая свою доброту и свои добрые дела, и какой-де он хороший и значительный человек. И он так сильно верит в то, о чем говорит, что, расчувствовавшись, начинает плакать, стоит ему только подумать о том, какой же он хороший человек.

Конечно, я верю, что и Бог плачет в этот момент, но от других чувств – видя, до чего может дойти человек в своем падении. Тогда как ты видишь и других людей, которые приходят действительно сокрушенные, смиренные, в покаянных чувствах, и понимаешь, как много Бог действует в них и как благодать действует в них и изменяет их.

В сущности, эта благодать совершает великое чудо Церкви – благодать делает человека из волка агнцем, изменяет его, преображает. Страшно, как благодать действует во всем человеке – в душе и теле. А она действует и в душе, и в теле человека и делает его прекрасным душой и телом, тогда как грех, напротив, делает человека свирепым даже внешне: ты видишь его, его свирепое выражение лица, оно излучает эту злость, а душа и того больше. Поэтому нам необходима благодать.

Основная цель нашей борьбы – стяжать благодать через соблюдение заповедей Божиих, но более всего – через смирение и рождающееся от него покаяние. Смиранный человек кается, а кто кается, тот привлекает благодать Божию, так же как и наоборот: горделивый никогда не кается и вместо того, чтобы привлечь Божественную энергию, привлекает энергию нечистых духов и реально делается мрачным и чуждым благодати Божией.

Благодать имеет плоды – те, которые перечисляет апостол [\[11\]](#), – и мир Божий, который постоянно прибывает в Церкви.

И мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа [\[12\]](#).

Какое это великое дело – человеку иметь мир в себе. Мирный человек действительно очень счастлив; счастлив не сильный, богатый, прославленный, образованный, знаменитый, а тот человек, у которого мир в сердце. Что бы ни происходило вокруг него, Божий мир, превосходящий всякий ум, в нем, потому что Бог есть мир. Христос – это мир наш. Он наш мир, и когда Он в нас, тогда всё внутри нас пребывает в мире. Поэтому Церковь постоянно молится: «Миром Господу помолимся», «О свышнем мире и спасении душ наших», «Мир всем», «Мир Божий», «С миром изыдем»! Мы постоянно слышим это слово – «мир» и «источник мира».

Итак, мир – это Христос; когда Он присутствует, в человеке пребывает мир. В человеке пребывает гармония, равновесие, полнота, у него нет никакого страха, тревоги, фобий, неуверенности, стресса, боязни смерти: «Мы заразимся птичьим гриппом, заразимся еще каким-то гриппом, попадем на операцию...» Мы лишаемся мира и расстраиваемся.

Чего-то нам не хватает. Почему внутри у нас такая неразбериха и беспокойство? Возьми Христа и вложи Его в свое сердце. Когда Он присутствует, все остальное бледнеет, и человек чувствует полноту, он мирен, у него нет страхов, тревог, никто не может нас напугать. Когда присутствует Бог, кто же меня напугает? Когда я теряю Бога, да, мне страшно, я задыхаюсь, когда теряю Бога; тогда я попадаю в стрессовую ситуацию и воображаю, что сам все сделаю, все решу и улажу. Но это не так. Бог – Тот, Кто делает все. Бог устроит все. Держи Бога в своем сердце, и если Ты его удержишь смирением, молитвой, покаянием, хранением Его заповедей, чтением слова Божия, тогда мир будет царить в тебе. И как говорил один великий старец, стяжи мир, и тысячи человек вокруг тебя обретут мир.

[Авва Исаак Сирин](#) говорит: «Имей мир в себе, и вместе с тобой умирятся небо и земля» [\[13\]](#). Тогда ты уже не будешь бояться, что другой причинит тебе вред, сглазит тебя, как мы думаем, будто на нас колдуют, нам завидуют, наводят порчу, и живем с этими безумствами. Никто ничего не может нам сделать: когда мы со смирением носим Бога в сердце своем и призываем имя Божие, тогда Бог присутствует, и мы имеем мир, и разрешаются великие проблемы современной эпохи – стрессы, неуверенность, одиночество, насилие, злоба, терзающие нас каждый день...

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

<http://dveri.bg/3aqkp>

[14 января 2013 года](#)

[\[1\]](#) См.: Ис. 1: 18; Мф. 11: 28.

[\[2\]](#) См.: Древний патерик. Гл. 18. § 27 (20). М., 1899. С. 350–351; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Павле Простом. М., 1999. С. 448–452.

[\[3\]](#) См.: Лк. 18: 13.

[\[4\]](#) См.: Лк. 23: 39–43.

[5] Видимо, владыка Афанасий имеет в виду афонского старца иеросхимонаха Тихона (Голенкова; 1884–1968).

[6] Мф. 31: 31.

[7] См.: Древний патерик. Гл. 9. § 5 (3). С. 144; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Исааке Фивейском. С. 194.

[8] См.: Притч. 8: 13; Иер. 13: 9; 50: 31; Иак. 4: 6 и др.

[9] Кол. 1: 3 и др.

[10] О старце Ефреме Катунакском (1912–1998) на русском языке вышло несколько книг. Катунаки – скит на Афоне.

[11] «Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5: 22).

[12] 2 Ин. 1: 3; Рим. 1: 7; 1 Кор. 1: 3; 2 Кор. 1: 2; Гал. 1: 3; Еф. 1: 2; Флп. 1: 2; Кол. 1: 3; 1 Фес. 1: 1; 2 Фес. 1: 2; 1 Тим. 1: 2; 2 Тим. 1: 2; Тит. 1: 4; Флм. 3.

[13] Ср.: Исаак Сирий, преподобный. Слова подвижнические. Слово 2. М., 2006. С. 16.

Об одиночестве и надежде на Бога

Вот вопрос: что полезнее для юноши, который разочаровался в людях, – отдалиться от всех и ни с кем не встречаться, замкнуться в себе из опасения новых неприятностей или все-таки устанавливать социальные связи, вступать в отношения с людьми и не бояться новых разочарований?

И еще один: чувство душевного одиночества и отдаление от близких не становятся ли стимулом к более тесному общению с Богом? Такому, что юноша решает вступить на монашескую стезю. Как вы думаете, это будет верным решением?

Ответим сначала на второй вопрос. Прежде всего мы должны знать вот что: никто не может сделать что-то правильное тогда, когда он во власти различных эмоций, управляющих его духовным миром. То есть: если человек переживает разочарование в людях и живет в одиночестве и изоляции, это не лучшее время для принятия важных решений – о женитьбе или монашестве. Он должен подождать, когда восстановятся мир и гармония в его душе, и только после разбираться в том, чего же он хочет в своей жизни. И тогда по своей свободной воле сможет сделать то, что задумал. Очень огорченный или очень радующийся человек всегда ошибается в своих решениях. Поэтому в одном поучении сказано: никогда не принимай решения, когда ты обижен или воодушевлен, потому что, как правило, позже будешь раскаиваться.

Я думаю, со всеми нами случалось так, что мы принимали решение сделать что-то, будучи очень радостными и взволнованными, но потом оказывалось, что жить в таком же состоянии, в каком находились прежде, мы не можем: эйфория прошла. С другой стороны, монашеская жизнь трудна. Трудность ее не в том, что мы встаем до рассвета, ночи напролет кладем поклоны, не едим мяса и постимся – этому не трудно следовать. Сложность монашеской жизни в другом. Я думаю, что самое трудное – сокрушить идола, живущего в нас. Когда человек становится монахом, он понимает: то представление о себе самом, что у него сложилось в миру, а именно: что он очень хороший человек, добродетельный, живущий духовной жизнью, – всё это в монашестве рушится, терпит крах; человек сокрушается, разбивается красивая картинка о своем собственном «я». Необходима огромная душевная сила, чтобы противостоять этому сокрушению. Необходима

исключительная душевная сила, чтобы не отчаяться. Потому что только теперь видишь, что ты по сути собой представляешь, – а такого о себе ты и помыслить не мог. Видишь в себе все пороки мира, все страсти, помыслы, всё странное и необычное, о чем и не думал никогда, что это может быть в тебе, – но вот всё это возникает в тебе, сея в душе страх и тревогу.

Тогда человек спрашивает себя: «Что происходит со мной? Почему?» Потому что для того, чтобы обновился весь человек, он должен опуститься в глубины смирения. Этому невозможно научиться в миру. Это не то что чьи-то слова: «Ты грешный, немощный, окаянный!» Это приходит с опытом. Жизнь человека часто трагична. И в то трагичное время остается только одно у человека, у монаха. Что же? Вера в Бога. Вспомните, как [преподобный Силуан Афонский](#) переживал ад, уже почти на пороге гибели, и Господь наказал ему держать свой ум во аде и не отчаиваться. Спасательным кругом для человека остается надежда на Бога; человек не может надеяться на себя. Не дай Боже пережить это состояние безнадежности. Хорошо, если есть надежда, – трагедия, если ее у вас нет.

Я часто повторяю: то, что мы каждый день видим вокруг себя и с чем живем, – я говорю здесь о смертности человека, чувство которой иногда толкает его к самоуничтожению, – это же испытывают и святые, но с одной лишь разницей. Они переживают свою смертность с единственной надеждой – на Бога. А сегодня человек ощущает ограниченность своей жизни, ни на что не надеясь, так что единственной его надеждой оказывается смерть. Он не может вынести жизнь – и потому приходит к самоубийству или же находит другие способы уничтожить себя: например, лекарствами, наркотиками, еще чем-нибудь, лишь бы выйти из этой пустоты. Он не может пережить реальность окружающего и реальность самого себя. Он начинает искать им замену: в выпивке, марихуане, табаке... – тут ищет утешения.

Трагическую ограниченность жизни переживают и монахи, переживают еще более напряженно и реально. Это трудно. Думается, у живущего в миру бывают ситуации, когда он подходит к крайнему пределу своей выносливости. Такое бывает хоть раз в жизни каждого человека. Но знаете, что я вам скажу? Это просто замечательно, превосходно!

Почему? Потому что потом становится легко. Это словно по тебе проехали катком, а после маленькой машинкой – а ты ее и не чувствуешь, она не производит на тебя никакого впечатления, потому что только что ты был раздавлен тяжелым катком. Когда человек, углубившись в суть своего бытия, чувствует отчаяние, он может подняться, лишь имея надежду единственно в Боге. Если нет надежды на Бога, то это проблема, потому что ты вынужден полагаться на что-то другое, и получится как с веревкой на [Метеорах](#). Вы бывали на Метеорах? Раньше там не было дорог, и монахи спускались на веревке. Садись в корзину – вы, наверное, про это читали: об этом написано в старых книгах. Там огромные скалы. В одном анекдоте рассказывается, как какой-то паломник садится в корзину, чтобы спуститься. И спрашивает монаха, который должен его спустить:

– Отче, а как часто вы меняете веревку?

А тот ему отвечает:

– Когда порвется, тогда и меняем!

Представьте себе: вот спускают тебя в корзине. Под тобою пропасть. А потом ждут другого, под которым порвется веревка, и тогда ее заменят. Если мы хватаемся за веревки – за человеческие веревки, мы совершаем ту же ошибку.

Теперь давайте обратимся к первому вопросу.

Решаешь не сторониться людей и не замыкаться в себе. Но не уходят от одиночества те, кто возвращается домой только обойдя все бары, где пили до умопомрачения, а потом их тошнило вот здесь и вон там, потому что выпили десять бутылок вина. Это не решение проблемы. Решение проблемы одиночества в другом. Ни тут и ни там. И то и другое – человеческие способы, которые приводят к болезненным состояниям. Решение

проблемы одиночества в том, чтобы человек научился правильному общению: как правильно общаться с другими людьми и – главное – как общаться с Богом, Который Отец нам. Он никогда не будет разочарован Богом и не будет Им предан. Так что если есть правильные отношения с Богом, тогда чувство присутствия Бога переполняет человека, давая ему все то, чего ему недостает. И даже если кто-то сделает человеку больно и разочарует его – да, он может огорчиться, однако никогда не достигнет предела отчаяния, потому что и не ждал слишком многого.

Трагедия в том, что сегодня мы отдаем все свое сердце, все свое существо мирскому, чему-то ограниченному, относительному. А потом наступает час, и мы разочаровываемся – не потому, что люди плохие. Нет, они не плохие, они очень хорошие, но мы говорим здесь о тех, кто не в полной мере отвечает нашим ожиданиям. Они не имеют такой возможности, не имеют сил или же не могут почувствовать то, что мы чувствуем. Знаете ли вы, как страшно кого-то любить и желать, чтобы и он любил тебя, а он не может этого сделать? Это трагедия.

– Я так люблю тебя, так люблю – а ты меня не любишь!

Хорошо, любит, но не так горячо. Ведь нельзя себя силой заставить любить. Нет такой кнопки, которую можно было бы нажать и влюбиться. Ты можешь его любить, желаешь вступить в брак, все мечты твои об этом, все существо твое стремится к тому, чтобы видеть любовь свою везде, в книгах – так, чтобы какую книгу ни открыть, увидеть и там, – даже в еде, в кастрюле. Но предмет твоей любви чувствует иначе. Или он связан с другим человеком, или не испытывает к тебе тех же чувств. Как тут поступить? Покончить жизнь самоубийством? Что происходит с нами, когда тот, кого любим, не может ответить взаимностью?

Или другая ситуация. А я вам рассказываю о том, что происходит с нами каждый день. У вас семья, отношения просто прекрасные, но в какой-то момент один из супругов в искушении предаст другого. Что тогда делать? Отчаиваться? Становиться крайним эгоистом – испытывать все те нездоровые чувства, уродливые, болезненные, разрушительные? А если приходит твой последний час, если умирает твоя вторая половинка или твой ребенок или случается еще что-нибудь трагическое – то, что происходит с нами каждый день? Если вы отдаетесь этому всем своим существом, то и сами знаете: придет разочарование. Вот и гложет нас страх, неуверенность. Мы чувствуем неопределенность нашей жизни, и это приводит к стрессу, к тревожности. Почему? Потому что мы так построили нашу жизнь, потому что считаем это главным. А еще здоровье. «Было бы здоровье!» – говорим. Но так ли важно здоровье? Всегда ли оно будет у нас? Разумеется, когда-нибудь мы потеряем здоровье. А чего ожидаем? В 80 лет быть абсолютно здоровыми? В определенное время твое здоровье ухудшится. Наступит и момент, когда ты разочаруешься в своих детях, в своей жене, в своей работе, в себе самом, в своих силах – во всем этом. И это разочарование – твоя погибель, потому что ты все силы своей души отдал этому.

А ведь первая и основная Божия заповедь – возлюбить Бога всем своим существом, всем своим сердцем, душой, умом, волей – всем. Если мы любим Бога всем своим существом и уповаем на Него, остальное приходит как следствие. Бог есть твердое основание, которое никогда не будет поколеблено; все, что нападает на Бога, – разбивается. Даже сама смерть не может победить веру в Бога. Так что, имея крепкую веру, человек преуспеет в жизни и преодолет все неприятности, с которыми встретится. Разумеется, не оставаясь совсем равнодушным к ним, но его чувствам будет определена граница. Он может сказать так, как говорят пожилые люди, наши бабушки: «Как Богу угодно; что Богу угодно; такова Божия воля». Это простые, но очень важные слова. От них, от этой веры приходят мир и покой, проходит тревога, охватывающая нас, – потому что вера дает Богу действовать в нашей жизни. А если мы хотим сами все устраивать и организовывать, тогда, конечно же, в любой момент ждем, что что-то не заладится и всё рухнет.

Поэтому, когда нас охватывают те юношеские чувства и мы уединяемся, запираемся в своей комнате, не выходим на улицу, а нам стучат в дверь и оставляют еду у порога или же переходят на общение с нами через записки: мать оставляет записку: «Пообедай», – ничего дельного не получается.

Да, это плохо, нездорово – не делайте так! Поймите: суть проблемы в другом. Вот ты отстранился от всех или ушел из дома (это две крайности) – и что? Выбери срединный путь и пойми: проблема не в том, что кто-то тебя разочаровал, а в том, что у тебя нет существенной связи с Богом. В этом заключается суть проблемы, это является тем решением ее, что всегда предлагала Церковь. Так что Церковь современна, сегодня она модный

тренд – и мы все должны чувствовать, что являемся последним словом моды. Потому что слово Церкви актуально и отвечает на самые насущные вопросы современной жизни человека, особенно молодого человека. А те, кто, как говорится: «предки», так у них нет этих вопросов – они копят деньги в банке и ждут пенсии. Защищенность. Заботятся о своем здоровье, часто ходят на обследования, по врачам, следят, чтобы не повысился уровень холестерина, сахара и проч. Да, чтобы защититься, они делают тысячи вещей и не чувствуют отсутствия Бога. Это неправильно.

Сегодня молодежь горячо откликается на все события, и это хорошо, потому что эта динамичная жизнь приведет молодого человека к живому познанию Бога. Потому-то многие сегодня и воцерковляются, а социологи всё спрашивают: «Что же такое случилось?» А что случилось? Пусть сами узнают что. Почему так? Потому что есть один фактор, который не подлежит интерпретации. И этот фактор – Бог, а другой фактор – человеческая душа, и они связаны напрямую и парадоксальным образом. Душа молодого человека интуитивно чувствует (и, конечно же, не имеет значения, что он немного растерян) – она чувствует: есть то, чего ей так не хватает, и когда она найдет Бога, всё автоматически отходит на второй план. Иными словами, когда мы находим Бога в своей жизни, тогда наступают изменения, которые невозможно объяснить словами. А взрослые люди спрашивают:

– Что это с моим сыном? Прежде его не застанешь дома, возвращался всегда под утро, нервничал из-за мелочей... Ему мало было одной девушки – хотел десять. Почему сейчас не так?! Что с ним? Ему нужен психиатр, он должен пойти к врачу!

А те явления, по поводу которых, следуя светской логике, нужно обращаться к врачу, – это процесс изменения и преобразования человека. Меняются его потребности, восприятие, чувства, меняется вся его сущность, его отношения с миром, с самим собой, со своими близкими, со своим телом, с телами других. Все эти изменения чувств нельзя объяснить. Если вы убираете действие Божией благодати, не принимаете его, не признаете его, то тогда, действительно, нужно идти куда-нибудь на консультацию, потому что тут нет другого объяснения.

Еще раз повторяю, чтобы закончить.

Есть две крайности. Человек замыкается в себе и ни с кем не общается – таким способом он защищается. Но со временем это приведет его к весьма болезненному состоянию. Это неправильно. Вторая крайность: чтобы забыться, пуститься во все тяжкие, гулять до упаду, пить, развлекаться – чтобы развеяться. Знаете, что значит слово «развеяться»? Разорваться на тысячи частей и пустить их по ветру. Пойди собери потом эти части! И вот ты разорвал себя на тысячи частей, потерял себя, потерял связь с самим собой и не можешь заново себя собрать. Необходим срединный путь, гармония, а не та или другая крайность. Надо научиться разбираться в себе, в том, что тебя составляет, и поставить эти составляющие в нужном порядке. Надо понять абсолютную необходимость связи с Богом. Во-вторых, понять, где начинаются и где заканчиваются отношения с другими людьми, чего ждать от других людей, от самого себя, от естества вещей, от среды, а когда что-то случается, не разочароваться, а рассматривать это как естественное явление жизни. Наша повседневность включает в себя и это – такова она, наша жизнь.

Что касается сокрушения идола собственного «я» – то делай это в монашестве, делай это, живя в миру, причем в миру встречаются и весьма жесткие способы для этого. Иногда даже более жесткие, чем в монашестве, потому что в миру чаще происходят дикие вещи – кто-то нападёт тебе, а никому до этого и дела нет. Правда, в миру есть человеческие удовольствия, которые даны были людям как простое решение проблем, то есть решить все можно просто; в монастыре этих человеческих удовольствий нет, и человек переживает всё один, совсем один, без чьего-либо вмешательства. Ничего нет, абсолютно ничего. Единственная надежда – на Бога, но и Бога нет – то есть Он есть, но при этом Его нет: Бог есть до тех пор, пока не скажешь: «Все кончено, погибаю!» Почему? Потому что тогда человек, так сказать, активирует свои силы, то есть находит в себе те силы, которыми обладает. Но это очень болезненный процесс. Христос как Человек, приняв Крест, достиг предела сил и потому возопил: «Боже Мой, Боже Мой, почему Ты оставил Меня?» Каждому человеку положен какой-то предел; но смотрите: Христос обратился к Отцу с молитвой как Господь, и в этом суть нашей борьбы. Когда мы совершенно одни и рядом нет никого, нет ни людской, ни

Божией помощи, очень трудно обратиться к Богу, очень-очень трудно. А в мире есть человеческие радости, так что там все идет по-другому. Хотя, может быть, я и ошибаюсь тут. Но в любом случае опыт многих монахов и святых показывает: в монастыре человек оказывается действительно на пределе – пределе своей выносливости. Поэтому невозможно человеку, который не имеет душевных сил, выдержать монастырь – никоим образом не выдержит. Монастырь как печь, где температура – в тысячу градусов. Там горит и плавится металл, а не люди. Вот так. А внешне это никак не заметно.

Однажды я приехал в монастырь на [Святой Горе Афон](#). Не буду говорить, в какой. Внешне он производил очень приятное впечатление: все монахи улыбающиеся, вежливые, молодые, образованные, среди них были и университетские преподаватели, и врачи, так что говоришь себе: в этом монастыре царит радость, что на Афоне не так часто встречается. Я посетил старца, который был болен и лежал в постели, – я был знаком с ним. Я спросил у него:

– Как дела твои, батюшка? Как поживаешь?

– Хорошо! – отвечает.

Мы поговорили немножко, и он спрашивает:

– Нравится тебе наш монастырь?

– Прекрасная обитель! Все монахи хорошие, улыбающиеся!

А он мне:

– Знаешь, что я тебе скажу? Это снаружи всё так выглядит, но если взглянуть глубже, то это страшное поле боя, горнило, которое переплавляет тех, кто живет здесь.

И действительно, этот такой красивый монастырь был одним из самых аскетических на Святой Горе Афон, то есть аскезы, что практиковалась в этой обители, не держались в других афонских монастырях. А тут она была во всем, и в еде, и в... ох, не стану об этом говорить, чтобы вы не ужаснулись. Там были очень жесткие правила. А внешне это не проявлялось. Почему? Именно потому, что духовные явления не похожи на мирские, и когда ты, например, переживаешь духовное бремя, это не то что когда у тебя болит живот или когда, как это происходит в миру, возникнет какая-то скорбь: у тебя не начинает учащенно биться сердце, ничего такого не происходит. Все спокойно, ты контролируешь свое физическое состояние – все эти физиологические проявления – в глубине своего сердца, своей сущности, но бремя идет – жестокое бремя. Не знаю, удалось ли мне это вам объяснить.

Не все люди одинаковы, поэтому каждый переживает это по-своему – в зависимости от своего характера и восприимчивости, и у одних это начинается с первого дня, у других – позже. По Божию Провидению это так происходит. И не все переживают одни и те же бременя. Есть люди, которые выдерживают исключительно много войн, и притом значительных, просто что-то невероятное, невыносимое, и если я это опишу, мне не поверят.

Преподобный Силуан Афонский говорит: «Если бы я знал, какие ночи проведу в монастыре, то не провел бы здесь и одной! Тем не менее, я провел здесь тысячи ночей». Именно потому, что он пережил это с Божией благодатью. Если отнять благодать, все стало бы невыносимым. Но, дети мои, каким бы страшным это ни казалось, об этом важно знать. А помните, в Ветхом Завете рассказывается о трех юношах, которых вавилонский царь бросил в печь, где огонь, пылая, поднимался на 40 локтей? Представьте себе: на 40 локтей! Сколько это метров? Почти 25 метров. 25 метров пламени – никто не мог приблизиться к печи. А юношей бросили в этот огненный ад. Когда их бросили в печь, случилось чудо: в печи стал дуть влажный ветер, который отогнал пламя. Все думали, что юноши умрут. А они среди пламени пели и славилы Бога. Так же происходит и с человеком, который переживает духовные события. Странному это представляется ужасным, но эти бременя нельзя увидеть, а когда сталкиваешься с ними внутри, то переживаешь нечто странное, так что как будто и не чувствуешь всего этого. Спросишь: как же не чувствовать, когда чувствуешь? Это парадоксально, но так всегда происходит в Церкви. Сосуществуют жизнь и смерть, радость и горе, бедность и

богатство, аскетизм и веселие, трагедия с радостью Божией. Так что, хотя человек претерпел это страшное испытание, он не бежал от него, а остался, потому что обрел присутствие Бога, которое орошало пламя.

Но в основе всего этого – вера. Если человек не имеет веры, у него ничего не выйдет. Поэтому разочаровавшийся в людях никогда не сможет стать монахом. Монахами становятся очень оптимистичные люди, те, которые не только не разочарованы, но – скажу так: абсолютно уверены в том, что могут достичь в жизни всего, но сознательно отринули это. Так что монашество не выход из ситуации безнадежности, как некоторые говорят: «Хочется покончить жизнь самоубийством или уйти в монахи!» Это не решение, а ошибка...

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевел с болгарского [Виталий Чеботар](#)
магистр богословия

[Dveri.bg](#)

[19 марта 2013 года](#)

Общение со Святым Духом. Часть 1

«Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим» (диаконский возглас).

В этом возгласе две просьбы: первая – о единстве веры, а вторая – об общении со Святым Духом. И первое, и второе необходимо для того, чтобы мы были истинными членами Церкви.

Первое: чтобы у нас была общая вера, единство веры. В Церкви нельзя, чтобы каждый верил, как ему хочется. Мы часто видим людей, которые говорят: «Я в это не верю! Я не принимаю того, как Церковь говорит об этом! Мое мнение по этому вопросу противоположно мнению Церкви». Или: «Да это же фанатизм, это для фанатиков! На самом деле все не совсем так!» И каждый говорит и толкует разные вопросы, то есть различные учения о Церкви, как ему нравится.

Это крайне опасно и неприемлемо, потому что учение Церкви, и мы уже говорили об этом много раз, – это не традиционная философия, это вообще не философия и не принятие определенных теоретических истин, а опыт, метод целительства, который применяется к людям. К примеру: ты пойдешь к врачу, и он теоретически объяснит тебе твое нездоровье, например, скажет, что тебе, чтобы начать чувствовать себя лучше, нужно делать то-то и то-то, нужно остерегаться такой-то пищи, избегать того или другого, а ты решишь: «Из всего, что сказал мне врач, я выберу только вот это. И не стану я пить всех лекарств, а только те, которые мне нравятся, и не когда мне сказал врач, а когда сам захочу!» – тогда, как вы понимаете, результат лечения неминуемо окажется отрицательным. В лучшем случае от лечения не будет никакой пользы, а в худшем дело может закончиться смертью – если мы дойдем до крайностей.

То же самое происходит, и когда мы входим в Церковь, но не принимаем ее учения. Оно (учение) есть метод, ведущий человека к обожению. Если этот метод не будет применен, тогда у нас не будет результатов. Потому мы и видим таких людей, которые многие годы ходят в церковь, но остаются без практических результатов в своей жизни. И возникают вопросы – и у нас, и у других людей: «Ну, хорошо, ты уже столько лет ходишь в церковь, а где же твои результаты? Твоя жизнь не свидетельствует о том, что ты живешь в Церкви. Почему так происходит?»

Мы спрашиваем себя, почему с нами это происходит, ибо не видим результатов своего вхождения в Церковь. Но неужели Церковь бессильна? Неужели обманчиво слово Бога, свидетельствующего о непреложности истины, об опыте Церкви? Конечно, нет! Это мы не приняли целиком и полностью методику веры Церкви.

Отцы говорят: Православие значит и праводействие. Правильное действие происходит от правильной веры, от правильного мышления, от правильного учения. Да, это главное – чтобы человек поступал правильно, но чтобы поступать правильно, он должен верить правильно.

Не знаю, легко ли будет понять это, но скажу: ереси потому и смертоносны, что по сути дела целятся в спасение человека – чтобы увести человека от спасения. И Православие потому именно и строго в том, что касается веры, что оно говорит и свидетельствует о результатах правильности ее (Церкви) метода. Это касается догматов веры – нашей веры в Бога, в Святую Троицу, в Святую Богородицу, в святых, в Церковь, – и даже тогда, когда они находят отражение в практике Церкви, то есть в методе нашей личной борьбы. Ты не можешь сказать: «Я хочу подвизаться духовно», – и притом не желать делать этого.

Вот некоторые говорят: «Я хожу в церковь, но я не согласен с тем, что туда надо ходить в воскресенье. Я захожу обычно в какую-нибудь часовню, в церквушку за городом в другой какой-нибудь день, иду туда один, ставлю свечку, постою минут 5–10, помолюсь и уйду. Так зачем мне ходить в церковь в воскресенье?»

Или: «А зачем мне исповедоваться? Я что, не могу сказать всего этого перед иконами?»

Или: «Зачем мне соблюдать установленные посты? Я что, не могу поститься тогда, когда мне захочется? Почему именно в пятницу? Я буду поститься в субботу! Во вторник! Зачем мне соблюдать все эти мелочи в Церкви, ведь это все (мы и сами часто говорим это) – пустой формализм и фарисейство?»

Практика Церкви, однако, свидетельствует, что, к сожалению, когда строго не соблюдается вся та методика исцеления человека, которая хранится Церковью, результаты всегда бывают неудовлетворительными. Что-то идет не так, и мы видим, что человек не исцеляется. Это похоже на то, когда врач предписал пройти полный курс лечения, но больной не выздоровел и проблемы с его здоровьем остались, – но если остались проблемы, значит, что-то не исполнялось как положено, что-то с этим человеком не так. А представьте себе, насколько все это важнее в случае с духовным здоровьем человека, ведь тут речь идет не о лекарствах и таблетках, у которых могут быть и побочные эффекты, а о Божией благодати.

Итак, вот мы входим в Церковь и, несмотря на это, видим, что ничего в нас не меняется, и мы начинаем беспокоиться и задаваться вопросом: что же происходит? А что происходит? Что-то мы не приняли, на что-то не обратили внимания. И знаете, опыт отцов свидетельствует об одном непреложном правиле духовной войны, которое гласит: «То, против чего мы не воюем, не может быть исцелено». Так что то, с чем человек не борется, не может быть искоренено.

Вот почему иногда у духовно преуспевших людей, очень преуспевших, мы встречаем и некие человеческие недостатки, несовершенства; тогда мы говорим: «Как же может такой человек, с такими духовными познаниями, иметь такое несовершенство, такой недостаток?» А причина в том, что он наверняка не обратил на это внимание и не боролся с этим; но иногда и сама Божия благодать оставляет – это факт – в совершенных людях человеческие несовершенства, чтобы явно было человеческое бессилие.

Однако с нами, находящимися на стадии борьбы, бывает первое из названного: мы не хотим принять чего-то или не установили точно, что именно поражено в нашем духовном здоровье. И мы оставляем это место больным и не трудимся над его лечением.

Например, нас бьет сребролюбие, а мы молимся, ходим в церковь, постимся, выстаиваем бдения, читаем дни напролет духовные книги; мы можем быть и немирскими людьми, но быть сребролюбивыми, недуговать сребролюбием. Но мы не боремся с ним. Ну, а поскольку мы не боремся, то оно и не исцеляется и остается в нас.

Вот и видишь людей, которые всегда в храме, они люди духовные, но, несмотря на это, страдают страстью сребролюбия, или славолубия, или очень обидчивы, или же мнительны... – да много всего такого, что накладывает печать на всю нашу жизнь. Конечно, они не могут быть оправданы, ибо, если мы скажем, что Бог виновен, тогда это будет значить, что мы перекладываем свою вину на Бога, тогда как Он – совершенный Врач. Виноваты мы, это мы не даем Богу действовать.

И тем более виновны, если начнем строить из себя умников и толковать Евангелие по своему разумению. Вот уж когда просто хочется рвать на себе волосы. Наслушаешься таких теорий и объяснений – батюшки мои! И говоришь ему:

– Но, чадо, ведь Евангелие говорит так-то!

– Да, но я толкую это вот так! Когда мы читаем слово «демон» или «сатана», то должны понимать, что под «сатаной» имеется в виду злая идея, злая энергия.

Это духовные бредни. А ведь если ты правильно не устроишь все внутри себя, ты же не достигнешь и правильного результата. Это же естественно. Если ты думаешь, что сатана – это только идея, тогда что с тобой поделаешь: ты станешь просто моральным человеком, который должен будет бороться со злыми идеями. Да, ты будешь преисполнен хороших идей, может, станешь хорошим идеологом, но ты никогда не станешь православным христианином.

Поэтому, входя в Церковь, нам нужно смириться, смирить дух свой, смирить горделивый ум, который судит об учении, но не для того, чтобы принять его; судит и выхватывает из него то, что ему хочется, а остальное отбрасывает. Или даже использует внецерковные методы. К сожалению, у нас существует много чего; не говорю уж об еретиках, которые, естественно, достойны слез, потому что отпали от животворящего тела Церкви, – они мертвы и далеки от единства веры Церкви. Ведь, как известно, в Святой Евхаристии участвуют и на ней присутствуют только члены Православной Церкви, в ней не разрешается участвовать еретикам или раскольникам.

Здесь я хочу напомнить, что как с еретиками не допускается совместная молитва и причастие, так и с раскольниками. Иными словами, когда какой-нибудь человек по какой бы то ни было причине отпадет от Церкви (не по догматическим, а по каноническим причинам) и скажет: «Я не хочу быть в этой Церкви!» – и создаст другую церковь (как это сделали старостильники, которые сочли, что календарь является вопросом веры, и откололись от остальных Православных Церквей, став раскольниками) – то он уже вне Церкви, и Церковь не принимает его в евхаристическое общение.

У нас нет евхаристического общения со старостильниками – тут я имею в виду только тех, кто живет на Кипре и в Греции. А по старому стилю служат и на Святой Горе, и в Иерусалимском Патриархате, и в России, и это Православные Церкви, для нас то, что там принят старый стиль, не имеет значения. У нас есть общение в Святах Тайнах со всеми Православными Церквями – и вот это имеет для нас значение. А то, что мы на 13 дней идем вперед или отстаем, это не имеет значения.

Общение веры – это общение в Святой Евхаристии. С того момента, как прерывается евхаристическое общение с кем-либо – то есть мы не причащаемся вместе с ними Святых Таин и не принимаем их, – они раскольники и находятся вне Церкви.

Это первый момент. Второе – это общение со Святым Духом. Можно сказать, что первое (единство веры) касается нашей практической жизни, то есть чтобы мы верили в то, во что верит Церковь, принимали то, что принимает Церковь, предали себя исцеляющему методу отцов и Церкви. Но важно, чтобы мы имели общение со Святым Духом. Но это – результат первого. Когда мы делаем все как надо, тогда мы общаемся со Святым Духом. И общение со Святым Духом – не что-то абстрактное, оно реально, онтологично, экзистенциально. Когда ты общаешься со Святым Духом, ты понимаешь, что в тебе канализируется эта энергия Святого Духа. Святой Дух не может прийти и чтобы ты этого не понял; это видно и действует в нашей душе разнообразными способами.

Святой Дух действует всякий раз, когда хочет, и Он воспитывает душу человека, учит ее, увещает, наставляет, укрепляет ее. Иногда Он дает ей умиление, иногда – радость, иной раз – скорбь, в другой раз – сладость, а иногда – боль: каждый раз все что нужно, чтобы душа могла насладиться своим здоровьем. Можно даже сказать, что реальные члены Церкви – это те, у кого есть это общение со Святым Духом. Эти люди, которые общаются со Святым Духом и в которых Он действует, – это живые члены Церкви.

Как в теле, когда кровь движется, то и члены живы, а когда остановится где движение крови, тогда этот член мертв. К сожалению, то же происходит и в Церкви. Все мы крещены во имя Святой Троицы, и все мы члены Церкви, но какие мы реально члены Церкви? Такими являются те, кто имеет общение со Святым Духом, они Христовы члены, храм Святого Духа, они те, кто через единство веры и практическую борьбу стал храмом Бога, и в них обитает Святой Дух. Бог действует в них, и всецелый человек – душа и тело – движется, функционирует и действует Святым Духом.

Соединение веры и причастие Святого Духа испросивше – так на святой литургии мы молимся стать сообщниками Святого Духа.

Цель христианской жизни – стяжание Святого Духа, говорит один великий святой Церкви – преподобный Серафим Саровский. Если мы не стяжали Святого Духа, тогда мы еще младенцы, мы еще стоим на уровне нравственности: все, что мы делаем, – это нравственные, а не онтологические добродетели. Мы хорошие люди, совершаем добрые дела, ходим в церковь, исполняем наши так называемые религиозные обязанности, то есть все становится исполнением обязанностей, но по сути это все мертво. Все, всякое действие, которое не причастно Святого Духа, мертво, как бы хорошо оно ни было. Поэтому, как видите, добрые дела не являются эталоном.

Многие говорят: «А почему мне нельзя быть масоном? Они же делают добрые дела! Разве они не совершают добрых дел? А почему бы мне не быть членом “Лайенс”^[1]? Они же делают добрые дела...» – и еще неведь что...

Какая разница между одним и другим? Какая разница между добрыми делами всех этих организаций и добрыми делами Христовой Церкви? Разница вот в чем.

Дела в Церкви не самоцель, а средство, которое ведет нас к стяжанию Святого Духа, и этому предшествует единство веры, практическое приложение всего, что Церковь передала нам для исцеления падшего человека. Именно тогда через дела мы достигаем стяжания Святого Духа. В то время как вне Церкви добрые дела являются самоцелью: мы совершаем добрые дела, потому что мы хорошие люди и должны быть добрыми, социально ответственными.

Все, кто участвует в таких добрых делах, скорее плавают в океане тщеславия, человекоугодия и гордости. Потому что, как известно, все эти движения творят добрые дела, но не без объявлений и фотографий на первых полосах газет: дескать, такой-то клуб дал столько-то и столько-то денег, организовал вот этот ужин и раздал вот эту еду. Но это же несовместимо с православным духом Церкви.

Так что нужно понимать: Церковь – это не благотворительная ассоциация, не компания, не организация, не система, не идеология, не философия, а Христово Тело. Входя в нее, ты насаждаешься в Христовом Телe, становишься Христовым членом, становишься храмом Святого Духа, становишься жителем другого Царства, переходишь от настоящего к незримому и вечному, и ты уже человек другой жизни, по-другому думаешь и движешься. Поэтому у Церкви нет ничего общего со всем этим, она этого не принимает. Поэтому не дела являются критерием, а вера, тогда как сами дела – это результат веры.

(Окончание следует.)

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Двери.Бг](#)

[18 сентября 2012 года](#)

[1] Lions Clubs International – международная сеть благотворительных организаций, близкая к масонской организации «Ротари». Основана в 1917 г., включает более 1 млн членов, действующих по всему Земному шару.

Общение со Святым Духом. Часть 2

Во время ектении священник возносит следующую молитву: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деем: сподоби нас причаститься небесных Твоих и Страшных Таин, сея священные и духовныя Трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

Это связано и сходно с увещанием диакона предать все в руки Божии^[1]. Знаете ли вы, как это велико (особенно сегодня), когда человек понимает, что он, молясь, предает в руки Божии всю свою жизнь и надежду? Когда он достигает того, что говорит Богу: «Боже мой, в руки Твои предаю всю жизнь мою! И не только жизнь, но и надежду мою!» Не только то, что сейчас занимает меня, но и надежду на все, что будет.

Вот такая вера, такая молитва – это мощная основа, очень мощная основа, на которой ты строишь всю свою жизнь и которую ничем нельзя расшатать. Ты словно попал в море или океан, грозящий волнами, штормами и опасностями, и вдруг находишь крепкую скалу, которую ничем нельзя поколебать, взбираешься на нее и чувствуешь себя там в абсолютной безопасности.

Наша жизнь – океан, все мы знаем это, особенно взрослые, потому что, когда человек растет, набирается ума, он встречает удары, разочарования, раны, давление, тысячу напастей еще, одна другой трагичней, о которых мы никогда и не думали. Мы встречаем так много затруднений, что наша жизнь – это действительно море скорбей.

Писание уподобляет эту землю юдоли плача^[2], то есть долине, полю, месту плача. Вы думаете, что на свете когда-нибудь существовал или существует человек, который не испытал бы боли? Невозможно такое. Нет ни одного такого человека. Всякий, и самый богатый человек, и самый счастливый тоже, испытывал боль, а даже если и не испытывал, то испытает ее в час смерти.

В час смерти, когда ты стоишь на самом краю и тебе уже не остается ничего, кроме, может, всего лишь нескольких секунд, и ты видишь, как все вокруг тебя исчезает, кончается, как сгорает твоя жизнь, твое существование; как все, что ты построил, приобрел, что у тебя было и чего не было, все заканчивается, – в этот час человек испивает горькую чашу, и нужно иметь большую силу, большую предварительную подготовку, чтобы выстоять в час смерти. Если мы скажем, что какой-то человек провел всю свою жизнь в счастье, то час смерти опровергнет это – и разочарует его, если он в этой жизни на иное опирался и надеялся.

Много раз я говорил уже, что заповедь Божия в сущности одна – это первая и единственная заповедь: [возлюбить Бога всем своим существом](#). С того момента, как мы перестаем это делать, проявляются «побочные эффекты». Мы чувствуем, что нами овладевает безнадежность, мы задыхаемся и даже доходим до того, что желаем своего саморазрушения, потому что разочаровались в том, что вокруг нас, даже в самом дорогом – в наших детях, супруге, здоровье, доме.

Что же это происходит такое? А это обнаруживается, кому мы отдали все свои жизненные силы, – по Божией ли заповеди жили. И если да, тогда, знайте, с великой сдержанностью и терпением встретим все, выдержим, не откаемся – почему? Потому что надеялись не на какого-то человека, пусть это даже наш супруг, ребенок или мы сами, но возложили свою надежду на Бога, а Бог – единственный, Кто никогда не разочаровывает человека, и не только не разочаровывает, но и остается его единственной надеждой.

И даже в час смерти Бог – единственная его надежда, которая не исчезает, а только более укрепляется, тогда как все остальные – в час смерти – немощны. Кто может помочь тебе? Ни твой ребенок, ни супруг, ни твое «я», ни твои деньги, ни твое положение. Будь ты хоть президентом Америки, ты тоже умрешь, как умирает последний человек, – никто тебя спасти не сможет. Отдай сколько хочешь миллионов – ничего у тебя не выйдет. Ты пройдешь через этот час и через эту дверь, которая приведет тебя к Богу и поставит нагим и бессильным пред Ним. Один только Бог в этот час может помочь человеку, и никто больше. Поэтому Бог – наша непостыдная надежда, надежда, которая никогда нас не посрамит и не оставит.

Когда человек ощутил веру, знаете, какой уютной становится его жизнь? Очень уютной, ибо он не ужасается, не боится. Кого ему бояться?

Сказали как-то святому Иоанну Златоусту:

– Знаешь, царица настроена против тебя, потому что ты ее изобличил, – она причинит тебе много зла!

А он ответил:

– А что она мне сделает? Что она может сделать мне? Я не боюсь ничего, я боюсь только одного – греха. Греха мне нужно бояться, потому что грех может отделить меня от Бога, как говорит Христос: не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф. 10: 28).

То есть бойтесь греха, который может довести вас до вечной гибели, а все остальное не имеет никакого значения. Так или иначе, но все настоящее преходяще, суетно, тленно, и что бы ты ни делал, ты не можешь этого сохранить.

На днях приходит ко мне знакомый и говорит:

– Недавно я был на одном официальном обеде, там были разные важные лица. Среди них был некий господин, у которого свой телеканал; может, у него есть и радио, не знаю, но телеканал есть, причем с большим радиусом вещания. Он сказал мне (и он говорил это очень потрясенный и огорченный), что – отче, внимай, – что сейчас, как только закончит скандал с Лимассольским митрополитом (речь идет о предыдущем митрополите Лимассольском, когда нынешний митрополит Афанасий был архимандритом и игуменом монастыря Махерас^[3]. – Ред.), он примется за тебя! И вынудит тебя покинуть Кипр! И прекратит твои беседы! «Мы уже готовы, только вот закончим эти скандалы, которыми занимаемся сейчас, и возьмемся за него!»

Я отвечаю ему:

– Прекрасная возможность для рекламы!.. А нас давно уже не рекламировали. Да что он мне сделает? Скажи ему, пусть начинает! И ты не волнуйся. Сейчас пока еще рано. Что он сделает мне? И чего мы ждем на этом свете? Что я, собираюсь стать депутатом и лишусь своих сторонников? Да хоть бы он уже заставил всех отвернуться от меня, чтобы меня оставили в покое!

Когда мы не ждем ничего на этом свете, мы не чувствуем никакого беспокойства. Что может сделать один человек? Это мы думаем, что мы всемогущи. Один человек говорил: «Благословляю тебя обвинять меня! Где хочешь, как хочешь и когда хочешь! Без колебаний! Без всяких угрызений совести! Ты совершенно свободен делать что хочешь».

Знаете, таков наш путь на этом свете, таково положение дел. Мы, и каждый из нас, там, где мы находимся, не можем принять образ мысли мира сего, отречься от своей сущности. Вот если бы мы лет 100–150 назад жили здесь, в этой стране, или если бы завтра нами овладели турки, то что же, нам, священникам, отуречиться и перестать проповедовать слово Божие, а не то турок разгневаются? А если бы мы жили в России лет десять тому назад, или в Албании, или в тех странах, где было гонение на Церковь, то что же мы должны были бы делать? Закрыть рот и не проповедовать слово Божие, потому что другие будут раздражены этим? Такова природа вещей, таков наш путь. Нет иного пути, это наш путь – и мы пройдем по этому пути.

А все это не сможет ни сломить нас, ни запугать. Почему? Потому что у нас есть средство передвижения, которое взмывает над облаками, как самолет, который поднимается над тучей и летит выше бури. Он летит над, а не под облаками. Ты знаешь, что идет буря, но она тебя не касается.

Вспоминаю одного добродетельного человека. Какой-то журналист каждый день писал против него, писал-писал-писал, постоянно. И вот однажды они встретились, и он ему сказал:

– Чадо, хватит тебе уже стрелять по мне! Ты стреляешь как в мертвеца: только пули свои расходуешь, а мне хоть бы что.

Стреляй по трупам сколько хочешь, с ним ничего не случится. А что с ним может случиться, если он мертв и ему ничего от тебя не надо?

Почему так? Потому что вся надежда его на Бога.

Так и мы, если в жизни своей целиком уповаем на Христа, тогда уже ничего не ждем от людей, не боимся абсолютно ничего. Что бы ни происходило вокруг нас, это не может возмутить наш мир, который установился не тем, что люди нас хвалят, а потому, что мы надеемся на Бога.

Вы видите, что мир на свете покоится на определенных данностях, то есть мы говорим: для того, чтобы иметь мир, не должна идти война, наша жизнь не должна находиться в опасности, не нужно, чтобы нам угрожали, чтобы захватывали нашу родину, чтобы мы жили каждый день в тревоге, боясь, что завтра произойдет взрыв, война, землетрясение, болезнь, – только тогда у нас будет мир. Однако это не относится к церковным людям. Церковный человек не зависит от внешних обстоятельств. Мир Божиего человека зависит от того, в нем ли Христос. Если в нем, у него мир, потому что Сам Христос есть мир наш. Внешне все может обстоять не в нашу пользу: может, вокруг нас война, рабство, плен, угнетения, гонения, смерть, но внутренне мы имеем мир, и это реальный мир человека, так же как и реальная свобода человека.

Мы говорим о свободе каждый день, и на Кипре тоже: «свобода или смерть», «улица Свободы», «площадь Свободы», «борьба за свободу»... Хорошее это дело – борьба, честное и славное, но борьба за свободу начинается не с внешнего, а с внутреннего. Если внутренне ты не станешь свободным, то какой смысл тогда во внешней свободе? Когда внутренне ты несвободен, внешняя свобода постепенно становится опасной, а иногда и губительной.

Вы помните, когда весь Кипр был свободным, от одного своего конца до другого? Я это время еще застал, мне было тогда 15 лет. Кипр был свободным, и мы свободны. А свободны ли мы? Мы порабощены своими страстями, так какая же свобода у Кипра? Куда ни кинь взор, всюду можешь увидеть признаки внутреннего духовного рабства, как это происходит сейчас. Мы говорим «свободный Кипр» или «свободная Никозия, Лимасол, Пафос, Агия Напа»^[4] – но свободны ли они? То, что имеет быть сейчас, это свобода? Это ли обращение нашей свободы на пользу? И если это свобода, то что же такое рабство?

Очень важно понять, что все начинается с внутреннего человека. Если в человеке нет этого преображения и перемены, тогда ничего не выйдет. Тогда и внешнее идет кривь и вкось и ничуть не помогает.

Как человек получает эту надежду на Бога и предает свою жизнь Ему? Хорошо, мы с вами уже знаем, что, когда возлагаем все на Бога, мы всегда имеем мир, но как и каким образом? Как духовное воспитание вообще начинается с простых вещей, так и это – чтобы человек предал себя Богу – начинается с простых вещей: с повседневных дел, с молитвы, которую мы совершаем вечером, с распорядка нашего дня, с того, что мы научимся говорить: «Если Богу угодно». Это написано и в Писании – чтобы мы говорили: «Если Богу угодно и если будем живы, то сделаем то-то и то-то»^[5]. Знаете, даже и вот эта фраза. Мы говорим: «Я сделаю, я построю!» Да скажи ты: «Если Богу угодно», чадо мое! Если будет на то воля Божия!

Когда мы поступаем так, в нас начинает действовать эта надежда на Бога. Мы понимаем, что ты не можешь сам сделать все, ты не делаешь, что хочешь, не все зависит от тебя, а берешь за основу Божию волю. Вот и в другой раз мы с вами говорили, что если мы научимся говорить: «Слава Богу», благодарить Бога, тогда в нас начинают действовать эти слова. После этого какое бы дело мы ни совершали, мы его не абсолютизируем: знаем, что оно относительно и ограничено: отсюда и дотуда, оно – не абсолютная величина.

Если мы поймем это, тогда мы приобретем правильное суждение о вещах. Например, ты знаешь, что для тебя учиться в вузе – это еще не всё, и если ты не сможешь его окончить, то не будешь отчаиваться; что произвести на свет детей – это еще не всё, и если ты их не произвел, не будешь считать себя несостоявшимся человеком; что иметь счастливую семейную жизнь – это еще не всё; для тебя всё – это Бог. Только Он, а все остальное относительно. Тогда все встает на свои места; а когда человек научается пользоваться мирскими вещами, а не

только судить о них, тогда он ограничивает себя в человеческом и знает свою меру, то есть он не предается безрассудно материальному. Да, мы люди, мы живем на свете, нуждаемся во всем, что вокруг нас, используем все это, но в меру. Мы не ненасытны в употреблении.

И, как всегда, та жизненная сила, которая помогает нам в том, чтобы надеяться на Бога, – это молитва. Когда мы молимся и полагаемся на Бога в молитве, тогда мы видим Божию длань в своей жизни. Мы видим ее, когда научаемся молиться. Когда человек молится, тогда в душе его действует Божия благодать, она укрепляет его, он приобретает другой вкус к этой жизни, приобретает другие чувства, открываются очи его души, и он судит обо всем иначе.

Но наступает час испытания. И в этот час испытания видно будет, чему ты научился, выучил ли ты свой урок. Приходит час, когда человек бывает судим, или в его жизни наступает какой-то кризис, какое-нибудь искушение, какой-то трудный момент, который может быть исключительно тяжелым, и в этот час вся твоя жизнь меняется в зависимости от того, какую позицию ты займешь в этой ситуации. И как я много раз говорил уже, есть такие моменты в нашей жизни, когда решается вся наша жизнь – и настоящая, и будущая – одним «да» и одним «нет», и это может длиться всего несколько минут. Человек может погубить себя, сказав одно «да», и спастись, сказав одно «нет», – одно слово может означать жизнь или смерть.

Так поступали мученики. Они были одно «да» и одно «нет». Их спрашивали:

– Ты христианин?

– Да!

«Да» означало смерть. Если он скажет «нет», это означало, что он будет жить.

Скоро мы будем праздновать память одной матери, святой Софии, и трех ее детей – Веры, Надежды и Любви. Вере было 12 лет, Надежде 8, а Любви 7 или 11. Тогда шло гонение, их схватили, привели к правителю, мать их тоже присутствовала при этом. Ее спросили:

– Твои дети христиане?

– Да, – ответила она.

Они были маленькими, они были детьми, но понесли мученическую смерть на глазах у матери, и святая София не стала этому противиться, она не сказала: «Да они же еще дети!» Как мы говорим: «Да он же ребенок, бедненький!» Она не велела им отречься, а, напротив, предпочла увидеть смерть своих детей. Почему? Потому что прежде смерти своих детей она сама умерла ради любви Христовой.

Вы родители и знаете, как это тяжело – потерять ребенка. Представьте же себе, насколько тяжелее видеть смерть своего ребенка и знать, что ты можешь его избавить от нее. Почитайте жития святых мучеников и увидите в них подвиги, увидите героев, героинь, главным образом матерей, которые поощряли детей своих на мученичество и стояли рядом, поблизости, чтобы ребенок не испугался и не отрекся от Христа. Почему? Может, они были чудовищами? Разве они не были матерями?

Вспоминаю, как раз некий молодой человек, желая стать монахом, пришел к одному великому старцу, весьма великому, который славился строгостью своей жизни. Тот молодой человек был очень хороший, он закончил университет и пришел, чтобы стать монахом, в пустыню, в Катунаки^[6]. Пришел он к старцу, а через месяц приехали его близкие: мать, сестры – которые, естественно, не могли войти на Святую Гору, а остались за ее пределами, – и его отец. Дали ему знать: «Твои родители в Уранополисе, пойдди повидайся с ними». Он спросил старца:

– Геронда, мне пойти повидаться с ними?

– Чадо мое, как хочешь! Ты свободен, ты еще послушник и совершенно свободен, сделай, как сочтешь нужным!

Он считал, что нужно пойти. Пошел, повидал своих родителей и вернулся обратно. Когда он вернулся обратно, я тоже был там:

– А, пришел!

– Да, пришел.

– Видел своих родителей?

– Да, видел.

– С мамой все в порядке?

– Все в порядке, отче.

– А как сестры, отец?

– Все хорошо!

– Ну и хорошо, чадо мое! А сейчас, когда ты вернулся, собирай свои вещи и уходи!

Он оцепенел:

– Куда же мне идти?

– Ты не можешь, чадо мое, тут оставаться, не можешь!

– Но почему же, геронда?

В ответ – ничего. Он плакал, рыдал. Старец ему сказал:

– Послушай, чадо мое! Не плачь. Хоть чудеса совершай передо мной, хоть мертвых воскрешай, но здесь ты не сможешь остаться! Здесь пустыня, здесь требуется строгость. Меня тоже мать рожала, как и тебя, но ради Христовой любви я понес это.

Ты скажешь мне: «Это строго!» Да, строго, но это место обязывает к строгости. Если кто хочет достичь больших высот, он должен соблюдать большую строгость.

Проведем связь с тем, о чем я говорил до этого. Когда кто-нибудь говорил: «Моя мама, моя сестра!» – этот старец часто отвечал:

– Чадо мое, нас тоже матери рожали!

Надо знать, как с пользой строить свои отношения, – знать, что значит твоя связь с Богом, твоя связь с родителями, твоя связь с миром. В семье, когда ты женишься, ты не можешь без конца твердить своей жене:

– Моя мать то-то и то-то!

Сказал ей раз: «Моя мать вот так-то», второй раз: «Моя мать иначе», а на третий она тебе скажет:

– Ну так и иди тогда к своей матери!

Вот так вот. Она тебе скажет:

– Да что же это такое? Без конца «моя мать» да «моя мать»!

Это задевает. Мужчинам нужно научиться быть осторожными. Слово «мама» запрещено для мужчин, если они женаты! Если, конечно, они хотят, чтобы у них все было в порядке. Муж не может постоянно говорить дома: «Моя мама!» «Моя мама то, моя мама это! Моя мама готовила так и делала так!»

А теперь представьте себе все это и в других ситуациях, когда человек должен преодолеть границы своего естества. Даже и в браке. Даже там человек должен – и Христос говорит об этом: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2: 24; Мф. 19: 5), – и в браке ты должен оставить своих мать и отца. Твоя мать и отец не имеют права вмешиваться в жизнь твоей семьи, и если твоя мать упорствует, то ты должен указать ей на дверь! Сказать ей:

– Сюда ты не можешь больше приходить! Хоть ты и мать мне, но в мой дом ты больше не войдешь, тебе нет здесь места, потому что твоя власть простирается только вот досюда.

То же самое и в отношениях с Богом – туда не может вмешиваться ничто другое, и это доказали святые, лики миллионов святых, которые преодолели законы природы. Ребенку легко отречься от своей матери, но чтобы матери отречься от своего ребенка – это, думаю, невозможно. Но вопреки этому среди святых мы имеем такие примеры, где сами матери предавали своих детей на мучения и стояли возле них – именно потому, что получили эту уверенность в вере и превозмогли настоящее. Потому что вся их вера, надежда и любовь была в Боге, и они не испытывали болезненной любви к своим детям, подобной той, с какой любим их мы...

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Двери.Бг](#)

[18 сентября 2012 года](#)

[1] «Соединение веры и причастие Святого Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим».

[2] Пс. 83: 7.

[3] На Кипре 31 действующий монастырь, и монастырь Махерас входит в первую их тройку, а по строгости устава он стоит на первом месте.

[4] Названия кипрских городов.

[5] См.: Иак. 4: 15.

[6] Катунаки – скит на Афоне.

Самое великое дело

Божественная Литургия – самое великое дело, которое может совершить человек, величайшая честь, величайшая данная Богом человеку привилегия – приобщаться Телу и Крови Христовым и более того – совершать самому это приобщение, стать органом благодати, чтобы осуществить это страшное и неизъяснимое таинство святой Евхаристии.

Якоже быти причащающимся во трезвение души, во оставление грехов, в приобщение Святого Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение.

Разберем же значение каждой из частей этой молитвы.

Мы знаем, что на Божественную литургию приходят для того, чтобы причаститься. Литургия совершается, прежде всего, для того, чтобы мы приобщились святых даров, Тела и Крови Христовых. Разумеется, желательно всегда быть готовыми причаститься, но поскольку мы немощные люди, то хорошо будет спросить

у духовника и получить у него разрешение или совет касательно частоты причащения. Это не значит, что столько-то раз мы достойны этого, а столько-то недостойны, нет, мы делаем это, чтобы нам можно было постепенно возрастать и становиться все более достойными и восприимчивыми к Божией благодати. И Божественная литургия совершается, прежде всего, для тех, кто будет причащаться.

Она не для смотрения и не для слушания. Она совершается не для того, чтобы мы за ней следили, слушали ее и смотрели, а чтобы приобщились, чтобы причастились, чтобы стали участниками принесенной Евхаристии (благодарения).

«Во трезвение души»

Что такое трезвение души? Термин «трезвение», или глагол $\nu\psi\omega$, означает, что мы находимся в состоянии бодрствования. Из Предания Церкви мы знаем о подвиге трезвения и отцах, подвизавшихся в нем. Разумеется, все святые отцы жили в трезвении, потому что постоянно бодрствовали душой, чтобы избежать сетей и ловушек сатаны. Как говорит и святой апостол Петр: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5: 8) – иными словами, чтобы ты бодрствовал, бдел постоянно, был внимателен, потому что противник, как лев, рычит, ходит вокруг и ищет, кого проглотить. Вы видите, он ищет не «кого укусить», а кого проглотить целиком, чтобы от него не осталось ничего. Не просто поранить человека, а целиком проглотить его.

Трезвение души – одна из самых необходимых составляющих духовной борьбы, то есть от человека требуется быть бодрствующим, не спать, ум его должен быть бдительным, чтобы человек не был ограблен сатаной, чтобы человек не дремал и не совершал грех, сам того не чувствуя. Подвиг трезвения – это целая наука, одна часть которой – труд, напряжение человека, но есть в ней и иная составляющая – Божия благодать.

Мы говорим, что дары Евхаристии – во трезвение души, потому что когда мы причащаемся, мы приобщаемся животворящей энергии Святого Духа. Жизнь, которую Христос дает нам, входит в нас, и тогда мы духовно бодрее. Божия благодать – это энергия, страшная энергия, которая окружает и покрывает всего человека, защищает его, предупреждает его, направляет его внимание ко всему тому, что посещает его с той целью, чтобы прельстить. Наша же важнейшая обязанность – понимать, что надо всегда бодрствовать.

Противоположным трезвению, которое служит признаком того, что мы духовно живы, является бесчувствие души. И по опыту своей собственной жизни, и жизни людей вокруг нас мы знаем, что до того, как открыть для себя Христа, то есть в то время, когда мы были еще духовно незрелы, мы совершали много разного и мало что понимали. Совершали и те грехи, и другие, жили в небрежении, безразличии и ничего не понимали. Только с виду все было спокойно. Как будто ничего у нас и не было – ни брани, ни беспокойства, ни тревоги, ни помыслов, ничего. Почему? Потому что мы находились в упоении, во сне, в глубоком сне. Вокруг нас и в нас происходило такое, а мы и понятия не имели, а нам и дела до этого не было, равно как и до того, что мы сами творили.

Когда же Божия благодать посетит душу и начнется пробуждение ее к духовной жизни, тогда нам постепенно становится понятным, что такое мы совершаем, – разные наши грехи, и мы начинаем осознавать, что вот это неправильно, это грех, что Бог не желает этого. Мы начинаем чувствовать скорбь из-за преступлений, которые совершили. Наша совесть постепенно становится более чувствительной, начинает обличать нас, угрызать, не оставлять в покое, беспокоить, чтобы мы мало-помалу не только исправились, но и более того – приобрели покаянное чувство. Это только бесчувственность нашей души причина того, что нам хорошо и комфортно и нет в нас никакого желания каяться. Подобное мы видим, когда человек приходит исповедоваться в первый раз. Если этому не предшествовал период духовной работы, то он приходит исповедоваться, не считая, что он так уж грешен, и все твердит: «Я ничего такого не делал!» Он не чувствует никаких причин для покаяния. Более того – он не только не чувствует причин для покаяния, не только думает, что у него нет никаких грехов, но готов и хвастаться тем, что он очень хороший человек, помогает всем, любит весь мир, никого не обвиняет, не сделал никакого зла за всю свою жизнь, все люди облагодетельствованы им и он прощает всех. Он не находит в себе ни единого греха! Да простятся мне мои слова, но это верх бесчувственности, душевной бесчувственности. Во всех нас есть эта бесчувственность – и во мне, и в каждом человеке.

Святые же люди, которые действительно не совершали ничего греховного и жизнь которых была сообразной Божиим заповедям, когда исповедуются, плачут слезами покаяния. И сама их жизнь – глубокое покаяние. Спрашивается: почему святой кается? Ведь он внешне безгрешен. Но так как душа его пробудилась и у него уже есть покаянное чувство, то исчезла бесчувственность, он видит, как далеко Бог и где находится он сам, понимает, насколько свят Бог и насколько грешен он сам. Понимает, что такое Бог и что такое человек. Видит бескрайнюю Божию любовь к человеку, видит богатые дары, которые Бог дал нам, видит, сколько возможностей Он предоставил нам и как украсил нас столькими добродетелями и дарами, а мы не делаем ничего, мы не отзывается, не отвечаем на эту Божию любовь. Этого чувства достаточно, чтобы удерживать душу святого в постоянном покаянии. Разумеется, покаяние животворно, потому что пробуждает душу и начинает действовать все, что Бог дал нам.

Когда у человека есть глубокое покаяние, тогда даже при совершении чудес гордость не может приблизиться к нему. Покаяние как пламя, как огонь, от которого сердце человека загорается, и, что бы ни случилось, его ничто не взволнует. Он как человек, который глубоко скорбит, он словно потерял любимого человека, своего близкого, свое дитя, боль скорби сжигает его, и, чему бы он ни был свидетелем, чтобы ни совершал сам, он этим не взволнован, и ничто в этом мире не привлекает его, потому что он чувствует глубокую боль внутри себя. Вот этому подобно покаянное чувство, живущее в душе святого, и потому ничто в этом мире его не волнует. И даже если весь мир поклонится ему, почитает его и примется прославлять – для него это ничего не будет значить. Он отвращается от этого. И пусть мир станет поносить его, оплюет, унижит – тоже ничего. Он смотрит на все как на спектакль, который скоро придет к завершению.

Божии люди не обманываются, потому что покаяние помогает им иметь трезвение, быть бодрствующими, постигать суть вещей. Потому мы сказали, что святые были очень умными людьми, ибо они подобны снайперу, который вглядывается вперед, прицеливается и не отходит поговорить о том о сем, а внимательно следит за движением цели и как только она оказывается на мушке, он поражает ее и получает первый приз. Они подобны хорошему ученику, который, охваченный страстью к чтению, в любое время и на всяком месте читает. Ничто его не отвлекает, его ум – в уроках. То же происходит и с Божиими людьми – ничто не может их прельстить, потому что они живут в трезвении и бдительности, и это позволяет им непрестанно направлять свой ум и сердце к Богу.

Бесчувственность, охватывающая всех нас, – это плод покаяния Божиим заповедям. Когда мы попираем Божии заповеди и не каемся, а повторяем это вновь, тогда грех уподобляется наждаку, который все время трется об острие совести, притупляет ее, и в конце концов совесть наша становится настолько затупленной и черствой, что она уже ни на что не может отозваться. Постоянное пренебрежение Божиими заповедями приводит к бесчувствию, или умерщвлению, сердца. Тут нужно чудо, чтобы человек смог воскреснуть. Намного большее чудо – когда воскресает мертвая душа, утонувшая в смерти и грехах, чем биологически мертвый человек.

Богу нужно, прежде всего, воскресение нашей души. И всякий день мы видим это в церкви. Что нас укрепляет и изумляет величию Божией славы, так это не чудеса (когда какой-нибудь человек выздоровел или мертвый воскрес – это временное чудо), а когда мы видим, как мертвый душой человек приходит в церковь на исповедь, животворное веяние которой обдаёт этого человека, и его душа воскресает. Вот тогда действительно поражаешься Божией силой.

На исповеди мы становимся свидетелями тысяч таких чудес. Здесь происходит великое чудо Божией любви – когда мертвые души воскресают и обретают Бога. После этого то, что раньше было для них трудным, становится очень легким. И то, что раньше было очень легким, становится отвратительным и трудным. Когда говоришь человеку, не вкушившему Божией благодати: «Тебе же надо молиться, поститься, ходить в церковь, соблюдать Божии заповеди...» – ему это кажется тяжелым, трудным, его охватывает отчаяние, он воспринимает это как тиски, сдавливающие его. Но когда его посетит благодать, тогда, если ему скажешь: «Да, ты хорошо делаешь, что ходишь в церковь, молишься, причащаешься, но сходи же иногда и развлекись, потанцуй!» – то оказывается, что он даже не может захотеть этого, так все изменилось в нем.

Когда нечистый дух выйдет из человека – дух, который раньше был в его сердце, владел им, и он соглашался с духом мира сего, находил утешение там, где был князь мира сего, – и когда войдет Христос, тогда дух Христов не найдет покоя там, где есть дух мира. Попробуйте привести Божиего человека в какой-нибудь клуб или, скажем, в пивную – он не выдержит там, он возмутится, он не вынесет этого.

Мы иногда спрашиваем: «Это грех, если я пойду на дискотеку? Это грех, если я пойду развлечься?» Вопрос не в том, грех это или нет. Вопрос в том, что это критерий для тебя, критерий твоей духовности. Если ты выносишь эти места, если ты находишь отдохновение в таких местах, это значит, что Божий дух еще не действует в тебе. Как можно найти утешение там, где воспевается грех, где прославляется сатана, где совершается грех? Это невозможно. Это значит, что Божий дух еще не освятил твое сердце, что оно еще спит, что еще идет война за то, чтобы оно проснулось.

Это великая война, это не пустяк. Святые провели всю жизнь, молясь со многими слезами, чтобы Бог воскресил их мертвую душу. Они неотступно просили этого у Бога.

Благой Бог, однако, чтобы не обвинить нас безосновательно, дал нам возможность духовно использовать все, что происходит вокруг нас. И всякое обстоятельство, всякая боль, всякая напасть, всякое искушение и даже всякое падение, если используется духовно для смирения и покаяния, может стать инструментом, с помощью которого мы разобьем окаменелость нашего сердца.

Выше мы говорили уже, что попрание Божиих заповедей приводит к бесчувственности и умерщвлению души; так же верно и обратное: соблюдение Божиих заповедей ведет к оживлению нашей души и сокрушению бесчувственности. Поэтому отцы кладут в основу духовной жизни соблюдение Божиих заповедей. Иными словами, если мы хотим быть духовно здоровыми, тогда не будем заблуждаться: существует один путь – верное соблюдение Божиих заповедей. Этим мы наносим удар по камню, который лежит на нашей душе, камню, твердому, как гранит, и препятствующему нашей душе принимать благодать.

Соблюдение заповедей постепенно оживотворяет душу человека, и это подобно тому, как если у человека есть радиоприемник, но без тока, без батареек, однако как только он включит его в сеть, радио начнет принимать звуковые волны и передавать транслируемое радиостанцией. То же бывает и с сердцем человека: как только оно проснется от летаргии греха, душа начинает принимать Божии послания, и прежде жестокий, блудный и мертвый человек становится кротким, терпеливым, смиренным, начинает подниматься над земными вещами и постепенно идет к Богу. Верное соблюдение Божиих заповедей – это ключ, освобождающий от бесчувственности наше сердце.

Сила Иисусовой молитвы

Кроме этой практической работы существует и некоторые другие необходимые составляющие. Важнейшая из них – постоянное призывание Христа через молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Эта молитва всемогуща, потому что Тот, Кого мы призываем, Христос, всемогущ, и молитва становится энергией, которая идет от всемогущего Бога и входит в нас. Когда мы призываем Христа постоянно и крепко держимся за Христово имя, тогда эта молитва таинственным и непостижимым образом вторгается в нашу жизнь, разбивает каменное сердце, проникает в глубину человеческого бытия и так дает нам возможность иметь общение со Святым Духом. Поэтому молитва является необходимым условием. «Непрестанно молитесь», – говорит апостол. И еще: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется»^[1]. Вот так. Невозможно, если ты призвал Христа, чтобы Христос не нашел способа спасти тебя. Невозможно. Бог всемогущ, невозможно, чтобы диавол – как бы коварен он ни был, сколько бы аргументов против нас у него ни было – победил Божию силу, когда человек призывает Христа.

Мы говорим: «Не знаю, как избавиться от этой страсти!» Мы пленники, мы все пленники. Кто здесь может гордиться свободой? Ни я, ни другой кто-нибудь. К сожалению, мы все рабы греха, пленники – одни меньших, другие больших страстей, потому что мы немощные люди. Однако когда мы с болью в сердце призываем Христа и понимаем, что нуждаемся в Его приходе, тогда мы предоставляем Богу действовать, а Он знает, как спасти нас. Достаточно лишь смиренно предать себя в Божии руки, а у Бога имеется много

способов. Как врач, когда он должен вылечить человека, не жалеет его, а режет его, зашивает, отрезает у него плоть, делает уколы, истязает его, так сказать, безжалостно, потому что если он будет жалеть его, тот не вылечится, – так и в наших глазах дело выглядит так, будто благий Врач Бог не жалеет нас. И некоторые люди стонут: «Боже, неужели Тебе не жаль меня? Сколько же мне еще мучиться?» Тут мы походим на детей, которые не понимают целительного вмешательства Бога. Хотя, как люди, мы и не можем в здешней жизни понять этого как следует, но когда наступит пора покинуть мир сей, тогда у нас откроются очи души, и думаю, что первым благодарением, первым благодарственным воплем к Богу будет благодарение за все скорби, которые мы пережили в этом мире. Мы будем благодарить Бога за все скорби, за всецелую боль, за все трудности, через которые прошли, потому что самым великим лекарством, которое облегчает душу человека и разгоняет бесчувственность, являются боль, скорби, испытания.

Это лекарство – лекарство нашей эпохи. И всех эпох тоже, но в особенности сегодняшней. Сколько боли на свете, сколько скорбей, сколько испытаний, сколько трудностей, исключительно много трудностей! Почти нет дома или семейства, у которого не было бы своего креста.

Надо научиться с терпением нести свой крест. Вы знаете, какое это благодеяние – скорби? Возблагодарим же Бога еще в этой жизни – и в другой тоже, – потому что Он облагодетельствовал нас, дав душе нашей разнообразные скорби. Потом эти скорби породят сладкое утешение, сладость и радость глубокую в сердце человека.

Знаете ли, что когда человек вкусил сладость скорбей, то, если Бог после этого отнимет их у него, он испытывает ностальгию по тому времени, когда у него были большие скорби, но было и великое утешение от Бога, очень большое утешение от Бога? Поэтому святые, которые были мудры и разумны, не принимали никакого человеческого утешения, чтобы не уменьшилось Божее утешение. Там, где есть человеческое утешение, уменьшается утешение Божее. И там, где нет человеческого утешения, есть великое Божее утешение. А Бог утешает более, чем человек.

Верное соблюдение Божиих заповедей, непрестанная молитва, скорби и испытания – это горькие лекарства, которые пробивают каменное сердце человека. После этого, когда человек добавит и собственную свободу, приходит благодать, она проникает в эти отверстия души, и человеческое сердце становится исключительно чувствительным.

Думаю, нет чувствительности выше, чем чувствительность святых. Святые соучаствуют в боли всего творения, всего мира, они страдают, скорбят, болеют не каким-то болезненным эмоциональным способом, а духовным, единственно совершенным способом, будучи укрепляемы благодатью Святого Духа. Они участвуют во всечеловеческой боли, и так молитва становится усерднее, равно как и заступничество и любовь.

Всем нам известно, что мы, пока сами не испытали боль, не можем понять боль другого. Когда человек испытывает боль в своей жизни, тогда одна струна его души становится более чувствительной, и, если он услышит, например в новостях по телевизору, что в таком-то доме произошло такое, что он сам пережил, это трогает эту струну и раздается звук, звук сострадания, молитва, и он говорит: «Боже мой, помилуй этих людей, этих родителей, ибо мы знаем их боль, мы ее пережили!»

То же происходит и у святых. Так как у них высокая чувствительность, то они – единственные, кто может полностью понять боль другого человека, и не только понять ее, не только поплакать с ним, но и исцелить его, потому что они не просто испытали боль, но и были исцелены через боль. Так они становятся учителями, поскольку учат других людей, как через боль исцелить свою истерзанную душу и как превратить боль в великое благодеяние, чтобы таким образом душа пробудилась и обратилась с великой силой и любовью к Богу, от Которого получит милость и утешение.

Святое причастие – принятие Тела и Крови Христовых – способствует трезвению души. Почему? Потому что это восполнение нашей связи с Христом на этом свете. Христос в нас, и мы в Нем. Мы уже одно со Христом. Ощущение этого настолько сильно, что, думаю, ничто не сможет устоять против этого.

Думаю, у всех нас есть предощущение того, что видел я своими глазами – видел, как причащаются святые люди. Что вам сказать? Как человеку передать это? Когда мы видим, как святые люди молятся во время святой Евхаристии, как описать это? Это словно пропитанный горючим кусок ткани, который приближается к огню и вмиг вспыхивает и начинает пылать. Так же бывает и в душах святых. Это огонь Божественной любви, который нельзя описать; святой человек не может его удержать, этот огонь расплавляет его и действительно бывает во трезвение души.

Тогда душа становится многоочитой. В Патерике в одном месте старец говорит: «Монах, – разумеется, и христианин, – должен быть весь зрение»^[2]. Иными словами, должен быть весь исполнен очей, быть как одно большое око, которое видит все вокруг себя, и ничто от него не может ускользнуть. Поэтому на иконах святых – на византийских иконах – такое большое значение придается глазам святого. Посмотрите, какие большие глаза у святых. Они не прикрыты и не подобны тем, что на латинских изображениях, где Христос вяло смотрит вверх, – это какие-то болезненные, фальшивые, еретические изображения. Посмотрите, ведь даже в Распятии нет ничего психопатологического – Господь изображается на Кресте как Владыка над Самим Собой, и следа нет человеческой страсти. Иконы святых являют нам, что это святые, чей ум и зрение открыты. Они наблюдают, видят, знают, и нет ничего, что происходило бы вокруг них и укрылось бы от их внимания.

Итак, внимание, трезвение, бодрствование – необходимые составляющие духовной борьбы. И первый дар, получаемый от принятия святых таин, – трезвение.

«Во оставление грехов»

Затем в молитве говорится, что принятие святых даров действует «во оставление грехов». Каждое прикосновение к Богу – это момент, в который прощаются грехи. Все таинства действуют во оставление грехов. Вся жизнь Церкви, вся наша связь с Богом – во оставление грехов. Даже брак служит оставлению грехов. И крещение, и миропомазание, и водосвятие – все. Чтобы могла исчезнуть эта плита греха, покрывающая нашу душу, и душа наша увидела Господа.

Вспомните, что сказал святой Симеон Богоприимец, когда привели к нему Христа: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей...»^[3] – то есть: «Теперь заверши все, отпусти меня, ибо нет другой причины для жизни моей. Очи мои видели Твое спасение. Я вижу Твое спасение, вижу Христа, вижу спасение миру».

Всякий раз, когда чрез таинства мы прикасаемся к Богу, наша душа видит спасение Спаса Христа и мы говорим: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром. Более не существует иной причины для нашего существования в жизни. Христос – начало и конец, Он – все, Христос – все».

«В приобщение Святаго Твоего Духа»

Литургия насыщена энергией Святого Духа. Святой Дух не нечто абстрактное, не нечто неопределенное, не некое веяние, а Личность, как Отец Личность, как Сын Личность. Мы можем участвовать в благодати Святого Духа. Таинства дают нам возможность участия в Святом Духе. Святой Дух – сила, энергия, которая входит в нас, как электричество входит в лампу, и она светит, но если ток прекратится, она гаснет. Так происходит и с нашей душой. Когда Святой Дух действует, Он совершает дело, которое видно. Когда Он не действует, душа угасает и становится мертвой. Следовательно, таинства действуют «в приобщение Святаго Духа».

Поэтому необходимо приходить в храм, мы не можем следить за литургией ни по телевизору, ни по радио, ни молиться одни. Там не существует общения со Святым Духом. Святой Дух действует там, где совершается таинство. Все мы, стоящие на святой литургии, участвуем в таинстве.

Вы знаете также, что не дозволяется что-нибудь из находящегося в храме использовать потом для другой цели. Например, если мы хотим поменять ковер в храме, то мы не можем взять этот ковер и постелить в своей гостиной – это запрещено. Все вещи в храме освящены. Даже отходы. Когда мы подметаем храм, мы не

выкидываем мусор в мусорную корзину, а складываем его в специально отведенное место. Все в церкви освящается: стены, камни, дерево – все. Потому от нас требуется большая внимательность.

Храм – это пространство, в котором действует Святой Дух, пространство, насыщенное энергией Святого Духа. Наши предки, которые были мудрыми богобоязненными людьми, потому воздвигали храмы, наполняли страну нашу храмами, что знали: храмы – это очаги, хранилища благодати. Вот как какая-нибудь крупная держава – США, Англия – размещает по всему миру базы, чтобы можно было все происходящее держать под контролем, так же и храмы есть как бы базы благодати, а когда Божия благодать разливается повсюду через святые иконы, через храмы, тогда все вокруг освящается. Равно как и наоборот: когда все вокруг полно проводников греха и греховных вещей, тогда и само место оскверняется.

Вот и в доме происходит то же самое. Я не раз уже говорил: попробуйте повесить дома одну-две иконы и зажечь перед ними лампаду – и сразу почувствуете, как все изменится. Неприветливый, холодный, негостеприимный прежде дом – место твоего постоянного проживания – теперь стал намного уютней и гостеприимней, потому что там икона Христа, икона Пресвятой Богородицы, там лампада, от которой идет утешающий свет, напоминая нам о присутствии Святого Духа. И просто необходимо «наэлектризовать» наши дома энергией Святого Духа через святые иконы, лампаду, святую воду, ладан, наши молитвы.

Равным образом и в доме, где ругаются, кричат, происходит столько всякой всячины – естественно, ведь есть и энергия, противоположная Божией энергии. Но если хотя бы один человек в этом доме постарается противопоставить себя этой сатанинской энергии, если он будет молиться внутренне, будет иметь иконы и позаботится о том, чтобы освятить дом, тогда Божия благодать победит присутствие дьявола.

Потому я и говорю вам, чтобы вы ввели у себя этот добрый и благословенный обычай, и вы, и другие, кто близок к вам, и имели освящающую благодать таинства Церкви дома. Мы можем и должны иметь, например, святую воду рядом с иконами и просфорой. Каждое утро, прежде чем пойти на работу, помолимся, примем просфору, примем святую воду, и знаете, как изменится вся наша жизнь и жизнь членов нашего семейства? Разумеется, не надо становиться тиранами в доме, насильно навязывать свою волю. Начать надо с себя, и со временем вы ощутите, как благодать неким таинственным образом вошла в души других и пропитала всю атмосферу дома – нашей домашней церкви. Это энергия Святого Духа, с которой мы можем общаться, в которой можем участвовать, это спасительная благодать и всемогущая энергия, которая находится прежде всего в храме, а затем во всем пространстве, куда Бог бывает призван. Куда бы мы ни пошли и где бы ни призвали Божие имя, туда Бог непосредственно явится.

«Во исполнение Царствия Небесного»

Божественная литургия и таинства являют собой полноту Небесного Царства. Тот, кто участвует достойно в таинстве и на кого действуют святые тайны, тот познает и переживает Царство Божие в полноте. Он уже в этой жизни живет в раю и знает, что такое рай. Знает, что будет после смерти. Знает, что для него уже нет ничего неясного и недоумений. В нем есть полнота, он исполнен, насыщен Божиим присутствием, благодати Божия Царства.

«В дерзновение еже к Тебе»

Принятие святых таин придает нам силу и возможность иметь такое дерзновение к Богу, какое имеет сын к отцу. Бог – наш Отец, и Он любит нас, Он отдал Себя на Крест и Гроб ради нас. Для нас Он сделал все это. Если мы осознаем тот факт, что Он для нас сделал это – за нас умер, а также, что Он любит нас в абсолютной степени, как подобает Богу, тогда мы имеем дерзновение, даже если мы и осквернены, нечисты, уязвлены грехом. Давайте повернемся к Богу с дерзованием ребенка, пусть даже и ребенка непослушного, и помолим Христа, чтобы Он пришел к нам как добрый Отец, взял нас, отвел в Свой дом, исцелил нас, защитил, укрыл.

«Не в суд или во осуждение»

К сожалению, имеются случаи, когда, если мы не готовы к святому причастию, не только не происходит всего того, о чем говорилось выше, но оно становится огнем, сжигающим человека. Не потому, что Бог огонь, а потому, что мы не готовы. Поэтому когда после нашей исповеди духовник говорит нам, чтобы мы не причащались столько-то дней, он говорит это не для того, чтобы наказать нас. Нет. А чтобы предохранить нас, подготовить, потому что святое причастие не принесет нам пользы, а послужит нам в осуждение. Потому я и говорил не раз: не заставляйте людей насильно причащаться, особенно вы, матери, не заставляйте детей, не подталкивайте их насильно, когда они в подростковом возрасте и старше. Вот мать спрашивает: «А что такого может быть у моего сына? Пусть идет причаститься!» Если он малый ребенок, до 10–12-летнего возраста самое большее, то заставь его пойти причаститься. Ведь он еще маленький. Но в подростковом возрасте и старше у него уже есть грехи, из-за которых он не может и не должен причащаться. Он должен подготовиться, очиститься, иметь нужное расположение к тому, чтобы причаститься. В противном случае, если заставить его силой, а он не готов, тогда ему навредишь, и это будет в суд и осуждение. Потому святой апостол Павел и говорит: «Испытывайте себя, братия»^[4]. Испытывайте себя, не причащайтесь, если вы не готовы, если видите, что есть причина, есть что-то, что вам препятствует приступить к святому причастию.

Но тут подстерегает опасность сверхчувствительности. Я вот что имею в виду: чтобы воспрепятствовать нам принять святое причастие, сатана часто воздвигает против нас брань – какие-нибудь нечистые помыслы, и мы говорим себе: «Ну как же я пойду причащаться после того, как думал о нечистых и греховных вещах или совершил какой-то грех?», – так он вносит колебание в нашу душу и не дает нам пойти причаститься.

Это две крайности – пренебрежение и сверхчувствительность, две крайности, которые вредят человеку. Церковь указала конкретные грехи, которые препятствуют нам приступить к святому причастию. Плотские грехи, ненависть, раздор – все это препятствует нам приступить к святому причастию. Если мы в ссоре с кем-то, если ненавидим людей, если впали в плотские грехи, мы не можем причащаться. Нужно сначала покаяться, исповедаться. Надо подготовиться, чтобы потом пойти и смиренно причаститься. Что же касается других грехов, то думаю, мы можем и с личным покаянием смиренно приступить и причаститься, исповедовавшись в подходящее время.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[9 сентября 2011 года](#)

^[1] См.: 1 Фес. 5: 17; Деян. 2: 21.

^[2] См.: Древний патерик. М., 1899. С. 209; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Виссарионе. М., 1999. С. 110.

^[3] Лк. 2: 29–31.

Духовное бесплодие

Человек, входя в Церковь и подвизаясь в ней, хочет видеть какой-нибудь результат. И это непременно случится: в нем что-то изменится, будет некий плод всех его усилий и борьбы. Святые отцы говорят: всё, что мы делаем, живя церковной жизнью, мы делаем для стяжания Святого Духа. Цель жизни во Христе, учит [преподобный Серафим Саровский](#), и есть это стяжание Святого Духа. Как видим, существует конкретная цель, ради которой мы ведем борьбу – ту малую борьбу каждого из нас.

Вспомним притчу Христа в Евангелии, где Он говорит о сеятеле и семени, падающем в сердце людей и дающем плод[1]. Когда речь заходит о плодах, мы представляем себе дерево, приносящее плоды. У духовной жизни есть параллели. В Евангелии Христос сравнивает Себя, Бога, с Сеятелем. И говорит нам нечто важное: в конечном счете бремя плодоношения и ответственность за плоды несет не семя и не сеятель, а почва. Сеятель, говорит Христос, это Бог, а семя – слово Божие[2]. И Бог Один и Тот же для всех, все так или иначе слышат Его слово. Каждый слышит слово, принимает его, и земля, почва – вот то, что несет бремя плодоношения и ответственно за плоды семени.

Поэтому Христос говорит, что когда земледelec вышел сеять, то какая-то часть семян упала на дорогу, но земля здесь утоптана и, естественно, не может принять семя, которому для роста нужно покрыться почвой. А поскольку семя остается лежать на дороге, то птицы могут склевать его; и действительно, птицы небесные прилетели и склевали его. Второй тип земли – это земля каменистая. Семя падает на нее, находит немного почвы, с легкостью дает росток, но укореняется неглубоко, и, лишь только росток начинает тянуться вверх, солнце жжет его, и он засыхает, – это семя тоже не может дать плода.

Третий случай – земля, покрытая терниями. Это хорошая почва, но не вспаханная и зараженная терниями. Семя прорастает, но терния и плевелы глушат его, и оно не может дать плода.

Четвертый случай – хорошая, вспаханная земля, которая принимает слово и дает много плодов: 30, 60, 100...

Это все образы наших сердец, и поэтому Христос говорил так. Посмотрим же, как произрастает в нас тот плод Духа, о котором пишет апостол Павел[3].

Святой Дух Один и Тот же для всех. Бог хочет, чтобы все люди спаслись и приблизились к Нему[4]. Он судит о людях невзирая на лица, и Он ни с кем не устанавливает каких-то особых отношений. Он любит всех одинаково, в Его любви нет никаких предпочтений. Мы говорили об этом много раз, и это важно – знать, что Он любит всех безмерно, совершенно. Он не любит одного меньше, другого больше, как иногда говорят о ком-нибудь: «Он любимец Бога!» Вот в Евангелии сказано, что Христос любил святого евангелиста Иоанна[5], – и это значит не то, что Христос делал разницу между людьми, а то, что сам апостол и евангелист любил Христа больше, чем остальные.

Мы вот как определяем меру нашей любви к Богу: ты должен возлюбить Бога всецело и чувствовать в себе полноту Его присутствия, соответственно возможностям человеческой природы. Поэтому очень важно знать, что Бог любит всех одинаково, а уже мы сами определяем меру нашей связи с Ним и любви к Нему.

В евангельской притче плод, который должно дать семя, – это плод Духа. Но прежде опишем каждый из четырех типов людей.

Первый случай: семя упало на дорогу – на утоптанную землю.

Это сердца тех людей, которые совсем не расположены к тому, чтобы принять слово Божие. А слышат они его в самых разных обстоятельствах. Все люди без исключения услышат слово Божие; даже если им не доведется услышать Евангелия, открыть для себя таинства Бога, Христа и Церкви, то Бог все равно найдет способ говорить в самих сердцах людей. Знайте, что ни один человек никогда не сможет сказать Богу (я имею в виду не то, что он не сможет сказать сейчас – сейчас каких только глупостей мы не говорим и не творим! – а в последний день, в тот день, когда мы предстанем пред Богом. И когда я говорю, что мы предстанем пред Богом, то подозреваю, что мы не будем стоять пред Ним спокойно, когда очутимся прямо перед Богом и увидим Его лицом к лицу) – так вот, тогда никто не сможет сказать: «Господи, если бы хоть слово кто-нибудь сказал мне о Тебе! Тогда я бы услышал, я бы знал о Тебе! Но мне не пришлось ничего такого слышать. И я совсем ничего о Тебе не знал!»

Человек может и не найти Нового Завета, и ничего не слышать об этом; среди тех, кто живет рядом с ним, может не быть ни одного христианина; он вообще может жить в джунглях – однако Бог в Своей бескрайней любви, как Отец всех людей, найдет способ, как говорить с каждым, как сказать ему то, что Он хочет ему сказать. Доказательство тому – ветхозаветные патриархи Авраам, Иаков и Исаак: все эти великие святые не знали ничего, но Бог говорил с ними и открылся им. Да и многие из нас хоть и родились христианами, но не

имели никакой связи с Церковью, и в их жизни ничто даже и не напоминало о Боге и Церкви, и все же Бог действует в каждом человеке и постепенно приближает его к Себе. Так что Бог никого не обделит – никого. Все удостоится Божией любви, и уже от самого человека будет зависеть, как вести себя и каким в итоге предстать пред Богом.

Первый случай – твердая земля. Сказанное Христом видим и мы сами, и братья наши. Сталкиваешься порой с такими людьми, которым говоришь, говоришь, говоришь – но не получаешь абсолютно никакой реакции. Никакой. Конечно, так будет не всегда; это сегодня так, а что с ними будет завтра – этого мы не знаем. Поэтому не нужно отчаиваться; и говорить слово Божие нужно всем людям. Мы никого не можем отвергать.

Вспоминаю один реальный случай из тех времен, когда я жил на Святой Горе. Тогда мы были молоды и полны энтузиазма. И вот пришел к нам однажды один очень хороший молодой человек, родственник которого был нашим монахом, и остался на Афоне. Он разочаровался в жизни, но это был очень красивый, хороший юноша – конечно, судя по-человечески. И он не ходил в храм. Я говорил ему:

– Хотя бы из любопытства не хочешь зайти в церковь?

Нет, он оставался на улице, даже не заглядывал внутрь. А я загорелся идеей привести его в Церковь, все старался поговорить с ним, рассказать ему то-то и то-то, чтобы он изменил свой образ жизни. И вот объяснял я ему, объяснял массу всяких вещей – все впустую. И я сказал себе: «Видно, нет у меня должной силы».

Однажды я повел его в Катунаки к старцу Ефрему. Я говорил себе: отведу его туда, старец ведь – пророк, святой человек, и не может так быть, чтобы его не тронула эта встреча и сам вид великого святого старца.

К скиту, ютившемуся в скалах, мы добирались пешком; пейзаж вокруг впечатлял: там ведь пустыня Святой Горы. Я объяснял ему что-то в тысячный раз; и еще сказал – а с нами со всеми он здоровался по-мирски, и нас это не коробило, – так вот, я сказал ему:

– Мы придем сейчас к старцу-пустыннику, а он уже 50 лет живет в Катунаки – и ты, когда мы придем, поцелуй ему руку.

– Я рук не целую!

– Слушай, мы же не говорим тебе, чтобы ты облизал его руку! Да и что ты потеряешь от этого?! Он старый человек, ему уже лет 70–80 (ему тогда столько было). Ничего с тобой не будет... Он тебе в дедушки годится. Ведь это же благословение – ты так и смотри на это! Здесь так принято; пойми: это мы так здороваемся друг с другом.

В общем, я как-то уговорил его, и он сказал, что поцелует старцу руку. Но я боялся, как бы отец Ефрем действительно не задел его за живое, ведь там не было любезностей и этикетов. Как бы он не сказал ему чего-нибудь такого... после чего он вообще отвернется от Церкви. А я вроде как стараюсь привести его в Церковь.

Пришли мы; нас было двое-трое монахов и этот молодой человек. Ну, по пути мы старались подготовить его к встрече со старцем, все твердили:

– Ты его слушай, он святой, он пророк.

Вот добрались, вошли в каливу отца Ефрема – а он был болен, много лет не вставал. Он обнял нас, поцеловал, монахи приложились к его руке. Подошел и этот молодой человек. Отец Ефрем схватил его и говорит:

– Ну, как ты, капитан?

«Да уж! – сказал я себе. – Теперь все пойдет насмарку». Дело в том, что капитанами в тех местах называли сторонников одной партии, которая в какой-то период по меньшей мере теоретически отвергала связь с Богом, и этот человек был ее членом, а в университете даже был председателем студенческого клуба этой партии.

Ладно, вот сели мы, и старец начал говорить, и говорил он такое, что, действительно, можно было понять так: все это относится к нашему молодому человеку. В какой-то миг, когда мы сидели так, я спросил его:

– Ты слышишь, что говорит старец?

– Ну, он же это говорит всем!

Говорит всем? Когда отец Ефрем услышал это, он спросил:

– Всем? – а потом: – Я это говорю не всем, я говорю, когда нужно.

Так вот. Потом мы учтиво вышли и оставили его там. Отец Ефрем сказал ему:

– Ты останься! – и рассказал ему о многом касающемся его личной жизни.

И вот он вышел, и мы отправились домой. Он был весь мокрый от пота, потрясенный и с красными глазами – видно было, что он плакал там. Мы вернулись к себе, а он все молчит.

– Что тебе сказал отец Ефрем?

– Да так, всё о личном.

– А то, что он тебе говорил, так и было?

– Да, все так и было.

И вот я дальше принялся за свой труд его обращения, но он по-прежнему не менялся. Ровным счетом никак. И тогда другой старец, живший с нами, сказал мне:

– Оставь его! Этот молодой человек, к сожалению, мертв. Он глух ко всему!

И действительно, он не увидел ничего из очень многого, что видел: у него брат был монах, родные – церковные люди, он видел святых людей: [старца Паисия](#), старца Ефрема – и ничего. Не меняется человек, земля тверда.

Так почему же так получается? Но мы не можем осуждать ни одного человека и говорить: «Он пропащий». Никто не пропащий. Может, сегодня он и пропал, а завтра Бог найдет его. Сегодня, может, у него это окаменение, а завтра Бог найдет способ изменить его. За свою жизнь нам довелось видеть сильные перевероты в людях, которые менялись в 80, 85 лет и даже достигали высоких вершин добродетели.

Вспоминаю одного деда, который жестоко мучил свою жену. Когда его супруга умерла, ему был 81 год. Он причинял ей много страданий; что и говорить, тяжелый был человек, занозистый, когда был в силе. Такая страшная злоба у него была. А жена у него была святая: день и ночь в церкви – действительно святая женщина. И вот когда приблизились последние дни ее жизни, она его упросила, и он за месяц-другой до того, как ей умереть, сжалился и разрешил ей принять монашество. Она стала монахиней, прежде чем умереть.

Она умерла, и он после ее смерти в свои 82 года пришел на Святую Гору. Мы, когда его увидели, спросили:

– Ты пришел сюда, дед, в 82 года?

А он тоже пришел подвизаться, и никто бы не мог сказать ему: «Не надо!»

Он пришел в тот скит, где мы жили, и прожил там два года с половиной. А кончина его действительно была кончиной святого человека, и жил он преподобной жизнью. Когда дети, навещавшие его, пока он был жив, вспоминали и рассказывали нам, каким он был раньше, то мы думали: «Но возможно ли, чтобы этот человек был таким?» И, тем не менее, он был таким – мы слышали это от родственников, друзей, соседей и знакомых, что он был тираном, а вот после 80 лет изменился и подобрел. Так что у нас есть еще время, если, конечно, мы вообще доживем до 80!

Поэтому никогда нельзя говорить о другом человеке:

– Да ну его! Он уже ни на что не годится!

Никогда! Ты не знаешь, может, он в последний момент изменится. Да и что говорить о бедном дедушке, когда разбойник первым вошел в рай!^[6] Он опередил и апостолов, всех. Вошел даже раньше Пресвятой Богородицы. Разбойник, убийца, злой и окаянный человек – таким он был. Он не был каким-нибудь преуспевающим человеком, он не был похожим на современных разбойников, которые после грабежей идут давать интервью по телевидению. Он был настоящим и действительным разбойником: убивал, насиловал, крал, обижал – все делал. Но в последние минуты своей жизни на кресте он сказал одно только: Помяни меня, Господи! – и отправился напрямиком в Царство Божие.

Первым, кто попал в рай, был разбойник. И первым, кто попал в ад, был апостол Христов. И то, как это все происходило, – для нас великий урок. Поэтому человеку никогда нельзя ни отчаиваться, ни ставить крест на другом. Поэтому мы не имеем права говорить:

– Знаешь, сын мой, такой, какой ты есть, ты никуда не годишься! Ты пропащий человек!

Ни о другом, ни о себе нельзя говорить так: «Ты каждый день совершаешь столько грехов, тебе нет спасения, нет никакой надежды на то, что ты спасешься!» Это грех, это отчаяние, это трагическая ошибка, это самый большой грех, который только может совершить человек.

И как говорится в молитвах ко Святому Причастию, мы не отчаиваемся в своем спасении^[7]. Почему? Не потому, что я нечто, не потому, что я когда-нибудь сделаю что-нибудь и спасусь. Нет! А ради Божия милосердия и Его все превосходящей любви: ведь я же, Боже мой, действительно не могу ничего сделать, но Ты – Бог, Ты – Жизнодавец и можешь воскресить меня и спасти. Ты можешь меня спасти! И поэтому я надеюсь не на себя, не на свои дела, а на Божию любовь, милосердие, милость. Вот это важно.

И знаете, уже одно то, что человек надеется, призывает имя Господне, вздыхает и говорит: «Боже мой, спаси меня!» – уже одно это очень существенно. И он не погибнет. Он погибнет только если скажет: «Все кончено! Для меня все погребено! Я не смогу спастись!» Но, опять же, этого нельзя сказать до самого последнего мгновения своей жизни.

Поэтому Церковь не допускает того, чтобы у человека отнимали даже одну секунду жизни. Пусть кто-то и говорит: «Да это же аппараты поддерживают в нем жизнь, он же весь в трубках, уже наступила клиническая смерть, его мозг уже умер, так что полная смерть наступит через пять минут». Конечно, за эти пять минут ты можешь забрать у него кучу органов и дать жизнь другому – но только после того, как он умрет!

Это деликатная тема. Он через пять минут умрет! Да, но эти пять минут могут означать спасение этого человека. А ты кто такой, чтобы отнимать у него эти пять минут? Пять секунд. Одну секунду... Есть ли у тебя право на это? На эту последнюю секунду? Человек может обратиться к Богу по-своему. Мы ведь не знаем, как человек чувствует себя и как все у него функционирует в это время: мозг может не действовать, а сердце, существо, душа?

Когда формируется мозг – на пятой неделе? Если еще сформируется, ведь иногда он и не формируется. А за пять недель до этого человек, у которого нет мозга, разве не человек? В первый миг зачатия, когда у него только одна клетка, у него нет мозга, но Церковь говорит: он человек! Развивающийся человек. Поэтому в случае клинической смерти, когда мозг умер, да, он уже не может функционировать, но человек живет, существует, пусть даже эту жизнь и поддерживает аппаратура. Мы не можем отнимать даже последнего мгновения жизни, потому что в это мгновение человек может войти в Царство Божие. Да, путь человека труден, но у него есть надежда. Многого мы не знаем. Не надо никого лишать надежды, и никому никогда не нужно отчаиваться.

Но я знаю и людей, которые вошли в Церковь не через трудности, а через радостные события. Я был знаком с человеком, который был вне Церкви, и это его совсем не волновало, он ничего не боялся. Но он был очень растроган, когда у него родился первенец. Когда родился малыш и он взял его на руки, он понял и прочувствовал, что это такое – произвести человека на свет. Сердце его сокрушилось, в этот миг Бог посетил его, и после этого он пришел исповедоваться в слезах. И не говорил ему никто о Боге, и не было у него

никакой связи с Богом, да и знать он ничего не знал. Это было сопряжение с Богом, с Церковью, с Таинствами, буквально возродившее его, – первое прикосновение к ребенку.

Один приходит к Богу таким путем, другой – другим, какой путь у кого – мы этого не знаем. Так предадим же себя в руки Божии и будем иметь терпение – в испытаниях, радостях, скорбях, бывающих у нас. И если мы живем в ожидании Бога, если ждем Его, то Бог не обидит нас. Он найдет нас, и пусть даже сердце наше будет как камень, Он найдет способ разбить его, обработать, чтобы семя вошло внутрь и принесло обильный плод.

Второй случай: каменистая земля, где мало пригодной почвы.

Там семена прорастают ненадолго. Это люди, у которых есть доброе расположение, они слышат слово Божие и Евангелие, и на миг семя прорастает. Встречаются такие, которые, лишь слышат что-нибудь о Христе и Церкви, очень радуются, им это нравится, и они просят: «Расскажи еще что-нибудь!» Они любят читать о святых. Их утешает тот факт, что у них есть какая-то связь с Богом, – но эта связь неглубока. И Христос говорит: «Как только взойдет солнце, станет жарко и пойдут искушения, испытания и скорби, семя тут же засыхает»^[8]. Стоит только случиться какому-нибудь искушению, скорби, болезни, испытанию, чему-нибудь неприятному, то, поскольку она неглубока, сразу же обрывается связь с Богом и забываются все слова, обещания, все, о чем мы читали и слушали, потому что, увы! эта связь с Богом была торговой сделкой. Хожу я в церковь, слушаю слово Божие, читаю Евангелие, жития святых, но делаю это я, пока у меня все в порядке. И пока Бог помогает мне.

Есть такие несчастные люди, которые говорят: «Да живет и здравствует Бог! Что я у Него ни просил, все Он дал мне!»

Так они молятся Богу – чтобы у Бога было все в порядке со здоровьем, чтобы Он ненароком не заболел. Они не говорят: «Слава Богу! Я меня все в порядке, потому что Бог помогает мне!» – но в своем невежестве твердят: «Да живет и здравствует Бог!»

Да живет и здравствует, конечно же! Но того и гляди начнешь вопрошать: за что? «За что же мне это, Боже?» За то, что отношение к Богу неправильное.

К сожалению, так мы научаемся. И сердце наше такое, что мы поступаем как люди религиозные, а не церковные. Поступаем как люди религиозные, а у религиозного человека «религиозная» связь с Богом. Для него Бог – Существо, с Которым ему нужно иметь хорошие отношения, нужно служить Ему, подносить Ему то, чего Он желает:

«Чего Ты желаешь, Боже? Желаешь два праздника в году? Они Твои! Одну бутылку масла? Я дам Тебе! Хочешь пять лир милостыни в месяц? Я Тебе их дам. Хочешь, чтобы я пошел исповедаться? Я пойду. Ну смотри же теперь, я дал Тебе то, чего Ты хотел, а сейчас нужно, чтобы и Ты дал мне то, чего я захочу! Я хочу, чтобы Ты хранил меня живым и здоровым, чтобы я не заболел, чтобы никто не заболел, чтобы не случилось ничего плохого! А с того момента, как Ты перестанешь давать мне это, мы разойдемся! Это будет означать, что Ты нехороший человек, г-н Бог! Это будет означать, что Ты меня обманул и подвел!»

То есть «я сделал то, что Ты хотел, а Ты не ответил мне тем же». Это сделка: ты – мне, я – тебе: «Я Тебе даю, но сам тоже должен что-то взять! Ты должен заботиться обо мне! А с того момента, когда в моей жизни перестало быть все в порядке, чего ради я должен поддерживать с Тобой связь? У меня нет оснований доверять Тебе и любить Тебя, поскольку Ты в этот момент мне не помогаешь!»

Все эти чувства и мысли исходят из сердца человека, у которого коммерческое отношение к Богу. Этот человек – наемник, говорящий Богу: «Я сделаю для Тебя эту работу, окажу эту услугу, буду ходить в церковь, но Ты мне за это заплатишь. Я хочу, чтобы Ты сделал для меня то-то и то-то!» Ну, пока Бог исполняет его желания, все в порядке, а если Он не делает этого, тогда человек не поддерживает больше никаких связей с Ним.

В основном такое происходит с людьми, отказывающимися от борьбы из-за искушений или просто с течением времени. Поначалу человек бывает охвачен энтузиазмом, но затем впадает в нечувствие и говорит:

– Читали мы это уже, знаем мы все это! Ну, выучили мы это всё, хватит! Сколько еще читать об этом? Мы же не собираемся стать проповедниками! Довольно нам этого!

Он впадает в нерадение, ему все равно. Испытания и скорби его одолевают, и сердце его не обретает глубины.

Как может сердце обрести глубину? Придать глубину сердцу может только Бог при содействии человека, посредством борьбы человека. Всё, что мы делаем, мы для чего делаем? Мы стараемся сделать многое, переносим трудности, скорби, и это ценно: в этот миг сердце приобретает глубину. Чтобы рухнули все преграды и человек мог возопить и призвать Бога.

Третий случай: наша почва хорошая, но Христос говорит, что на ней растут терния.

Семя Божие падает в землю, но вместе с ним вырастают и терния, которые Господь именуется так: заботы, наслаждения и богатство. «А упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода»^[9]. Они его подавляют и не дают вырасти.

Есть такие люди, земля которых действительно хорошая. Ты видишь это, понимаешь, чувствуешь, но, к сожалению, семя опять не дает плода. Из-за чего: из-за неведения? Нерадения? Лениности? Дьяволу известны способы подавить это семя.

Как говорит Христос, первый из них – это наслаждения. Дьявол всегда найдет способ поработить нас наслаждениями, плотскими страстями, которые, к сожалению, после грехопадения имеются в нас.

Еще богатство. Богатство – это не только деньги, но и все то материальное, что пленяет нас. Может, у тебя и нет никаких денег, но в уме ты жаждешь их, тогда ты сребролюбив в евангельском смысле слова. У тебя может не быть и десяти лир, но, тем не менее, ты будешь числиться среди богатых. Это так же, как если ты имеешь миллионы, но не привязан к ним, тогда ты и не богатый, но лишь распоряжаешься богатством. Разумеется, последнее очень не просто, но ведь встречаются и такие люди.

Богат также тот, у кого много знаний и кто уверен в них; богат и тот, у кого много сил, и он уверен в них; у кого есть какое-никакое положение в обществе, и он говорит тебе: «Я такой-то! У меня есть знакомства, все меня знают! Я наделен властью! Я уверен в своих силах, в своем положении, в своем имени и знаниях...»

Всё, что отрывает наше сердце от Бога, обращает и направляет к вещам, относится к тому, что Христос называет богатством. То есть это всё то, что нас поработает. Ты думаешь, что, благодаря своим знаниям, поскольку ты великий учитель, академик, суперинтеллектуал и ум твой остр как бритва, ты уже что-то значишь сам по себе? Когда сердце твое пленено всем этим и ты не считаешь важной связь с Богом, это означает, что ты богат в том же самом смысле, что ты пленник своих страстей. Все, что отрывает нас от Бога и ведет к материальному, человеческому, обращается в грех, в смерть человека.

То же и когда мы превращаем самих себя в идола или становимся идолом для другого. Это иногда бывает в отношениях между мужем и женой, когда ты хочешь стать всем для другого и говоришь ему:

– Я хочу быть всем для тебя!

Или супруга говорит тебе:

– Ты всё для меня! Для меня не существует больше никого на этом свете!

Все эти болезни приводят на память несчастного Нерона, которому говорили, будто он бог, и он, жалкий, верил, что он бог. Так ты питаешься собственным эгоизмом и самомнением и не можешь обратить свое сердце к Богу. Ты ешь свое, словно ешь себя. «Тщеславный человек, – говорит авва Исаак, – питается самим собой и умирает, сам не понимая этого»^[10]. Как в рассказе древних греков о кошке, которая, заболев, принялась с наслаждением лизать пилу, потому что ей нравился вкус крови – ее крови, что текла из ран от зубьев пилы. И какое это было для нее наслаждение! Но язык ее был весь изранен, и она умерла от потери крови. То же самое и с тщеславным человеком, который считает себя великим, а если к тому же еще найдутся пять-шесть тех, кто

станет твердить ему: «Ты незаменим!» – как он в это поверит! Вот ты и умираешь, ты становишься мертвым для Бога и не знаешь при этом, что умер.

Еще одно терние – это заботы. Что такое заботы? «Еда и работа», – говорил старец Паисий. Что давал фараон евреям, чтобы они забыли о Боге? Еду и работу. Когда ему сказали:

– Царь, евреи молятся Богу!

– Так дайте им в два раза больше работы и в два раза больше еды: пусть работают и едят, пусть им хватает забот, чтобы они занимали ими все свое время и не могли и помыслить о Боге^[11].

Заботы – это нечто страшное для духовной жизни. Они великий яд, убивающий человека. Не только духовную жизнь, но и мирскую, да и человеческие отношения. Видите рушащиеся семьи? А почему? «Мне некогда!» Отец погружен в мысли о тысяче вещей. Мать также погружена в мысли о тысяче других вещей. Как этим людям общаться между собой? Ведь все время слышишь: «Сейчас не могу! У меня работа!» Идет ребенок поговорить с мамой:

– Мама, я хочу тебе кое-что сказать!

– Отстань! У меня сейчас работа!

– А когда же у тебя не будет работы?

И человек задается вопросом: «Когда же у тебя не будет работы?»

Заботы, заботы, заботы – они убивают человека. А в итоге ты остаешься ни с чем. Поэтому Бог оставлял евреев, когда они работали – а работали они по 24 часа, ведь это же евреи, бедняги. Но и мы тоже не сильно отличаемся от них...

Поэтому Он и сказал им:

– Нет! Шесть дней вы будете трудиться, а в седьмой не будете делать ничего! Вы будете посвящать его Богу!^[12]

Почему же Бог сделал так? Чтобы они были людьми, чтобы помнили Бога, чтобы отдыхали, общались между собой. Он дал им столько конкретных правил, что читаешь о них и порой диву даешься. Он сказал им:

– Вы можете ходить на расстояние не большее, чем от броска камня. Возьми камень, брось его, и куда он долетит, дотуда ты можешь ходить в субботний день. А дальше не можешь.

Суббота означает строгий покой для евреев. Бог специально сделал так, чтобы поставить предел заботам. Бог даже принуждал их в каждый седьмой год не засеивать полей, но оставлять их незасеянными, чтобы евреи оторвались от забот. Равно как и отпускать скот. То же самое и с долгами: через каждые столько-то лет ты будешь прощать долги, которые должны тебе другие^[13]. То есть Бог принудил их освободиться от оков материального.

У нас, христиан, нет этой строгости, но это не значит, что заботы безопасны для нас. Христос поставил их в один ряд с богатством и плотскими наслаждениями, потому что, к сожалению, они ведут к тому же самому результату: ты забываешь Бога.

Иногда я вижу людей, которые, придя в Церковь, вначале ревностно подвизаются, но искуститель, чтобы соблазнить их, подсовывает им какое-нибудь дело, которым они увлекаются, а потом еще, и еще, и вот уже они забыли обо всем, а в итоге – ревность их остывает. Увлечены работой. Это как играть в лотерею.

А сейчас расскажу вот что, только не смейтесь. Некий молодой человек хотел жениться, но все не встречал хорошей девушки. Он спрашивал:

– Как же мне быть?

– Как быть? Скажи, что станешь монахом, и через неделю каждый день будешь встречать по девушке, потому что все пойдет наперекор тебе.

Стоит начать делать что-нибудь более-менее духовное, как тут же и работа для тебя найдется, и деньги хлынут, только занимайся ими, и масса людей тебя поддержит, и потекут заботы, заботы. Искуситель знает, как загрузить тебя работой, кучей обязанностей и всем на свете; ему нужно одно: не дать тебе делать то, что ты должен делать, – жить духовно.

Забота – очень тонкая опасность для человека, она наносит точный удар и валит с ног, хотя весьма невинна с виду. «Но это же наша работа, наши обязанности, что же мы можем поделать?!» Как я говорю о некоторых банкирах, которые никак не женятся: они женились на своем банке! Они целыми днями томятся в офисе! Даже забыли, что нужно жениться. Забыли?!

– Эй, ты уже вырос, проснись!

– Но у меня нет времени, отче!

Целый день занят, кругом сплошные обязанности; потом дают ему повышение, и это его еще больше закабалает – и пошло-поехало: работа и еда. Как говорил фараон, «задай ему работы и еды и увидишь, что он забудет о Боге!»

Поэтому заботы – это великое обольщение для духовного человека. Великое обольщение. Духовный человек должен знать меру. Определи себе меру. Скажи: хватит! Довольно на этот день! Не продолжай дальше, остановись, брось! Пришел домой – выключи телефоны, отложи другие заботы, ты сейчас дома, посвяти свое время семейству, самому себе и Богу.

Хорошо, вот ты вернулся домой, но говоришь по телефону. Пришел домой и уселся перед телевизором, перед компьютером и не оторвать тебя – так что от того, что ты дома? Разве другие чувствуют, что ты вернулся? Разве им достаточно будет только смотреть на тебя?

К сожалению, у всех у нас сейчас есть такие устройства, что мы никак не можем остаться наедине с самим собой. А у телефонов столько функций, но они только забирают все твоё время. Сколько рассказов я слышал, особенно от тех, кто хочет жениться или женился, о таких проблемах. Уезжаешь на машине куда-нибудь с супругой – и все время говоришь по телефону. Эй, да отключи ты его, сын мой! Скажи что-нибудь своей жене или ребенку! Придет домой, садится ужинать – и разговаривает по телефону. Ну и когда и как с таким общаться? И разве он живет как подобает человеку? Так что нам нужно ставить самим себе пределы!

Знаете, я долгие годы жил на [Святой Горе](#), и у нас освещение было газовыми фонарями. Только дело к вечеру, как сразу же становится темно и опускается ночь. Конец! А в миру ночь не наступает, потому что включаешь лампочку – всё! Уже день. А там в 5 часов вечера уже была ночь. Мы говорили: «Опустилась ночь».

И как говорится в предначинательном псалме, «изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера»^[14]. Наступил вечер – ты возвращаешься домой, чтобы поесть, отдохнуть, поговорить со своей семьей.

Я вспоминаю, как в деревне все расходились по домам и ужинали часов в 5–6. Помню бабушку, как она говорила:

– Давай ложиться спать, внучек, уже половина восьмого!

А если дотянешь до восьми часов, то это уже ночь! Тогда не приходилось выбирать. Наступала ночь. Человек тогда следовал биологическим часам, созданным Богом в Своей премудрости. А сейчас ночь превращается в день, и, естественно, день превращается в ночь.

Бог сделал так, чтобы даже природа содействовала правильной жизни человека, а мы приходим и ломаем границы природы, чтобы больше успеть сделать, но при этом разрушаем сами себя.

Недавно я был на одной птицеферме в Лимассоле – совершал там водосвятный молебен. Мне жаль стало несчастных кур: они живут с постоянно включенными над ними лампами. Мне объяснили, что это для того, чтобы они неслись постоянно! Увы, мы даже кур замучили! А после этого еще удивляются, что животные сходят с ума! Так и коровы, и куры сойдут с ума от такой жизни!

Мы, люди, желающие жить духовно, должны научиться полагать себе пределы. Полагайте пределы в своей жизни: пришло время отдыхать – значит, надо отдыхать; говори себе: хватит, вот до сих пор только. Не разрушай свою жизнь заботами! Не надо изматывать себя работой, изводить себя, разрушать. Потом ты потеряешь все. Важно, чтобы человек оставался свободным.

И когда Христос говорит, что заботы – это терние, подавляющее слово Божие, то это означает, что заботы убивают и человеческие отношения тоже. Подумайте, какими мы будем тогда людьми, как будем молиться? Когда у меня нет времени на то, чтобы прийти в себя, как же я смогу остаться здоровым человеком? Поэтому нам надо быть внимательными и определять самим себе границы, чтобы оставаться на ногах. По меньшей мере, на первых порах, пока в нас это не укоренится. Потом уже, когда человек предаст себя воле Божией, жертвуя собой и служа своим братьям, он может получить через это большую благодать, и это будет питать его, но хотя бы вначале человек должен знать свои пределы и не переходить их, равно как и остерегаться того, чтобы заботы не погубили его.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Двери.Бг](#)

[18 декабря 2012 года](#)

[1] См.: Мф. 13: 3–8.

[2] См.: Лк. 8: 11.

[3] См.: Гал. 5: 22.

[4] См.: 1 Тим. 2: 4.

[5] См.: Ин. 13: 23.

[6] См.: Лк. 23: 32–43.

[7] В молитве 1-й, святого Василия Великого: «Но творение и создание Твое быв, не отчаяваю своего спасения, окаянный...»

[8] См.: Мф. 13: 6, 21.

[9] Лк. 8: 14.

[10] Ср.: Исаак Сирий, преподобный. Слова подвижнические. Слово 85. М., 2006. С. 627.

[11] См.: Исх. 5: 3–19.

[12] См.: Исх. 20: 9–10.

[13] См.: Исх. 23: 10–11; Лев. 25.

[14] Пс. 103: 23. Этот псалом называется предначинательным, потому что поется или читается в начале вечерни.

Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам

Человек подчиняется Богу, Который рядом с нами, но подчиняется не рабским подчинением, потому что так отнимается у нас свобода, – Бог же, напротив, делает нас свободными от страстей и греха. Бог относится к нам как Врач, Который лечит нас; Он не ограничивает нашу свободу, а исцеляет нас от страстей и греха. И как врач действует не насилем, но дает нам предписания, так и Бог дает нам заповеди, которые помогают нам стать совершенными.

В своем Послании святой апостол Иаков говорит: «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам». Бог начинает действовать, как только человек скажет себе: «Хочу быть ближе к Богу!» И тотчас Бог обнаруживает Свою отеческую любовь.

Отцы говорят, что даже само намерение, возникающее у нас, о котором мы думаем, что оно наше, даже тот факт, что мы хотим, мы имеем желание, даже само это хотение наше – тоже от Бога. В конечном счете, все от Бога. А что же остается нам? Наша расположенность приблизиться к Нему.

Часто люди, придя на исповедь, говорят: «Я погряз в страстях; я порабощен ими и не имею силы освободиться от них; я не вижу выхода. Я живу в вечных терзаниях: страсти все время побеждают меня, позорят, уязвляют».

Да, это так. Такова реальность. Страсти вообще не дают человеку поднять головы, и он льет горькие слезы о себе.

Ты говоришь такому человеку:

– Но ведь ты хочешь спастись?

– Конечно!

– Тогда перестань бояться! Бог найдет способ спасти тебя.

В «Патерике» говорится: «Отдай Богу намерение свое, и получишь силу!»^[1] Так отдай Богу свое намерение, свою волю, свое желание быть ближе к Нему – и Бог даст тебе силу для этого. Мы не знаем способа нашего спасения. Благий Бог явит его нам, если мы дадим Ему, так сказать, право вмешаться в нашу жизнь, если мы дадим Ему возможность и свободу вмешаться в нашу жизнь. Если мы действительно желаем спасения, Бог найдет способ спасти нас. Быть не может, чтобы Он сказал: «Вот, Я для этого человека ничего не могу сделать!»

Это врач может сказать: «Я сделал все возможное, но, к сожалению, больной умрет. Увы, он не выживет». Врач может оказаться в безвыходном положении, но для Бога не существует ни безвыходных положений, ни невозможных вещей. Бог не совершает ошибок.

Зачем я говорю это? Чтобы подчеркнуть, что мы приглашены в Царство Божие. Бог зовет нас к Себе, и даже одно только наше расположение что-то увидеть, услышать о Боге – уже значимо. Следовательно, если Бог призывает нас, это значит, что как-то так мы открыли свое сердце для Него. Бог не приблизился бы к нам, если бы мы не подлежали спасению, если бы мы отвергали Божий план нашего спасения.

Бог никогда не пренебрежет нами. Когда у нас есть право быть просвещенными Богом – потому что таково наше намерение, воля или что бы там ни было, – Бог даст нам то, что нам надлежит. Бог не лишит нас того, в чем мы нуждаемся, если мы действительно ищем этого.

Так происходит, когда мы идем к Богу. Ведь когда человек поворачивается к Богу, это значит, что до этого Он Сам повернулся к нам, потому что как же мы повернемся к Богу, если Он не просветит нас? Как же мы можем начать искать Бога, если Он до этого не побудит наше сердце искать Его? Так в детстве взрослые водят нашей рукой, когда мы пишем первые буквы, или держат за руку, когда мы делаем первые шаги, а мы думаем, что вот, сами идем; и думаем, подпрыгнув, что вот, сами прыгнули, а на самом деле это мать или отец приподняли нас, точно так и Бог поступает с нами. Если бы родители не поддерживали малыша, он не смог бы ничего

сделать. Так же бывает и с нами. Мы думаем, что мы желаем и ищем Бога, а на самом деле за нашими действиями стоит Сам Бог. У нас просто есть намерение, расположение услышать Бога. Мы только это и можем сделать, а остальное совершается вместе с Богом, в соработничестве с Богом.

Где-то в Писании Бог говорит человеку: «Еще до того, как Ты позовешь Меня, Я уже буду там»^[2], – то есть еще до того, как ты откроешь рот, чтобы позвать Бога, Он уже будет рядом. Ты еще будешь договаривать, а Он уже ответит тебе, что Он тут, – чтобы мы видели непосредственное присутствие Бога при каждом нашем молении, при каждом призывании Бога.

Разумеется, если этого не происходит, то неуспех не может быть приписан Богу, а только человеку. За свой неуспех мы ответственны, Бог никогда не бывает повинен в нем, потому что, когда Бог вершит Свои дела, в них не бывает изъяна.

Ты, например, говоришь: «Вот Бог дал мне нечто. Ах, если бы Он дал мне этого немного больше! Вот если бы этого было больше, если бы оно было совершеннее, тогда, думаю, было бы лучше!»

Нет. Дела Бога совершенны и не имеют недостатков, которые есть у наших дел, когда мы делаем все что можем и говорим: «Да, получилось хорошо – по человеческим меркам. Но могло быть и лучше!»

У Него так не бывает. Все дела Божии совершенны. Мы же должны трудиться, имея этот дар – присутствие Бога в нашей жизни, и продолжать возрастать, каждый – там, где он поставлен, своим способом, в своих обстоятельствах, но всегда ища связи с Богом, которая, конечно же, установится, когда человек постигнет великую тайну, как привлечь Бога к себе – или, правильнее сказать, самому прийти к Богу. А это та самая тайна, о которой говорилось во вчерашнем евангельском тексте^[3], – стяжать в сердцах наших смирение мытаря, его скорбь.

Сказано: «Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (Иак. 4: 8).

Разумеется, здесь имеются в виду не наши руки – в чем они повинны, бедные? Они всего лишь члены нашего тела. В чем повинна рука, если она крадет, если бьет? Это дело человеческого ума, расположения. Рука не идет сама по себе, чтобы украсть или ударить другого человека. Апостол говорит, чтобы мы очистили нашу жизнь и дела.

Помните трагедию Шекспира «Макбет»? Я прочитал ее, когда еще был маленьким. Там некая королева совершила убийство, а потом, несчастная, каждую ночь вставала и без конца отмывала руки, говоря: «Они еще не чистые, еще не чистые!» Она была как сомнамбула.

Это произвело на меня сильное впечатление, сцена эта просто врезалась в мою память. Женщина совершила убийство, и ей, несчастной, нужно было бы очистить душу – вот так была выражена глубокая потребность совести в очищении от тяжести греха.

Мы часто говорим: у нас грязные руки. А у кого руки чистые? Кто чист от скверны? Никто. Как же мы очистим свои руки? Добрыми делами, этим противоядием греху. Но иметь чистые руки недостаточно. В «Патерике» рассказывается об одном человеке, который был добр, руки его были чисты, он ни у кого ничего ни разу не отнял, никогда не воровал, не совершал плохих дел. А когда умер, был отлучен от Бога – проще говоря, осужден на мучение в аду. И тогда он спросил:

– Бог мой, за что же? Ведь руки мои чисты, ведь я ничего не сделал!

И Бог ответил ему:

– Да, действительно: твои руки чисты. Ты ничего не сделал. Твои руки чисты, но они пусты.

Недостаточно того, чтобы они были чисты, если они пусты, если в них нет ничего.

Как же, действительно, человеку очиститься? С помощью противоядия. Многие люди говорят:

– Но я же добрый, я никого не трогаю, никому не мешаю...

Все правильно. Но... нет добрых дел. Нужны добрые дела, и такие, какие бы делались ради души нашей с усилием, а не с легкостью. Не те крошки, что сметаются с нашего стола. Если есть бедные, которые едят наши крошки, то это не милостыня; нужен труд – чтобы твоя жертва запечатывала доброе дело. Вот это имеет ценность пред Богом. Лишить себя чего-то, превозмочь себя, выйти из себя, сделать что-нибудь, лишая себя чего-то, – вот это имеет истинную ценность, это очищает нас от грехов.

Поэтому многие отцы Церкви для живущих в миру на первое место ставят не пост, молитву, аскезу и прочее – об этом есть и в аскетических сочинениях, и даже в самом Евангелии. Вы ведь знаете, что Господь на суде не спросит у людей, постились ли они, молились ли, ходили ли на бдения, на беседы, читали ли они душеполезные книги или нет. Он не спросит ни о чем таком. О чем же будет речь?

– Беден Я был, и вы помогли Мне. Странствовал, и вы приютили Меня. Наг был, и вы одели Меня. Голоден был, и вы дали Мне есть. В темнице был, и вы посетили Меня. Болен был, и вы позаботились обо Мне^[4].

Иными словами, Божий суд будет судом о любви. Любовь – это не что-то абстрактное и неопределенное. Мы живем в миру, и у нас, конечно, практически нет сил (как тут лучше выразиться – возможностей? удобных случаев? времени?) на то, чтобы совершать те аскетические подвиги и дела, какие совершали святые и какие, естественно, имеют возможность совершать монахи. Мы во все дни находимся в миру. Как же мы можем приблизиться к Богу? Через любовь. Вот что такое аскеза для нас – это дела любви, добрые дела, преодоление себя, преодоление нашего себялюбия, нашей самости. Любовь должна проявляться в нашем поведении и во всех наших делах, которые, естественно, человек не может совершать с легкостью. Отцы придавали огромное значение этим делам.

Следовательно, для человека в очищении от греха «своего сердца, рук своих», то есть дел своих, – противодействие греху. Иными словами, совершать дела, противоположные тем, что терзают тебя, противоположные грехам и страстям, через милостыню, через добрые дела привлекая благодать Божию в свою душу.

В «Патерике» рассказывается об одном монахе, сестра которого была блудницей. Он просил отцов:

– Молитесь о моей сестре, чтобы она покончила с грехом!

А она была блудница, но при этом делала вот что: отдавала деньги, полученные таким образом, на милостыню, а себе оставляла самую малость. Отцы ему сказали:

— Не бойся! Если она подает милостыню, Бог ее помилует!

Прошли годы. Ничего не изменилось, она так же жила в грехе, но и милостыню так же подавала. Отцы продолжали утешать брата:

– Не бойся, она недалеко от Царства Божия! Если она подает милостыню, Бог ее помилует!

И действительно так все и произошло. Бог посетил ее в некий час, и она все осознала, изменила свой образ жизни и через покаяние вернулась к Богу^[5]. Почему? Потому что хотя она и не совершала аскетических подвигов, а, напротив, вся погрязла в грехе, но ее милостыня имела такую силу, что привлекла благодать Божию в ее душу.

Помните Корнилия сотника, который был язычником и о котором Бог говорит, что его молитвы и милостыни привлекли Его?^[6]

В тропаре святому Пантелеимону поется весьма красиво: «Пантелеимоне (то есть Всемилолюбиве), ты, имеющий имя милостивого Бога...»^[7] – то есть он милостив, как милостив Бог. Бог милует именно

милостивых, потому что, как говорит Христос в Евангелии, как вы поступаете с людьми, так и Бог поступит с вами[8].

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Dveri.bg](#)

[7 марта 2012 года](#)

[1] Ср.: Об авве Лонгине. 4 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999. С. 270. – Здесь и далее примеч. пер.

[2] «И будет, прежде нежели они воззовут, Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу» (Ис. 65: 24).

[3] Владыка Афанасий имеет в виду текст: Лк. 18: 10–14, который читается в Неделю о мытаре и фарисее.

[4] См.: Мф. 25: 35–36.

[5] См.: Древний патерик, изложенный по главам. Гл. 13, 18. М., 1991. С. 253; Об авве Тимофее // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. С. 514–515.

[6] См.: Деян. 10: 1–4.

[7] В нашей службе великомученику и целителю Пантелеимону эти слова содержатся в первой молитве к нему: «По данной ти благодати наименован Пантелеимоном, милости тезоименитым, милующим всех притекающих к тебе...»

[8] См.: Мф. 7: 12.

У каждого своя мера

Беседа о смирении

Мы приходим в мир сей, неся с собой тяжелый груз, – и этот факт научно доказан. Мы многое получаем в наследство, через ДНК, и каждый из нас призван бороться с тем, что есть негативного в этом наследстве. Если ты раздражителен, ты призван стать кротким, если жаден – призван стать милостивым, если разбалован – ты призван стать подвижником, закалиться. Как говорил старец Паисий, если ты говорун, тебе нужно стать святым говоруном. То есть говорить все время о Боге, стать сродни апостолу. Если ты силен – надо стать сильным святым.

Один подвижник сказал:

– Ты очень любопытен! Тебе надо сделать свое любопытство священным! Например, выучи все жития святых. Вместо того, чтобы исследовать подноготную жителей своего околотка, изучи «подноготную» святых, выясни все про их жизнь, чтобы знать, что каждый из них делал.

Каждый освящает себя тем, что ему дано. У одного есть одно, у другого другое. У одного одна немощь, у другого – другая, у одного одно дарование, у другого – другое. Всё это составляет наше собственное я. Мы призваны преобразить всё это в Иисуса Христа. Ты скажешь, что одно легче, а другое труднее? Но потому Бог и не судит по внешности, потому Христос перво-наперво и запретил нам судить. Он не позволяет нам судить

людей именно потому, что мы не можем видеть сердце человека. Он говорит нам: Не судите других по наружности (Ин. 7: 24).

Наш старец говорил нам: тот человек, который по природе своей кроток, что бы ты с ним ни делал, не нервничает; однако ему не будет венца от Бога, потому что он кроток. А тот, кто и из-за малого пустяка вспыхивает, но целый день борется с собой и тогда, как мог бы разгневаться пятьдесят пять раз, разгневался только пять, – он человек, ведущий духовную брань.

Тогда как другого, если и захочешь вывести из себя, не сможешь сделать этого. Потому что для этого он должен быть немного познергичнее, а не таким апатичным: ты его и так, и эдак – а он ничем не смущается. Да пошевелись же хотя бы, сын мой, скажи и ты какое-нибудь слово, я не знаю, воспротивись там, что ли! Скажи же что-нибудь! Ничего! Он как машина, в которую вместо бензина залита вода. Ну что, загорится ли когда-нибудь вода? Не загорится.

В его характере есть что-то хорошее, но ему не будет особой похвалы от Бога, потому что он на самом деле кроток. А тот, кто действительно борется и проливает поты для того, чтобы не разгневаться и не смутить людей, – это подвижник, это великий борец.

В житии святого Афанасия Афонского, ктитора Великой Лавры, описан такой случай. Этот святой всегда много ел, и монахи говорили: «Да, свят наш старец, но ест много...»

Услышав это, повелел он однажды повару приготовить еды намного больше обычного и наказал ему: «Запри дверь трапезной, чтобы они не могли разойтись по кельям, и делай то, что я тебе скажу!»

Сели монахи и начали есть. Когда они закончили, святой Афанасий сказал повару:

– Принесите всем еще по одной порции!

Принесли вторую порцию, и монахи съели ее. Третья порция. Монахи принялись и за нее, но съели только, скажем так, одну треть. Принесли четвертую порцию. Они уже не могли есть, только двое-трое из них осилили ее. Пятая порция. Шестая порция. Седьмая. Святой Афанасий съел семь порций. Тем временем все уже отказались есть. И он сказал тогда братьям:

– Вот посмотрите: семь порций я съел и могу сказать, что только теперь я едва насытился в какой-то мере! Чувствую, что съел столько, сколько съедал бы, если бы соблюдал воздержание. Вы съедаете одну тарелку и наедаетесь, и вам этого довольно. А я съедаю с вами две тарелки и никогда не наедаюсь, ибо мне необходимо съедать семь. Съедаю только две или полторы и с великим трудом воздерживаюсь. Поэтому не судите по наружности. У разных людей разная мера.

Человек видит это, когда он живет среди множества людей. Действительно, есть люди, которым достаточно горсточки еды в сутки, а другой съедает целую кастрюлю и не наедается. Между ними большая разница. Есть разные люди. Поэтому мы не можем судить другого человека по внешности – поэтому суд и принадлежит одному только Богу. Поэтому дарования и харизмы, о которых предполагается, что их мы имеем или кажется, что имеем, и даже плохие качества мы должны принимать с великой любовью и большим снисхождением, предоставив суд Богу.

На это указал Христос словами: на всякий день несите крест свой (ср.: Лк. 9: 23). Что это, то, что мы должны делать ежедневно? Борьба с собой. У меня такой характер: я завидую, обижаюсь, своенравен, строптив – значит, я должен бороться со всем этим. Что поделать? Я такой. Вижу это, сам себе ставлю диагноз, что я такой, и за этим диагнозом должно следовать лечение.

В монашестве первое, что нужно претерпеть, – это понести этот страшный диагноз, когда человек слышит о том, что он представляет собой в действительности. Что такое исповедь? Это раскрытие наших реальных духовных болячек, каковыми являются наши грехи; она – диагноз духовного отца, который говорит тебе: «Посмотри, ты...то-то и то-то». Или не говорит тебе этого, потому что ты не можешь этого понести, а знает это сам.

Это как когда ты идешь к врачу, он осматривает тебя и знает, что с тобой, какие лекарства и сколько прописать тебе, какое лечение тебе надо принять, чтобы выздороветь. Так же и в духовной жизни. Человек тотчас видит, что происходит, как он бывает побежден, где падает, где сталкивается с трудностями, и там он останавливается и начинает бороться смиренно, без стресса, без этих бесконечных: «Ну почему?! Ну почему?! Ну почему?!», которые нередко являются порождением нездорового эгоизма.

«Ну почему же я думаю так, почему я делаю это?!»

Хорошо, а ты что думал о себе? А почему бы тебе не думать так? Неужели ты считал себя таким хорошим, что удивляешься, как ты мог подумать или сказать такое? Ты человек, ты всё можешь подумать и всё можешь сделать. Если человек не внимает себе или подчиняется страстям, он может сделать всё и выдумать всё. У человеческой природы имеются возможности ниже ее и выше ее. Огромные возможности.

Ответим на следующий вопрос: «Вы сказали, что болезненное смирение – это самый плохой эгоизм. Что это такое, и как нам его различить в себе? Отличается ли смирение от смиренномудрия? Где проходит грань между человеческим достоинством и недостойнством, смирением и унижением?»

Посмотрите, дети: смирение, совершенное смирение есть совершенство человека. Совершенный человек – это смиренный человек, который может по-настоящему любить другого человека и Бога. Потому что смиренный – единственный, кто может подражать Христу: пожертвовать собой ради брата своего и действовать с абсолютной любовью. Только смиренный человек может по-настоящему любить других и Бога. Или любить соответственно своему смирению, в той же степени. Следовательно, смиренный человек – совершенный человек.

Однако пока мы достигнем этого, нам надо пройти через много ступеней, исключительно много ступеней. Через призму своего опыта, врачующего человеческую душу, отцы Церкви описывают всю эту лестницу, ведущую к совершенному смирению.

Совершенное смирение не означает унижения. Нет. Смирение представляет собой восполнение твоего бытия. Когда ты достигнешь его, ты уже функционируешь с благородством, без страха, без комплексов, без подозрительности, без корысти, без лукавства, без всего. В смиренном человеке нет ничего, что имело бы в недостатке. Нинедостатка, ни излишества. Все действует в чудесной гармонии и равновесии. Поэтому смирение никак не связано со всякими нездоровыми вещами, с комплексами неполноценности и невесть еще с чем.

Но ты скажешь: «А мы? Хорошо, таково совершенство. А мы где находимся?» Мы боремся за то, чтобы стать смиренными сердцем, как повелел нам Христос, и стать подобными Христу – нашему Отцу.

Мы начинаем с первой ступеньки. Это, естественно, еще не совершенство, а всего лишь первая ступень. Как дитя, которое должно научиться читать и писать, начинает с яслей, пока не дойдет до университета. Да, оно не может быть совершенным в яслях. Или еще в первом классе, где, учась писать буквы, списывают ими по полстраницы. Да, но если не будешь писать этого, ты не попадешь в университет. Ты не можешь перепрыгнуть через первый класс по той причине, что всё это – детские занятия, и сказать: «Ну что это за ребячество?» Да, это всё для детей, но это – основа, и поэтому это нужно. Ты начнешь с этого, пойдешь в первый, во второй, третий класс, подрастешь, станешь крепче и телом, и умом.

Следовательно, и в духовной жизни человек начинает с простых, даже внешних вещей. Когда человек хочет стяжать смирение, он начинает с того, чтобы отсечь свою волю. Например, он проявляет терпение к другому человеку, не настаивает на своем, не ругается из-за того или другого и начинает относиться к окружающим со смирением. Также и во внешнем: он пользуется мирскими вещами в меру, не вкладывает эгоизм и тщеславие даже в свой внешний вид, в свой образ жизни, в манеру говорить, смотреть и относиться к другим.

Авва Дорофей рассказывает, что однажды он оказался в таком месте, где поносили какого-то христианина, который слушал всё это без доли смущения. И авва подумал: bravo, у этого христианина имеются добродетели: другой его ругает, а он не говорит ничего! И когда подошел к нему и спросил: «Как же ты

выдержал в тот миг, когда другие тебя поносили, чтобы ничего не ответить им?» – тот сказал: «На этих собак, что ли, я стану обращать внимание?»

То есть он им не отвечал не потому, что был смирен сердцем и говорил себе: «Ладно, не буду спорить. Проявлю терпение», – а потому, что презирал их и считал собаками^[1].

Иной советует тебе: «Да забудь ты об этом! Не обращай на него внимания!»

Пусть так, не обращай на него внимания, это лучше, чем воевать с ним, но все же тебе следовало бы смотреть на другого более добрым оком.

Гнев – признак эгоизма. Это одна из лампочек, которые вспыхивают, когда электричество приходит в дом. Нажимаешь на кнопку, и лампочка загорается. Итак, ты хочешь посмотреть, есть ли в тебе эгоизм?

Гневаешься ли ты? Если гневаешься и начинаешь нервничать, это значит, что что-то в тебе не так, это значит, что все эти нервы не оттого, что другой задел тебя или поставил твою репутацию под знак вопроса. Это всё признаки, это тест, по которому человек может проверить себя сам.

Другой приходит и оспаривает сказанное тобой или выражает к тебе презрение, не говорит с тобой или поносит тебя, унижает – и ты стараешься не ответить ему. Разумеется, сначала это трудно. Внутри себя ты можешь кипеть весь. Ладно. Но ты закрываешь рот и говоришь себе: «Стисну-ка я зубы, чтобы не ответить ему».

Ты скажешь мне: «А что же в этом хорошего?» Да, это не совершенно – совершенством было бы помолиться за того, кто тебя опорочил, – но это уже первая ступенька. По меньшей мере, не отвечай ему.

Это сказал Христос, но слова Его понимают ошибочно. Он сказал: «Зуб за зуб», – и говорят: «А что же это значит тогда? То есть если тебе кто-нибудь выбьет зуб, ты тоже должен выбить ему зуб?» Или око за око. Они не понимают, что Бог сказал это евреям, потому что евреи и люди той эпохи, стоило выбить им зуб, как они разбивали обидчику всю челюсть, и поэтому Бог запретил им это и сказал: «Выбил ли тебе кто зуб? Не выбивай ему все 32, а только один». Это был подвиг для тех людей.

Или если выбьешь ему глаз, он уже кидается отрубить тебе голову. «Один глаз, – говорит ему Господь, – у тебя есть право на один глаз. Ни голову ему не отрубай, ни обоих глаз не выбивай. Одна пощечина – за одну пощечину. А не так, чтобы ты переломал ему все кости».

Приложите это, однако, к какому-нибудь народу строптивому или к самим себе. Вот подходит к тебе кто-нибудь и бьет тебя в зубы кулаком – если ты всплишь, то один ли только кулак отведешь ему взамен? Или скажешь: «Извини, пожалуйста, я должен тебе буду один кулак»? Нет, ты отвечаешь ему на это десятью ударами.

Поэтому человек начинает с простых вещей – это подвиг и борьба. Потом в жизни ведь много такого, что кажется мелочью. Стоишь где-нибудь в очереди, а другой приходит и встает перед тобой, и ты проявляешь терпение. Отцы Церкви использовали такие мелочи превосходным образом. В «Патерике» имеется много прекрасных примеров этого.

Об авве Агафоне говорится, что он сказал Богу: «Боже, помоги мне сегодня исполнить волю Твою!»

Ты решаешь, что сегодня сделаешь всё, чтобы исполнить волю Божию. Мы склонны думать, что это значит – взять Евангелие и читать его с утра до вечера. Или как вопрошало меня одно духовное чадо: «Отче, должен ли я целый день читать Новый Завет, сидя в своей комнате?»

Я ему говорил до этого: «Внимай себе, чадо, не шатайся по улице!», а он подумал, что нужно сидеть с Новым Заветом в своей комнате и читать его постоянно.

Итак, что же сделал авва Агафон, чтобы исполнить волю Божию в тот день? Ничего особенного. Он встал утром, как делал это каждый день, и отправился на мельницу, чтобы смолоть свое зерно, которым ему

предстояло питаться весь следующий год. Пришел он в Египет и сказал себе, что пойдет сделает свое дело. Пришел на мельницу, и тут какой-то человек сказал ему:

– Авва, ты не поможешь сначала мне смолоть зерно? Потом смелешь свое...

– С удовольствием, брат!

А вы знаете, что тогда мололи не как сейчас, машинами: насыпаешь в нее зерно, и оно мелется себе – тогда нужно было вращать каменные жернова. Я застал это на Святой Горе, потому что там, где мы жили, не было машин, и, когда мы хотели запастись елеем, нам приходилось самим вращать тяжелый камень, чтобы выжать елей. Вы понимаете, что сначала из тебя самого выжимался весь елей, а после этого уже шел тот?! Ты предпочел бы никогда не есть масла, чем... Вот так ты понимаешь, как дорога капля масла, которое сегодня человек может запросто выкинуть. Восемь маслин дают одну ложечку масла, и оно доставалось с таким трудом: нужно было тащить маслины на своем горбу, выжимать их и еще неведь что. Так было трудно...

Итак, авва пошел и помог тому человеку. Только он закончил и хотел уже засыпать свое зерно, как приходит другой и говорит:

– Авва, я тороплюсь, прошу тебя: пропусти меня!

– С удовольствием!

И ему помог.

С самого утра и до вечера он так и не смог смолоть свое зерно. Только собирался засыпать его, как приходил кто-нибудь, опережал его, и за целый день ему так и не удалось сделать это. Но в «Патерике» написано, что он не позволил себе при этом даже мало-мальски возроптать на брата своего, а под конец был извещен, что в этот день ему действительно удалось исполнить волю Божию [\[2\]](#).

Видите, как он в своей повседневной жизни не возмущался и не обвинял никого?

О другом авве говорится, как он отправился продавать свои корзины, а к нему привязался один парализованный человек. Авва продавал корзины, которые сам делал, и на эти деньги ему предстояло жить целый год, так как он подвизался в пустыне. Больной спросил его:

– За сколько ты продал корзину?

– За одну монету.

– Ты купишь мне пирог?

– Куплю!

Как только продал еще одну, парализованный тут же спросил:

– А эту за сколько продал?

– За две монеты!

– Купишь мне платок?

– Куплю!

И так продолжалось весь день – авва истратил на него все свои деньги. Ничего не оставил для себя. А напоследок тот сказал ему:

– Ты отведешь меня домой?

– А где твой дом?

- На другом конце Александрии.
- Хорошо, отведу. А как же тебя вести?
- Как? Посадишь меня на свою спину.

Взвалил он его себе на спину, хотя сам был изможден, а человек тот оказался очень тяжелым. Шел он, шел, и в какой-то момент ноша его стала легчать, обернулся он назад и что же видит? Ангела Господня, который сказал ему:

- За это имя твое будет великим пред Богом![\[3\]](#)

Именно за то, что он совершил такое в своей повседневной жизни.

Дети, не думайте, что совершенство христианина проявляется в специальных условиях. Мы не вырастаем в парниках. Мы живем в мире сем, каждый своей повседневной жизнью – там ты и станешь совершенным, когда будешь внимателен в этих обыденных вещах, происходящих с тобой каждый день.

О другом подвижнике, достигшем высокой меры, говорится, что в час смерти лицо его просияло, и его спросили:

- Но что же ты совершил в жизни своей?

А он ничего особенного не мог рассказать. Он не был великим подвижником.

- Ничего такого я не совершил в своей жизни, никаких особых подвигов. Но прожил я в монастыре вот уже 30 лет, и в одной келье вместе со мной находилась моя корова. Старец наказал мне поместить ее у себя.

Понимаете, он плел корзины, а корова жевала их и портила, они ведь были сплетены из травы... Вы представляете себе это: жить в одной комнате с животным?! Мы с людьми и то не можем ужиться никак. А монах сказал:

- Но за 30 лет я не позволил себе вознегодовать на моего старца.

А на его месте другой сказал бы: «Да ладно, ну в своем ли уме этот человек – повелеть жить с коровами? Неужто комнат уже не хватает?»

Однако ни на животное, ни на человека не возроптал тот монах. Проявил терпение в том, что было у него перед глазами, и это сделало его совершенным пред Богом, потому что он делал это ради любви Христовой, говоря себе: «Ради Бога проявлю я терпение и стерплю это животное, вытерплю этого человека, переживу это затруднение!»

Следовательно, человек начинает с малых дел. Кто не обращает внимания на малые дела, тот никогда не дойдет до великих. Кто презирает малые дела, тот падет. Поэтому в духовной жизни важно, чтобы человек начал просто, спокойно, с того, что жизнь преподносит ему каждый день.

Начинаешь ты день свой – тут приходит другой и нарушает твои планы, приходит второй, поносит тебя на чем свет стоит и говорит: «Ты виноват!»

Это удобные возможности, возникающие каждый день в твоей жизни. Воспользуйся ими – и увидишь, что у тебя будет много случаев к тому, чтобы усовершенствоваться, чтобы достичь совершенства. Если ты каждый раз нервничаешь и кричишь: «А вот сейчас приду и покажу тебе, кто виноват!» – то, конечно, по-человечески ты можешь оправдаться, но потеряешь все эти возможности к усовершенствованию.

Все можно обернуть на пользу, а самая большая арена для смирения – это брак, если им пользуются смиренно. В браке нет места эгоизму. Если имеется эгоизм, брак распадется, он затрещит по швам. В браке ты призван упразднить себя, служить своим детям, своему семейству. Ты трудишься каждый Божий день, идешь

домой, и тут приходит сын твой или дочь и забирает у тебя деньги, говоря: «Мне нужно десять лир, чтобы пойти туда-то!»

А ты с таким трудом заработал эти десять лир. Но, несмотря на это, с радостью отдаешь их, чтобы доставить радость своему ребенку или купить ему что-нибудь хорошее. Или же всю жизнь из кожи лезешь, чтобы купить себе дом или что-нибудь еще, а потом с удовольствием отдаешь его своим детям – это ли не преодоление себя? Когда я отдаю своему ребенку то, что у меня есть, тогда как сам я вымучен, разбит, хочу спать, измотан... Или же когда нянчу своих малых детей: ночью хочу спать, валюсь с ног от недосыпания, я уже не выдерживаю, но иду посмотреть на них, приласкать их с любовью. Что это такое? Это повседневное преодоление себя – и для мужа, и для жены. Смирение не значит совершение нереальных вещей. Оно происходит не где-то там, а здесь, где находишься ты – на твоём рабочем месте. Например, у тебя суровый начальник, настырный коллега – посмотри на него с любовью, используй это, обрати это на пользу духовным способом.

Разумеется, это нелегко. И не все мы постоянно пребываем в состоянии такого духовного бодрствования, чтобы всегда использовать возможности и поступать как должно. Но по крайней мере там, где нам это не удалось, где уже вспыхнули лампочки и стал валить дым, там... когда погаснет это зло, смирим себя пред Богом и скажем:

– Боже мой, прости меня! Я не смог – я опять разгневался, опять вспылил, опять поругался, я упустил возможность, имевшуюся у меня.

Смирение или исповедь помогают мне поправить то, что я сделал, или вернуть ту возможность, которую я потерял. Так человек постепенно приобретает смирение через все воспитание, которое мы получаем в Церкви.

Смиренномудрие означает смиренно думать о себе. Приходит к тебе какой-нибудь помысел, например: «Нет никого такого, как ты!» – а ты говоришь: «Да замолчи же ты, дитя мое! Чтобы не было никого такого, как я? Да кто я такой?» Это смиренномудрие.

Или же помысел говорит: «Я знаю все!» Но ты говоришь себе: «Да откуда у меня столько уверенности? Разве я не совершал столько ошибок в своей жизни? Разве говорил так много такого, что оказывалось потом неправдой? Как я могу знать все?»

И другой тоже может быть прав. Отсюда ты понимаешь, что одно дело – смирение, а другое – смиренномудрие, которое значит, что ты пытаешься подвизаться, иметь смиренные помыслы. Не думать, что ты центр Вселенной, что ты знаешь все. Когда тебя борет помысел, что что-то якобы обстоит таким-то образом, ты должен воспротивиться ему смиренными помыслами, пока не приведешь себя в состояние равновесия.

Вот ты думаешь, что все смотрят на тебя, и поэтому говоришь: «Я не хожу в церковь, потому что, как только войду туда, все оборачиваются и смотрят на меня». Хорошо, дочь моя, но неужто вся церковь оборачивается и смотрит на тебя, как только ты войдешь? Да как же может быть такое? Может, зажигается какая-нибудь лампочка, что ты, мол, вошла внутрь, и все оборачиваются, чтобы увидеть тебя? Никто тебя вообще не видел. Да и желания у них такого нет. Это у тебя есть какая-то идея о себе, и ты думаешь, что ты – центр Вселенной. Кем ты себя воображаешь, чадо? Неужели ты думаешь, что, где бы ты ни появилась, ты притягиваешь взоры людей? Да другой пошел в церковь не для того, чтобы посмотреть на тебя. Что в тебе такого ценного, что другой непременно должен это увидеть? Правда заключается в том, что он даже не замечает тебя!

Однако если в такой ситуации вместо того, чтобы стесняться, ты скажешь себе: «Никто на меня не смотрит! Да и зачем на меня смотреть? Зачем им обращать на меня внимание?» – вот тогда ты смиришься.

То же самое касается стыда, который у нас иногда бывает. И на нем тоже есть подобные отметины эгоизма. Почему тебе стыдно? Тебе стыдно пойти куда-то? А почему? Думаешь, что испортишь себе репутацию? Отцы решительно воевали с этим. Когда кто-нибудь приходил к ним, желая стать подвижником, они ему говорили:

– Ты не можешь им стать! Если хочешь стать подвижником, возвращайся назад, в свой родной город, одень на себя старые лохмотья, просиди 40 дней, прося милостыню, у ворот церкви, а затем приходи, поговорим!

Ты понимаешь, что это трудно, но это поражает самую сердцевину эгоизма в человеке. Разумеется, мы приводим крайний пример, чтобы увидеть, что мы можем сделать.

Начинаешь с того, чтобы сказать другому одно только «Извини!» Иди и скажи ему это!

– Нет, я не скажу ему этого!

Заставь себя смириться и сказать сестре своей:

– Извини меня, я была неправа!

Не жди, чтобы другой извинялся перед тобой. Не говори ему:

– Вот, мы поругались с тобой за обедом, извини меня, но ты тоже нехорошо поступил со мной.

Это не извинение, это как если бы ты сказал: «Извини, но ты тоже грешишь».

Или же мы говорим так:

– Если я тебя чем обидел...

А между тем мы растоптали его, мы смешали его, как говорится, с грязью и в то же время лицемерим: «Если я чем обидел тебя, прости!»

Нет, дети, это не испрашивание прощения. Просить прощения – значит сказать другому:

– Брат, прости меня, я был неправ, я огорчил тебя, прости!

И произнести эти слова осознанно. Это первое, что отталкивает от нас токсины эгоизма и помогает нам стяжать смирение.

И на этом мы с вами смиренно завершим нашу беседу!

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Dveri.bg](#)

[21 октября 2011 года](#)

[1] См.: Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение 7. М., 2005. С. 119–120.

[2] Ср.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Феодоре Еннатском. М., 1999. С. 538–539.

[3] Ср.: Достопамятные сказания. Об авве Агафоне. § 30. С. 68–69.

“А ты ел мороженое?”

Сегодня мы поговорим о величайшей из страстей, которая порождает все остальные, – о гордости. Как невозможно сказать, что такое смирение, дать ему определение, так и трудно, если не невозможно, дать определение гордости. Что такое гордость?

Каждый раз, когда мы хотим что-либо сказать о ней, мы обращаемся к отцам, давшим описание ее признаков. Они рассматривают гордость как причину всех падений, корень и порождение всякого зла. В Писании говорится, что Бог противится гордым. Может быть, это один из исключительных случаев, когда Бог выглядит таким жестоким. Он не только не благославляет гордого, не только не содействует ему, не просто его оставляет, но и противится ему. Что значит “противиться”? Это означает стоять перед кем-то и толкать его назад, не позволять ему идти вперед, то есть бороться с ним. Подумайте, как это мучительно, когда Бог борется с нами, когда Бог противится нам!

Бог противится гордости. Бог против горделивых. Он стоит перед ними и не дает им идти вперед. Почему? Можно сказать “от злобы”, но неужели Бог чувствует Себя задетым? Нет. А потому что наша гордость, т.е. наш эгоизм, к сожалению, нельзя исцелить, если не сокрушить его. Его нужно сломать. Это подобно камню, который, что бы ты с ним ни делал, не умягчается – можешь его поливать, гладить, просить. Камень нужно разбить. Когда он разлетится на маленькие кусочки, тогда разрушится. И гордый человек не исцеляется, его можно лишь разбить. Тогда Бог встает перед ним и противопоставляет Себя ему, чтобы разбить его надменный дух, чтобы он опомнился, пришел в себя и понял, что с ним происходит.

Перед изучением страсти гордости сперва посмотрим, как она действовала, прежде чем превратиться в страсть. Другими словами, какими мы были, когда Бог нас создал. Да, действительно, по природе мы гордые существа, но в хорошем смысле этого слова, ибо Бог создал нас властелинами. Он сделал нас Своими сынами, дал нам возможность властвовать над всей природой. Он создал весь этот мир и дал его нам в руки, сделал человека царем творения. Мы сотворены быть царями, мы созданы свободными, мы не являемся ничьими рабами. Следовательно, в той свободе, которой мы обладаем, и в положении, которое занимаем в природе, мы имеем то господство и тот уют, которые нам дал наш Творец.

И тем не менее все изменилось. Человек потерял ту красоту, которую дал ему Бог. Это прекрасное изначальное состояние было искажено и превратилось в гордость и эгоизм, которые буквально убивают человека. Гордый человек – самый несчастный человек на свете. Гордый человек не может никого ни порадовать, ни полюбить, ни принять. Он – самый порабощенный из всех, потому что он раб страшной страсти своего эгоизма и гордости. Он никогда не кается, всегда прав, на все имеет алиби, никогда не делает ошибок. Он может сказать губами “я сделал ошибку”, но глубоко в душе своей не признает этого. Он заключен в клетку своего эгоизма и осужден быть одиноким. Он не общается ни с кем, поскольку живет в аду своей изоляции и эгоизма.

Чтобы говорить о гордости, нужна великая мудрость. Поэтому обратимся к словам св. Иоанна Лествичника в его “Лествице”, прекрасной книге, которая является руководством для духовной жизни во Христе. Она называется “Лествицей”, то есть лестницей, где на каждой ступени говорится о конкретной теме. Двадцать вторая глава “Лествицы” посвящена гордости.

Святой сказал очень много о гордости, которая столь многомерна и многостранна, что нельзя определить ее точно.

Он говорит: “Гордость – это отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение к людям, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отказ от Божьей помощи, предтеча безумия, виновница падений, причина беснования, источник гнева, ворота лицемерия, крепость бесов, хранилище грехов, причина немилосердия, незнание страдания, жестокий мучитель, бесчеловечный судья, противник Бога, корень хулы”.

Отвержение Бога. Отвергает ли гордец Бога? Да, отвергает, потому что у него нет другого бога кроме себя самого. Он бог самому себе. Он может не принимать этого в теории, но на практике обожествляет себя.

Может быть, обожествление нашего собственного “я” и есть лучшее определение гордости. Обожествление всего нашего бытия, мнений, точки зрения, персональности, имени, положения, силы, светской силы, духовной силы, взглядов. Гордый человек не доверяет Богу, потому что доверяет себе. Ведь в чем сущность греха? Его сущность в том, что он отдаляет тебя от цели, сосредоточенной на Боге, и ставит другую цель. Почему сребролюбие грех? Потому что ты уповаешь не на Бога, а на деньги. А себялюбие? Потому что опираешься на любовь к своему “я”, к своему телу, своей жизни, вещам, окружающим тебя. Итак, гордость – это отвержение Бога, ибо лишает тебя твоего упования на Бога и связи с Ним. Ты ставишь себя на Его место.

Гордость – бесовское изобретение. Чем же иным она может быть? Она – изобретение бесов. Она – презрение к людям. Гордый человек презирает другого и с большой легкостью выставляет его в плохом свете. Словами, делами, взглядом. Знаем, как легко бывает убить другого человека даже только одним взглядом! Как легко убить его даже своей праведностью и снисхождением! Ведь когда Бог стал человеком и пришел к нам, Он не сделал это таким образом, чтобы изумить нас Своей святостью, не засиял ярче солнца Своей божественной славой. Он сокрыл всю Свою божественность в смирении человеческой природы. Смиранный человек вообще не выпячивает себя. Он не ослепляет других, не кричит и не трубит о своих добродетелях. Смиранный человек живет тихо, красиво, никогда не думает, что он выше других, и никого не презирает.

Гордый презирает других – “кто ты, почему ты?” Неважно, говорим ли мы вслух эти слова. Важно то, что мы верим в них. Иногда даем окружающим такие советы:

– Оставь его! Не обращай на него внимания! Кто он такой, чтобы судить тебя? Кто он такой, чтобы сказать тебе все это?

Мы думаем, что таким образом исцеляем раненого человека. Не только не исцеляем его, но, возможно, ему станет хуже. Человека нельзя исцелить таким способом – презрением к ближнему.

Итак, презрение к людям – признак гордости. Когда видишь, что презираешь других, это значит, что ты носишь в себе болезнь гордости.

Далее св. Иоанн говорит о гордости, как о матери осуждения. Гордость порождает осуждение, потому что постоянно судит другого человека и осуждает его. Не просто судит, а осуждает, выставляет его в плохом свете. Тот, кто осуждает, не чувствует, что и он такой же человек, как и другие, а другой человек – такой же, как и ты, хотя и совершает ошибки и даже плохие поступки. Зачем его судить? Ты что, не делал ошибок в своей жизни? Не причинял боль другим людям? Не совершал плохих поступков? Как ты можешь осуждать человека, когда ты сам – такой же? Когда у тебя – те же недостатки? Как же ты судишь своего брата?

Смиранный человек никогда не осуждает никого, потому что знает, что все мы люди. Если ты и в самом деле видишь, что другой человек грешит, не осуждай, но и не говори: “Как хорошо он поступает!” Смиранный – не дурак, он знает, что хорошо, что дурно. Знает очень хорошо, но все же не осуждает. Потому что он понял, что перед Богом все мы нечисты. Как же я, который тоже виновен и осужден Богом, могу судить другого за то, что он грешит?

Суждение – одно, а осуждение – другое. Все мы имеем суждения и должны их иметь. Мы разумные существа, и если не иметь суждений, то как выбрать добро в этой жизни? Сказать: “это добро, а вот это – зло”, выбрать добро – вот что такое суждение. “Вот эти люди мне помогают, они хорошие, мы будем друзьями, а эти – нет, они мне вредят, но я их не осуждаю, потому что они слабые люди и я, быть может, еще хуже их”. Вот что такое суждение. Как узнать, что истина одно, а ложь – другое? Как выбрать истину и отвергнуть ложь? Суждением. Суждение необходимо. Но осуждение – грех. Когда видим, что осуждаем, нужно понять, что в нас живет мать осуждения – гордость.

Исчадие похвал. Мать осуждения – это и есть исчадие похвал. Когда нас хвалят, говорят нам добрые слова и льстят, это нам нравится, но мы говорим:

– О, нет, нет, я не согласен!

Но внутренне... любуемся этими словами, утешаемся ими. И говорим себе: “Как хорошо! Сколько хороших слов обо мне!” Все это порождает гордость. Раз меня так хвалят, значит я стою того! Если бы я был ничтожеством, то никто бы не обратил на меня внимания! Иногда слышим:

– Но ты не обратил на меня внимания!

– Извини, я не обратил на тебя внимания!

И сразу же мысль: “Он не обратил на меня внимания. Не говорит со мной. Не помнит меня!”

Что ж, разве это невозможно? Мы люди. У нас только один мозг. Может ли он помнить все?

Сколько раз это случалось со мной. Я по природе невнимателен и часто не вижу того, кто передо мной. Может быть, это важный человек, а я не понимаю этого. Многие люди отходят от меня возмущенными, потому что я не поговорил с ними, не посмотрел на них...

Также признак гордости, когда в нас появляется стыд в плохом смысле – стыд пойти куда-то, сделать что-то, потому что “все будут смотреть” на нас.

Почему это все будут смотреть на тебя? Почему? Например,ходишь в церковь и думаешь, что все повернутся, чтобы посмотреть на тебя. Неужели возможно, чтобы все смотрели на тебя? Какое высокое мнение нужно иметь о себе! Смиренному живется легко. Очень легко. Он ходит себе везде, не стесняется, не думает, что все его замечают. Вы не представляете, как легко жить такому человеку!

Признаться, и я мучился этим проявлением гордости. Я страшно стеснялся людей. Когда я закончил университет и прибыл на Святую Гору, я стыдился многих вещей. На Святой Горе для старших монахов не существует такой проблемы. Они ходят везде без стеснения. Вспоминаю один случай. Однажды в Салониках шел очень сильный дождь. Я ждал своего старца, чтобы пойти с ним по делам. И вот вдалеке вижу красный зонтик в белых крапинках и под ним – человека в рясе. Говорю другому монаху, который был рядом со мной:

– Вставай, это наш старец!

Действительно, это был наш старец.

– Отец, что это за зонтик?

– А что такого в этом зонтике?

– Он же женский!

– Ну и что? Я был в одном доме и мне его дали. А что, лучше было мокнуть под дождем?

– А черного там не было?

– Черный, белый, важно, чтоб годился! Возьми его и иди в магазин на той стороне улицы!

Что? Я возьму женский зонтик и пойду куда-то туда в магазин, купить что-то?! Исключено! Об этом не может быть и речи! Как я могу сделать это?!

Если бы у меня было смирение, я бы пошел без этих дурацких вопросов. Ну что бы я потерял? Авторитет? А кто меня там знал? И кто бы обратил на меня внимание?

Вспоминаю другой случай. Мы с одним братом монахом жили в Салониках неподалеку от кондитерской. Однажды у нас были гости и старец сказал:

– Идите, купите чего-нибудь сладкого к чаю!

Мы пошли, но кто из нас – святых людей, монахов, может ввалиться в кондитерскую покупать сладости? Что скажут люди?

– Иди ты, отец!

– Стыдно мне! Ты иди!

– И мне стыдно!

И мы вошли оба, и пока совершали покупку, я весь взмок, как будто мы совершали убийство! Почему? Потому что думал, что нас, монахов, увидят, что мы покупаем пирожные, а мы должны быть бесплотными и не есть сладостей...

Когда освободишься от болезненного стеснения, не становясь, однако, нахальным, тогда можешь легко общаться со всеми людьми, не чувствуешь, что зависишь от мнения другого человека. Если он тебя любит, хорошо, если не любит – еще лучше.

Вспоминаю одного старца со Святой Горы по имени Енох. Он был румын, сын аристократа, пришел пешком на Святую Гору из Румынии. Ему было 18 лет, когда он убежал от отца. Через 2-3 года отец нашел его и сказал: "Я тебя не оставлю жить здесь!" А Енох ответил: "А кто тебе сказал, что я пришел сюда жить? Я пришел умереть на Святой Горе!"

В монастыре я отвечал за монастырские ворота. Он подходил и говорил:

– Дай мне хлеба!

Чтобы его подразнить, я отвечал:

– Нету хлеба!

А он на своем плохом греческом отвечал:

– Слушай! Если ты мне дашь хлеба, то сделаешь мне добро, а если не дашь, сделаешь еще большее добро!

– Хорошо, дам тебе хлеба, чтобы не сделать большего добра!

Никакого затруднения, легкость. Чудесная простота!

Когда он бывал в Салониках, то выходил ночью на проспект Игнатии и смотрел. Смотрел на огни, на автомобили и говорил:

– Как хорошо! Слава Тебе, Боже! Какие огни!

Останавливался смотреть на детские игрушки, выставленные в витринах магазинов, смеялся, поднимал шум. Какой-то человек купил ему мороженое. Великое событие! Потом он целый год рассказывал об этом. На Святой Горе он рассказывал обо всем, что произошло в Салониках:

– Я ел мороженое!

И спрашивал других:

– А ты ел мороженое?

– Нет, не ел!

Простота, непринужденность – у смиренных людей. У них нет табу. Смиренный человек непринужден и все находят в нем утешение. Он утешает всех без исключения, потому что он – "место отдыха" для каждого.

Однажды Енох тяжело заболел. Были проблемы с желудком. Его рвало. Нужно было отправить его в Салоники к врачам. Тогда я был студентом и ездил на экзамены в Салоники. Его доверили мне. Ну что сказать? Мы были живописной картиной. Одна его одежда чего стоила! Материал рясы не был виден, на ней были тысячи заплат – красных, зеленых, синих, желтых... Ну, приехали в Салоники, переночевали. Вечером

следующего дня произошло страшное землетрясение. Рухнули многие дома. Погибли люди. Землетрясение было седьмой степени и очень долгое. Мы жили на пятом этаже. Все монахи, жившие там, бежали из своих комнат вниз. Я открыл дверь в комнату старца и прокричал ему:

– Отец!

– Что такое?

– Надо уходить – землетрясение!

– И куда мы пойдём?

– Пойдем вниз, а то погибнем здесь! Дом рухнет на нас!

– Ты, дьякон, не верующий, что ли? Никуда я не пойду! Захочет Бог, умрет Енох! Не захочет Бог, не умрет Енох!

Я сказал ему, что уйду. Оставил его и мы с другими монахами пошли в парк на противоположной стороне. За одну ночь случилось 1400 толчков. Весь город трясся. Люди покинули свои дома. Только старец Енох стоял на балконе с четками в руках и смотрел вниз на людей. Ничего его не смущало. Абсолютно ничего.

На другой день мы пошли к врачу. Врач сказал, что должен осмотреть его живот:

– Сними рясу! Разденься!

– Нет, не сниму!

– Как тогда я тебя осмотрю?

– А так не можешь осмотреть?

– Нет, не могу. Сними рясу!

– Если ты хочешь, чтобы я снял рясу, тогда я не хочу, чтобы ты меня осматривал!

И ушел. Я его уговаривал пройти врачебный осмотр. Безрезультатно. Мы вернулись на Святую Гору. У него опять была рвота, головокружение, он впадал даже в кому. Но убедить его было нельзя. На Святой Горе был другой румын – его исповедник. Я попросил его убедить старца поступить в больницу. Он пришел к нему и сказал: “Ну, Енох, ты очень гордый человек. Большой эгоист. Христос не постыдился взойти нагим на Крест, чтобы спасти мир, а ты стыдишься снять рясу, чтобы тебя осмотрел врач!”

И бедный старец, услышав эти слова, ужаснулся, сказал: “Благослови”, и на другой же день отправился к врачу. Там он снял рясу и врач осмотрел его. Затем врач сказал, что он не должен вообще двигаться, чтобы не получить осложнений. Даже не должен ходить в уборную. Как только врач ушел, старец сказал мне:

– Дьякон!

– Что, отец?

– Принеси мне газету.

Господи помилуй! Он еле говорит по-гречески, он румын. Я пошел и купил ему газету. Спросил его, что он будет делать с газетой и не хочет ли он, чтобы я прочел ему вслух новости. Он ответил: “Нет, не хочу новостей”. И отложил газету в сторону. Прошло два-три часа. Стемнело. Больница стихла. Вдруг он встал с кровати, огляделся вокруг, чтобы никто не видел, и начал класть поклоны. Я подошел к нему и спросил:

– Что ты делаешь, отец?

– Поклоны делаю.

– Разве врач не сказал тебе, чтобы ты не вставал с постели?

– А что, врач разве монах? Откуда ему знать, что вечером надо класть поклоны?

Такой вот простодушный человек. Расскажу вам о чуде, которое он совершил в своей простоте. Может быть это вас заинтересует.

Там, где мы поселились, неподалеку был молочный магазин двух сестер. Они были незамужними. Одной было 52 года, а другой – 47. Однажды старец Енох зашел в магазин и увидел баницы (слоеные пироги с брынзой). У него не было денег, он был очень беден. Он спросил сестер:

– Что это?

– Баницы.

– Сколько стоят?

– 25 драхм. Хочешь одну?

– У меня нет денег.

– Ничего, мы тебе дадим одну.

– Не надо! Они же денег стоят!

– Но у тебя же нет денег?

– Вместо 25 драхм я буду молиться в течение часа – можно?

Он встал в углу и начал: “Господи Иисусе Христе, помилуй рабу Свою...” Спросил их, чего они хотят. Они, бедные, в шутку сказали, что хотят выйти замуж. А он говорит: “За хорошего человека или за какого угодно?” – “За хорошего”. Случайно ли, от Бога ли, но через месяц вышла замуж одна, а затем и другая. Вышли замуж за хороших людей. Одна – за вдовца учителя, другая тоже за хорошего человека. И зажили счастливо.

Итак, гордыня – исчадие похвал. Когда нас хвалят, мы отягощаем свою жизнь, создаем идолов, надуваемся и порабощаемся. Таким образом мучаем себя и мучаем окружающих.

Гордыня – это знак бесплодия. Доказательство того, что ты не имеешь ничего, что ты бесплоден. То, что ты горд, показывает, что ты не имеешь никакого плода в себе. Абсолютно никакого.

Гордость – отказ от помощи Божьей. Гордость прогоняет помощь Божью. Она никогда не привлекает ее. Почему? Потому что гордый человек никогда не зовет Бога на помощь, никогда не чувствует, что нуждается в Божьей помощи. Он всегда ощущает себя самодостаточным. Не нуждается ни в в чьем совете, ни видит другого, который нуждается в помощи. Все-то он знает, во всем самодостаточен, на все способен, не нуждается ни в ком.

Гордость – предтеча безумия. Гордый человек сходит с ума. Он имеет настолько высокое представление о себе и такую веру в то, что говорит и проповедует, что действительно становится безумным. Ничего не понимает. Только то имеет значение, во что он верит, как он поступает.

Гордость – источник гнева у всех нас. Видишь ли гнев в себе, это конец! Гнев означает гордость. Невозможно гордому человеку не гневаться и наоборот – тот, кто гневается, всегда горд. Смиранный человек, независимо от того, ругают ли его, унижают, противятся ли его словам, не гневается, потому что не привязан страстно к тому, во что верит и говорит. Он имеет мир в себе. Он не теряет этот мир из-за того, что кто-то его обругал, обвинил или оклеветал. Все это для него – дым и не затрагивает его сердца. Гордый – наоборот. Даже при малейшем подозрении, что кто-то им пренебрег, он вспышивает. Я видел известных людей, крупных общественных деятелей, которые из-за того, что кто-то сел раньше их, сердились и покидали официальные приемы.

– Почему этого посадили раньше меня? Почему этот встал передо мной?

И делают сцены, становятся публичным посмешищем, потому что кто-то другой где-то там сел, превращают себя в карикатуру, уходят. В безумии гнева не понимают, что делают, что говорят.

Видишь это и говоришь себе – вот что делает с нами гнев! Мы опьяняем им и не знаем, что с нами происходит. Я видел людей, которые воображали, что их коллега или друг сказал что-то нелицеприятное о них, и так гневались, что превращались буквально в зверей! А это было только в их воображении! Сам создаешь миф и гневаешься на него!

Ворота лицемерия. Гордый человек не хочет быть таким, каков он есть, и искусственно украшает себя. Он интересуется мнением других. Что скажут о нем? Хочет, чтобы другие имели о нем хорошее мнение. Он скрывает свой гнев под улыбкой. Вы знаете эти улыбки, когда хочешь съесть другого, но пытаешься улыбаться. Внутри тебя все кипит, но ты стараешься не испортить хорошего представления о себе или, как говорят сегодня, своего имиджа.

Хранительница грехов. Гордость хранит наши грехи, потому что гордый никогда не кается. Он не имеет нужды каяться, ибо считает, что все делает хорошо, все у него в порядке, все в нем хорошо и красиво. Зачем каяться? Поскольку все у него в порядке, он хранит свои грехи как выглаженное и аккуратно сложенное белье. Но разница в том, что он носит их в себе.

Источник немилосердия. Гордость не позволяет тебе сострадать другому в его скорби, ибо ты становишься жестоким, очень жестоким. Пожалеть другого – исстрадавшегося, измученного и огорченного человека – это человечно, но радоваться радости другого – еще выше и духовнее. Например, кто-то выиграл миллион лир, пришел к тебе и говорит:

– Знаешь, я выиграл один миллион лир!

А ты себе говоришь: “Ах, я их потерял, не выиграл! Счастливец, он выиграл столько денег! Не мог ли я выиграть и дать ему половину?” А вслух говоришь:

– О, я очень рад! Очень обрадовался, когда услышал это!

Внутри тебя, однако, все переворачивается. Как обрадоваться счастью другого человека? Как обрадоваться его успеху? Как почувствовать себя счастливым из-за счастья другого? А что сказать о самом великом – как обрадоваться радости своего врага и быть счастливым из-за его счастья? Ведь тебе очень хотелось бы видеть, как он мучается, а не как испытывает счастье...

Итак гордость – причина немилосердия, ибо она не знает сострадания.

Она – жестокий судья. Ты судишь другого человека жестокими словами. На собраниях, которые происходили в Священном Киноте Святой Горы, в монастырях или скитах, иногда находился кто-то, кто произносил жестокие слова. Тогда другие говорили ему:

– Посласти немножко свои слова, отец!

Есть такое святогорское выражение.

Ладно, человек сделал ошибку. Нужно ли излить на него всю горечь и унижить его? Хорошо, мы не принимаем того, что он сделал, осуждаем его ошибку. Но можно это выразить добрыми словами. Посласти свои слова, не будь жестоким судьей другого человека. Ему что, мало своего несчастья? Старец Паисий, этот великий святой, когда говорил о других людях, даже о самом плохом человеке, говорил так, что делал его очень симпатичным. Он даже дьявола не называл дьяволом, чтобы его не обидеть. Он называл его болванчиком. То есть, думаешь, что это что-то симпатичное, дьяволенок... Он не хотел называть его жестокими и горькими словами.

Гордость – бесчеловечный судья. Гордый человек как будто справедлив и воздает справедливость, но берет нож и рассекает тебя на две половины. Его не интересует ничего. А что справедливо? Убить другого человека? Как том в случае с Соломоном, когда две матери претендовали на ребенка. Чтобы показать, что значит быть матерью и воздать справедливость, Соломон сказал: “Хорошо, вы обе претендуете на него, но не можете доказать, чей он. Возьмите нож, рассеките его надвое и пусть каждая возьмет себе половину!”

Тогда слово судьи исполнялось моментально. Одна из женщин взяла нож, но истинная мать сказала: “Нет, оставь его себе, пусть хотя бы останется в живых”.

Да, гордый человек – бесчеловечный судья. Его ничего не интересует, во имя справедливости он может убить другого человека. Справедливость Бога – иная. Поэтому св. Исаак Сирий говорит: “Никогда не называй Бога справедливым! Бог несправедлив. Почему? Потому что как назвать Бога справедливым после того как Он заставляет солнце светить праведным и неправедным и посылает дождь грешникам и святым?” Дождь должен падать только на святых, а не на грешников, а солнце должно светить только праведным, а не неправедным. Бог человеколюбив, Он – любовь и Его справедливость – иная. Его справедливость не в том, что кто-то тебя ударил, ты его тоже ударь, а в том, чтобы ты не отвечал на удар. Ответ добром на зло. Разве человеческая справедливость такова? Нет. Если кто-то взял твою одежду, ты тащишь его в суд. Божья справедливость говорит: дай ему остальную одежду. Сколько примеров есть в Патерике, когда у подвижника воры крали все вещи, оставляя ему только рясу, а он их догонял и совал ее им:

– Возьмите и рясу, вы ее забыли!

На Святой Горе был один старец по имени Феофилакт, у которого какие-то рыбаки воровали виноград. Однажды, вернувшись откуда-то, он увидел их в винограднике. И чтобы их не обидеть, залез на дерево и сидел там три-четыре часа, ждал, пока они не сорвут весь виноград и не уйдут. Не хотел их обидеть.

Гордый – противник Бога и корень хулы. Тема гордости настолько деликатна, что св. Иоанн Лествичник говорит, что она похожа треножник – как его ни положить, один конец всегда торчит. Эта тема так легко может ранить человека, что действительно нужно огромное внимание, чтобы помочь ему приобрести такой легкий и в то же время такой трудный и великий дар смирения. Смиранный человек по-настоящему свободен, любезен, тих и мирен. У него нет никаких затруднений ни с собой, ни с другими. Давайте искать причину гордости в себе, а не в других, потому что она – корень всех зол.

Переход через пустыню, или Как пережить период духовной сухости

Сегодня мы вместе с вами вспомним 28-й стих 118-го псалма: Воздрема душа моя от уныния, утверди мя в словесех Твоих.

Это особая тема в духовной жизни. Во внутреннем состоянии человека не могут не происходить изменения, и иногда случается и то, о чем говорит Пророк: Воздрема душа моя от уныния. Сегодня мы поговорим о том, что нам делать и как себя вести во время этих изменений.

Есть одна западня, в которую мы с легкостью попадаем, когда хотим подвизаться, — это наше стремление следить за своими чувствами. Что я имею в виду? Как все вы знаете, обычно происходит следующее: когда человек начинает ходить в церковь, в первое время он переживает состояние Божественной благодати, которая дается ему даром. В этот период человек испытывает божественную радость; он чувствует, как играет его сердце, движимое любовью к Богу; он с легкостью собирает свой ум; страсти в нем отступают, укрощаются; божественное просвещение осеняет его душу. Естественно, всё это рождает в нашей душе приятные, радостные чувства. Нам бывает тогда очень хорошо, мы чувствуем себя в высшей степени прекрасно. Мы действительно ощущаем себя словно в Раю, вкушаем радость Рая.

Однако приходит час, в который происходит некое изменение: вместо всего перечисленного мы вдруг ощущаем себя покинутыми, чувствуем в душе тьму, мрак, чувствуем, что Бог нас оставил или что мы оставили Его, вновь ощущаем гнет страстей, смешение помыслов. Мы больше не хотим молиться, наше существо противится молитве, не находит себе упокоения в деле Божиим, через силу мы убеждаем себя пойти в церковь и т.д.

Это противление, изменение человек воспринимает очень тяжело. Часто он огорчается и скорбит: «Почему я так себя чувствую? Почему я столкнулся со всеми этими трудностями, тогда как раньше ничего подобного не было?» Он начинает искать причины: может быть, дело в этом? может быть, в том? в другом?.. Но истина не в том, что человек где-то допустил ошибку. Истина в том, что человек должен научиться жить, так сказать, более твердо.

Как говорил приснопамятный старец Паисий, Бог похож на хорошего земледельца, который посадил маленькое деревце и поливает его каждый день, поскольку деревцу необходимо достаточное количество влаги для того чтобы пустить корни, прижиться и расти. Но постепенно земледелец начинает поливать его реже: сначала через день, потом — через два дня, через три, через четыре, через неделю, раз в две недели, раз в месяц. Так он поступает с целью помочь дереву пустить корни глубоко в почву, чтобы оно получало настоящую влагу прямо из земли. Ведь если оно будет расти на самой поверхности, то, когда придут ветры, ливни и непогода, оно не сможет устоять, будет вырвано с корнем и упадет.

Поэтому человек по промыслу Божию проходит это обучающее оставление Богом (оставление лишь кажущееся), педагогическая цель которого — чтобы человек глубоко пустил корни и устоял. По этой причине наша душа часто пересекает пустыню, переживает период сухости. Как во время засухи всё вокруг бывает иссохшим, нигде нет ни капли воды, — тяжелый период для природы, — так происходит и с душой человека. И в этот период человек должен быть крайне бдительным, чтобы, прежде всего, не потерять мужества. Он должен знать: мы верим в Бога и любим Его не потому, что Бог даровал нам те приятные, радостные чувства, какие были у нас вначале, но потому — и в этом мы абсолютно уверены, — что Бог всегда рядом с нами, и Он заслуживает того, чтобы весь наш подвиг мы совершали ради того, чтобы быть рядом с Ним. Подвизаясь таким образом, мы пребываем верными Богу, даже если само наше существо оказывает нам сопротивление. Наше существо приводит аргументы в свою пользу: вот, ты делаешь то и то, а результата нет, — или: ты пытаешься исполнять что-то, а внутренне испытываешь от этого большие затруднения, хотя раньше совершал это с удовольствием.

Пророк Давид в одном из псалмов говорит, что враги спрашивали его: Где есть Бог твой?(Пс. 41, 4, 11). Человек спрашивает себя: «Где есть Бог мой? Разве Бог не видит, как я страдаю, как я Его ищущу, как разыскиваю, что я — сплошная пустыня?» Бог, как внешне кажется, молчит и оставляет человека одного. В действительности это не так. Это просто субъективное переживание самого человека.

В этот период требуется большая вера. Человек должен устоять, сказав себе: «Ради любви Божией я пребуду на своем месте». Он не должен отступать и обращаться вспять: «Ну ладно, раз я делаю и не вижу никакого результата, то остановлюсь и больше ничего делать не буду. Ведь Бог мне не отвечает. Ведь Он не откликается. Ведь я столько уже подвизался, но ничего от Него не получил. Брошу я всё это». Бог желает уберечь нас от «чувства бакалейщика», то есть от ощущения, что мы покупаем благодать. Ведь она потому и называется благо-дателью, что Бог дает ее даром. Мы не покупаем ее. Мы не пускаем ее в оборот между нами и Богом. Бог просто дает нам ее. Не по какому-то закону, который мы исполнили, не по нашим делам, но по Своей любви и милости Он нас спас, и по Его благодати, данной нам даром, пришло наше спасение и наше вечное единство с Ним.

Вместе с тем в этот трудный период мы должны быть внимательными и делать всё возможное, чтобы не оставить наше правило. То малое правило, которое каждый из нас совершает ежедневно, помогает нам устоять. Пусть это будет маленькая молитва, которую мы совершаем вечером или утром, наш небольшой пост или что-то другое, что мы исполняем (причащение, исповедь) — мы должны подвизаться за то, чтобы соблюдать всё это в точности, даже если сейчас, в трудный период, не видим от этого результата. Если мы сохраним всё это, если пребудем на нашем месте и, несмотря на давление событий и помыслов, останемся

стойкими и будем продолжать бороться, — тогда будем уверены, что Бог вновь вернется к нам (хотя в действительности Он всегда рядом с нами). И тогда человек начнет приносить сладкий спелый плод во время свое (Пс. 1, 3). Не во мгновение ока, как мы мним в первый период духовной жизни, когда впервые познаём Бога и через неделю считаем себя уже достигшими Божественной меры. В духовной жизни человек созревает постепенно и преуспевает возрастом и благодатию (Лк. 2, 52), и строит всё духовное здание на смирении.

Период сухости — самый лучший период нашей духовной жизни. И это мы всегда должны иметь в виду. Когда мы переживаем период сухости — мы переживаем самый лучший период нашей жизни, потому что в это время человек закладывает правильный фундамент. Это время смиряет человека, уничтожает его душу даже до смерти, и его душа сходит до ада. И тогда человек видит, что его дела — ничто, и сам он — ничто, ноль. Но он не должен от этой уничтоженности впасть в безнадежие, а должен держаться такого убеждения: единственное, что для меня осталось, — это вера и надежда на Бога. Когда он будет так подвигаться, тогда приходит любовь, которая выше веры и надежды, и человек уже наслаждается в любви Божией. Он наслаждается, но перед этим он преодолел длительный период сухости — испытание, которое иногда длится многие годы. Авва Исаак Сирийский пишет о себе, что почти тридцать лет его душа не чувствовала действия благодати^[1].

Господь — хороший педагог. Как учитель, когда видит, что ребенок имеет желание учиться, но он несколько ленив и наивен, то начинает подталкивать его к занятиям, заставляет читать больше, задает ему больше уроков, иногда даже устрашает его тем, что такой-то учится лучше. Учитель видит, как продвигается его ученик, он знает его возможности, и потому, если оставит его без внимания, то, по сути, причинит ему вред. Учитель подталкивает его к тому, чтобы он приобретал еще большие знания. Так поступает и Бог, Который видит любочестивую душу человека, видит, что у нас возникает иногда благое стремление и желание, но мы не имеем сил или произволения, не хотим делать большего, лень и другое подобное нас парализует. И Бог своими «педагогическими приемами»: сухостью, испытаниями, скорбями, искушениями, помыслами — устраивает так, что человек находится в постоянном духовном бодрствовании и движется вперед.

Я всегда вспоминаю два высказывания: одно — древнего старца, другое — современного. Слово древнего старца было следующее. Как-то раз брат спросил одного монаха, достигшего великой меры непрестанной молитвы: «Как ты смог достичь столь великой меры? Кто научил тебя молиться?» И тот, улыбаясь, ответил: «Демоны. Они научили меня молиться». — «Но как это возможно, чтобы демоны учили нас молитве?» — «Да. Они воздвигали против меня такие невыносимые брани, что я постоянно был вынужден пребывать в бодрствовании, духовном трезвении с молитвой на устах и в уме, потому что стоило мне лишь немного оставить молитву, как тотчас же в меня вторгались помыслы, пожелания, образы и поработали меня греху».

Другой старец, современный нам, отец Ефрем Катунский при каждой нашей встрече всегда говорил нам: «Будьте внимательны, не оставляйте пустоты между вашим умом и Богом». Многие годы я не мог понять этих слов. Что же они означают? Они означают, что наш ум должен быть настолько соединен с Богом, с памятью о Нем, чтобы в нашем общении с Ним не было ни трещинки, через которую в любой момент могут войти помыслы, желания, страсти, иначе говоря, то, что разлучает, разъединяет нас с Господом. Это бодрствование есть то средство, которое действительно помогает нам иметь крепкие корни для того, чтобы устоять в тяжелый период засухи, и удерживает нас в контакте с благодатью на протяжении всей нашей жизни. Мы должны пребыть верными Богу. Верный человек — это не только тот, у кого всё хорошо, и потому он верит в Бога и призывает Его. Верный — это тот, кто в период сухости, когда всё в нем сопротивляется, когда всё говорит об обратном, когда его душа ничего не чувствует, безусловно верит, что Бог его не оставит: Бог здесь, Он не оставит меня умереть во время этой засухи.

Отцы сравнивают это состояние души с сорокалетним странствованием израильтян по пустыне. Бог вывел их из Египта и они сорок лет блуждали по Синайской пустыне и никак не могли достичь Земли обетованной, Палестины. Она была рядом — на расстоянии двухмесячного пешего пути. Но израильтяне шли сорок лет в земли пусте, непроходные и безводные (Пс. 62, 2). Там они подверглись многим бедствиям, невзгодам, испытаниям. И однако они остались верными. Когда они начали роптать, что в Египте им было лучше и потому стоит туда вернуться, всех их постигло бедствие. Писание говорит, что после того евреи стали говорить: лучше пусть кости наши падут в этой пустыне, чем мы вернемся в Египет.

Знаете, иногда мне приходится слышать следующие вещи: «До того, как я начал регулярно ходить в церковь, я чувствовал себя гораздо лучше. У меня не было помыслов, я никого не осуждал, всё у меня было в порядке, всё мне было понятно, а теперь я не понимаю ничего». Наша предыдущая жизнь начинает нам представляться в лучшем свете, чем нынешняя. Сейчас, когда мы ходим в церковь, наше положение, как нам кажется, осложнилось: мы ничего не чувствуем, целыми днями осуждаем, всё у нас вверх дном — в общем мы не ведем хорошей духовной жизни. Мы уже иначе смотрим и на людей, живущих вне Церкви, говорим себе: «Посмотри, эти люди, которые не ходят в храм, какие они спокойные, безмятежные, их жизнь — сплошная радость, всё у них в порядке и на работе, и в семье, они такие радостные, общительные». В нашем уме происходит перемена, нам вдруг представляется, что жизнь без Христа лучше нашей жизни, и это тянет нас обратиться вспять. Здесь от нас требуется принять решение: пусть лучше мы умрем в пустыне этого Божия испытания и оставим в ней наши кости, чем вернемся к прежней жизни, чтобы наслаждаться той радостью, которая, как нам кажется, там есть.

Бесспорно, что человек, перенося всё это, испытывает душевные страдания. Но если ему удастся преодолеть препятствия со стороны своих желаний, образов и фантазий о самом себе и смириться перед Богом, тогда он находит ключ к отдохновению. Ключ этот — молитва со слезами. Слезная молитва приносит успокоение человеку, имеющему глубокое смирение. Я говорю не о слезах, соединенных с жалобами и недовольством, когда человек начинает судиться и говорить «почему?», например: «Почему, Боже мой, Ты меня оставил? Почему Ты мне не помогаешь? Зачем Ты меня оставил одного, и я теперь грешу? Почему я дошел до такого скверного состояния?» Рождается много этих «почему». Но если человек всё это презрит, закроет на это глаза, падет ниц пред Богом, со слезами раскроет перед Ним свое сердце и изольет всю свою боль в молитве, тогда он находит большое утешение. Настолько большое, что после того как пройдет период испытания, для человека наступает лето, то есть новый хороший период. И человек с ностальгией вспоминает минувшее и то сладкое утешение, которое дал ему Бог, в то время как он не имел никакого человеческого утешения.

Будем уверены в том, что Бог не презрит нашей молитвы. Он не презрит нашего стенания, нашего испытания. В этот период сухости в человеке происходит подлинная внутренняя духовная работа. Если человек не переживает состояния сухости, если не проходит испытаний, значит, Бог еще не начинал Своей работы с ним. Значит, всё совершаемое человеком еще незрелое и сырое, он еще не вошел в печь, чтобы испечься.

В приведенном нами стихе псалма пророк Давид говорит: Воздрема душа моя от уныния. Одна из самых страшных стрел искушителя против нас, против нашей души — это уныние. Уныние парализует дух, и человек не хочет ничего. Всё ему кажется неприятным. Как больной, который теряет аппетит и не хочет есть: ему приносят рисовую кашу на молоке — «не хочу», приносят рыбу — «не хочу», приносят самую лучшую еду — «не хочу». Всё ему кажется горьким, плохим, отвратительным. Он ничего не хочет, у него нет аппетита. Если ты и дашь ему что-то, то он съест это только через силу.

Подобное бывает и с душой человека от уныния. Оно производит в человеке то, о чем говорит пророк, — дремание. Когда ты дремлешь, ты садишься в кресло, тебя охватывает сонное оцепенение, ты растягиваешься и предаешься этой дремоте. Таково уныние — стрела, которая в тебя попадает, и ты впадаешь в оцепенение всем своим существом: и духовно, и телесно. Ведь наше тело не может устоять: оно начинает болеть, как-то реагировать. Дремание от уныния — одно из самых сильных орудий, которое диавол обращает на человека, духовно подвизающегося в молитве, поучении, исихии, любви Божией.

Откуда возникает уныние? Одна из главных причин — это житейские попечения. Они всех нас охватывают, борются, окрадывают — а мы того и не понимаем. Искушитель без конца подбрасывает нам заботы, заботы, заботы — чтобы мы не могли остановиться. От них человек устает телесно и душевно и не имеет потом аппетита к духовной деятельности. Он и не может его иметь. Если к вечеру ты уже в разбитом состоянии, что тогда ты сможешь сделать? И так день за днем, день за днем. В конце концов, эта усталость отнимает у человека время и расположение к тому, чтобы хоть немного взглянуть на себя.

Да, конечно, у всех нас есть определенные обязанности, но не будем сами прибавлять к ним еще что-то сверх, что отнимет наше время и похитит последние оставшиеся силы. Умеренность и простота в жизни христианина — вот главное основание для того чтобы иметь большую легкость в нашем общении с Богом. И ответ сегодня

тому потребительскому обществу, в котором мы живем, состоит в том, что таков обычай Церкви: Церковь пользуется миром, но не мир пользуется Церковью. Ты — господин вещей, а не раб их. Ты — владелец своего времени и своих вещей, а не раб тех дел, которые в действительности тебя разрывают и не оставляют тебе возможности заняться тем, чем ты должен заниматься.

Духовного человека диавол не будет бороться напрямую, то есть не будет говорить тебе: «Знаешь, походи-ка вступи в незаконную связь, соверши грех». Ведь если он это скажет, значит, вступит с тобой в борьбу. Но он сначала приблизится, посмотрит: «Так, чем он тут занимается? А, он очень бдителен, следит за собой, молится, постится, подвизается...» Враг в первую очередь найдет способ, как отклонить тебя от того, что ты делаешь. Он отыщет для тебя множество хлопот, чем-то тебя займет, лишь бы ты перестал молиться и устремился к другим вещам. Он создаст для тебя такие условия, чтобы ты оставил свою духовную жизнь, а как только ты обессилишь, схватит тебя и заставит делать то, что хочет он. Враг сломает тебя, как соломинку. У тебя нет сил, ведь ты потерял молитву, участие в таинствах, исповедь. Ты в нерадении. Нерадение и уныние обнажат тебя и приведут на грань падения. Волей-неволей всё закончится падением.

С этой дремотой уныния нужно бороться. Об этом пророк Давид говорит далее: утверди мя в словесех Твоих. То есть утверди меня в вере. Ведь когда колеблется вера, тогда человек уже не сопротивляется греховному предложению. Утверди мя в словесех Твоих означает также «Господи, покажи нам необходимость иметь в себе словеса Божии». Подобно тому, как в нашем доме есть кладовая для продуктов и, когда наступают трудные времена, мы можем жить на запасы из этой кладовой. Или, как говорил старец Паисий: «Смотрите, работайте хорошенько духовно, чтобы получать духовную пенсию, чтобы, когда вы уже не сможете работать, к вам приходил конверт с квитанцией на получение». Что он хотел этим сказать? То, чтобы ты, когда у тебя духовно всё в порядке, ревностно подвизался, а во время испытания, в период духовной сухости имел духовные сбережения, собранные из поучений, из словес Божиих, из молитвы, и всё стойко выдержал. Чтобы не смог искушитель, враг, помысел убедить тебя, сказав: «Посмотри — ничего нет». Но почему вдруг нет? Вчера Бог был со мной. Вчера Он говорил со мной в моем сердце. Вчера я радовался вместе с Ним. Разве нет Его и сегодня? Есть. Вчерашний Бог, сегодняшней Бог, завтрашний Бог — один и тот же Бог.

Поэтому молитва поучение в слове Божиим, в творениях святых отцов — это некий вклад духовных ценностей, который мы имеем в себе, чтобы во время трудностей питаться из него. Борьба, которую мы ведем в благоприятный период — это пища, о которой мы вспомним, когда придут испытания, говоря себе: «Посмотри, Бог нас не оставляет. Минует это испытание, и вновь Господь придет, вновь наступит день». Есть день, и есть ночь: 12 часов ночи и 12 часов дня. Еще не было случая, чтобы ночь не прошла. За исключением нашей последней ночи. Но если это всё же не последняя наша ночь, то день наступит обязательно. Смена времени суток произойдет. То же и в духовной жизни. Ночь пройдет и взойдет солнце. Пройдет испытание, и после него мы увидим сладкие плоды.

Еще раз повторю и на этом закончу: самая правильная духовная деятельность бывает у человека в период испытаний и сухости. Именно тогда происходит духовная деятельность. Какие фрукты становятся сладкими? Те, которые выросли на «безводье». Самые сладкие арбузы и дыни — «безводные», которые не наполнены водой, как прочие. Они сладки и ароматны, потому что выросли в трудных условиях. То же самое и с человеком. Кто «испечен» в трудностях и пребывает верным Богу, не уступает, он говорит: «Я не хочу шоколада от Бога, я хочу Самого Бога. Я обрету Бога в этих испытаниях. Я не убегу от Него. Не откажусь от своего места. Даже если мне предстоит здесь умереть, я паду в борьбе, но назад не поверну ни за что».

Когда человек скажет так и пребудет в таком устройении, прилагая все свои силы, несмотря на давление искушителя, тогда Бог поистине радуется и награждает этого человека. Этот человек действительно борец, атлет. Атлет Христов. И он вкусит обильные, прекрасные и сладкие плоды, когда минует время искушения.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

[1] Слово 31: «Знай, чадо, тридцать лет вел я брань с демонами, и по истечении двадцатого года вовсе не видел себе помощи. Когда же прожил я и пятый из последних десяти, тогда начал находить упокоение. И с течением времени оно возрастало. И когда прошел седьмой год, а за ним наступил осьмой, упокоение простерлось до большей гораздо меры. В течение же тридцатого года, и когда онный приходил уже к концу,

так сильно стало упокоение, что не знаю и меры, до какой оно увеличилось». И еще присовокупил: «Когда захочу встать для совершения службы Божией, могу еще совершить одну славу; а что до остального, если буду стоять три дня, в изумлении пребываю с Богом и нимало не чувствую труда». Вот какое ненасыщаемое упокоение порождено многотрудным и долговременным делом!»

Условия для совершенной молитвы

Великий пост – самое прекрасное время в жизни христианина, время, когда мы в особенности прилежим важнейшим в нашей жизни деланиям: покаянию, очищению сердца, молитве. О том, как провести Великий пост с духовной пользой, каковы условия для совершенной молитвы, рассказывает в своей беседе известный проповедник митрополит Лимасольский Афанасий.

Сейчас мы проходим период поста. Телесный пост является одним из важных условий для молитвы. Отцы говорят, что когда человек постится, то даже его кровь (конечно, они говорят это, не будучи ни гематологами, ни биологами, ни еще какими-то учеными) каким-то образом утончается, что очень помогает ему в молитве. То есть когда человек хочет жить духовной жизнью, одно из первых дел, какие ему следует совершить – это начать поститься. И самый легкий вид поста – это воздержание от еды. Прежде всего хочу сказать, что молитва – это естественное служение (λεϊτουργία) человека. То есть когда человек молится, тогда он на самом деле действует естественно, соответственно тому, каким Бог его создал, соответственно своей природе. Для человека естественно быть обращенным к Богу, находиться в общении с Ним. Это состояние прервалось после грехопадения, и ум человека уже с легкостью рассеивается, не стоит на месте, поскольку прилепляется к определенным предметам. Ум человека убежал от Бога и обратился к чувственным вещам, будь то так называемые материальные предметы или страсти, наслаждения, грехи. Следовательно, одно из основных условий для молитвы – достижение человеком, насколько это возможно, свободы от своих страстей.

Однако нечто большее, чем этот пост, есть пост духовный, воздержание ума, то есть когда человек начинает отсекал все ненужные вещи, какие он собирает вокруг себя ежедневно. Как говорил старец Паисий, нужно перестать собирать мусор в наш ум. Ведь если человек целый день чем-то себя наполняет из того, что его окружает; если ум его узнаёт что-то новое, бывает занят множеством разных дел; если человек непрестанно говорит; если ум его принимает в себя множество образов, фантазий, изучает то, что его не касается, не является его делом, не приносит ему пользы, – тогда все эти ненужные дела, весь этот мусор станет препятствием для человека, когда он пойдет молиться.

Молитва требует создания определенных условий. Она не есть нечто, совершаемое просто так – здесь и сейчас; не будет так, чтобы мы нажали кнопку – и тотчас внутри нас начала совершаться молитва. Чтобы человек мог помолиться, необходимы определенные условия внутри него самого. Надо духовно трудиться, чтобы молитва дала результат. Ведь молитва есть итог всех духовных деланий, какие мы совершаем.

Телесный и духовный пост взаимосвязаны. Пост телесный отлепляет ум человека от вещественной пищи, очищает человека телесно. Он приводит и к тому, о чем говорится в тропаре: «Постимся братья, не только телесно, но и духовно». Постится язык, постятся глаза, постятся чувства – всё у нас в воздержании. Человек при посте телесном ест то, что ему необходимо, что дает ему силы жить и работать, но отсекает всё, что является излишним, бесполезным, что не имеет прямого отношения к его жизни. Подобное происходит и с постом наших чувств: всё излишнее отсекается, остается лишь существенно нужное. Святые отцы говорят, что когда человек ведет внимательную жизнь, то внимание, которое он имеет днем, содействует освящению, которое человек получает ночью^[1]. Итак, когда мы внимаем себе днем, с тем чтобы не собрать в наш ум множество вещей, тогда ум каким-то образом сберегает в себе эту силу внимания, эту, скажем так, направленность, и передает ее молитве. Мы не можем, например, после шумной ночи, когда мы предавались

развлечениям: распевали песни, пили, танцевали – после всего этого сразу приступить к молитве. Ум наш не может собраться, это ему трудно.

Мудрость заключается именно в том, чтобы человек ограничивал себя, – не в том смысле, чтобы он отсекал всё, чем должен заниматься, живя в миру. Понятно, что мы имеем определенные обязанности, поскольку живем в обществе, поскольку многое наполняет семейную жизнь. И мы должны исполнять эти обязанности, но всё это не должно выходить за рамки, должно совершаться в меру, в пределах необходимого. Например, я иду куда-то, потому что это необходимо по моим обязанностям, ради моей семьи, детей, супруги и т. д., но всё это имеет меру. И куда бы я ни пошел, я сохраняю внимание, я внимателен, мой ум обращен на молитву. Когда я исполняю дела необходимые, они не являются большим препятствием в моей молитве, в этом случае человек легко возвращает к себе свой ум. Действительное же препятствие возникает тогда, когда человек занимается, по сути, бесполезными вещами, исполнять которые нет необходимости, тем более если эти занятия связаны с нарушением Божией заповеди. Таким образом, молитва – это не психосоматический метод, такой как, например, йога; молитва – это не какое-то размышление, но это – синергия человеческой воли и благодати Святого Духа. Обязательно должна соприсутствовать, содействовать благодать Святого Духа, и если она присутствует, то это означает, что человек живет по духу заповедей Божиих.

Мы не можем молиться, или, по крайней мере, встречаем препятствие, если сознательно нарушаем заповеди Божии. Мы на собственном опыте видим, что лишь только приходим на молитву, тотчас наша совесть выражает протест, встает перед нами и, как высокая стена, не позволяет нам ощутить, встретить Святой Дух Божий. Она протестует: в чем-то мы преступили заповедь, в чем-то вольно или невольно не были внимательны, и, чтобы обратиться, с нашей стороны требуется подвиг покаяния.

Люди, которые в строгости, в борьбе и молитве проводили свою жизнь, на личном опыте вкусили, насколько трудное дело для человека – молиться, как говорится в чинопоследовании Литургии, со дерзновением, неосужденно. Призывать Небесного нашего Отца со дерзновением, неосужденно. Я знал современных святых старцев, которые только из-за одного сказанного ими слова подвизались целыми месяцами, чтобы вернуть дух молитвы. Вспоминаю, как однажды мне рассказал один старец (сейчас он уже почил), как кто-то его спросил о его духовном отце, который по характеру был очень тяжелым человеком: «Как поживает Геронда, хорошо?» А он ответил с некоторым недовольством: «Да что ему делается? Э-э... хорошо поживает». И вот этот недовольный тон, допущенное при этом мысленное осуждение старца, то, что он представил его как бы не в очень хорошем свете – всё это стало причиной того, что благодать оставила его на целые месяцы, он не мог молиться. Он шел молиться и чувствовал перед собой словно стену, которая препятствовала приблизиться к нему Духу Божию. И ему пришлось со многими слезами, со многими поклонами подвизаться в том, чтобы покаяться перед Богом и таким образом мало-помалу загладить свой грех и обрести свое прежнее молитвенное состояние.

Неоспоримый факт: одно слово, один взгляд, одно движение нашей души способно изгнать из нас дух молитвы. Почему? Потому, что Бог хочет нас научить тому, что молитва – это результат всех остальных духовных деланий, какие мы имеем. Она – плод благодати, а благодать пребывает в человеке только благодаря хранению заповедей Божиих. Бог не действует там, где преступают Его заповеди. Так происходит не потому, что Бог неким эгоистичным образом уходит оттуда, где преступают Его заповедь, но потому, что это преступление свидетельствует о том, что наше существо получает рану, обрывается нить нашего общения с Богом, и мы сами добровольно оказываемся теми, кто ломает приемник, улавливающий волны Божественных энергий и благодати.

Как человек встречает препятствия в молитве от тех занятий, которые противоречат воле Божией, так он может и помочь себе теми духовными деланиями, которые угодны Богу. Например, когда мы даем милостыню вещами или деньгами или оказываем поддержку нашим братьям добрым словом в их немощи, скорби и беде – одним словом, какую бы милостыню мы не совершали, какую бы любовь не являли в отношении другого человека, результатом этого будет (и тому есть свидетельства) то, что мы получаем энергию благодати, которая необыкновенно помогает нам в молитве.

Также случается и противоположное: если мы отказываем в помощи нашему брату, результат этого – немедленное прекращение молитвы. Невозможно никогда, чтобы мы, отказав другому человеку в помощи, могли молиться. Это опыт жизни, и я думаю, все мы его имеем. Отцы, исходя из большого личного опыта, шли на большие жертвы, только бы не потерять действия Божественной благодати из-за того, что они отказались дать кому-то ту или иную вещь. И много раз Бог позволял, чтобы были испытаны люди Божии, Его служители, чтобы обнаружилось, действительно ли они соблюдают эту Божию заповедь. У меня на памяти множество примеров, когда ясно было видно, что по человеческой логике заповедь можно было бы исполнить с меньшей для себя жертвой. И, однако, когда человек следовал человеческой логике, происходило то, что Бог покидал человека, и тот не мог ничего сделать.

Помню, когда я был в Новом Скиту, там был один старчик, отец Элпидий, киприот, брат священномученика Филумена, святой человек. Он жил с нами, и мы ухаживали за ним в его старости. Отец Элпидий был человеком великой молитвы. Когда я пришел в нашу общину в Новом Скиту, мы жили в ужасной нищете, не имели совсем ничего, часто даже еды. Этот старчик, поскольку раньше, до прихода на Святую Гору, некоторое время работал в Красном Кресте, каждый месяц получал маленькую пенсию. И вот на эту крошечную пенсию жил и он, и вся наша община, а нас было много. Часто к нам заходили разные просители милостыни (по Святой Горе ходит много таких людей). Старец всегда подавал всем. Никогда не было такого, чтобы кто-то приходил, а отец Элпидий ему не подавал хоть сколько-то. Конечно же, многие из тех, которые просили денег, не имели особой нужды: просить – это просто была их профессия. Пришел как-то один такой и говорит: «Геронда, дай мне тысячу драхм». Учтите, что в тот 1982-й год, когда это происходило, тысяча драхм для Святой Горы была целым событием, значительной суммой. Конечно же, мы, младшие, внимательно следили за старцем, боясь, что он раздаст все деньги, и тогда не сможем прожить ни он, ни мы. И вот я стоял неподалеку и говорю этому просителю: «Никакой тысячи драхм». Мы знали про этого человека, что он был обманщик: он так бродил и попрошайничеством занимался как профессией. И вот я говорю старцу: «Нет, не давай ему тысячу драхм. У него есть деньги, это его профессия – просить, его работа. А у нас здесь такая нужда! Дай ему поменьше, дай ему пятьсот драхм». «Ну хорошо, пусть будет пятьсот» – ответил старец, он был очень простым. Отец Элпидий взял пятьсот драхм, отдал их мнимому нищему и тот ушел. После вечерни мы увидели, что старец очень расстроен, места себе не находит. Он сказал мне, что чувствует, что сегодня он не вместе с Богом. Но что же он такого сделал? Он сказал, что сегодня приходил проситель милостыни и попросил тысячу, а мы не дали ему. «Как не дали, Геронда, мы дали ему! Мы дали ему пятьсот драхм! Больше мы не могли. Больше у нас нет. Сколько могли, столько дали», – сказал я. «Нет, – ответил он, – пойди и отыщи его, дай ему остальные пятьсот, я не могу молиться. Я потерял молитву. Ее нет у меня». Мы взяли пятьсот драхм, пошли по монастырям, нашли того монаха и отдали ему деньги, которые он просил. Не потому что мы были его должниками или имели перед ним какую-то обязанность. Итак, вы видите, что у духовных людей иные мерки.

Подумайте об этом, подумайте: невозможно молиться, когда мы нарушаем заповедь Божию, а в особенности, когда оставляем заповедь о любви. Мы же не только ее не соблюдаем, но по большей части имеем в сердце ненависть, вражду и злобу. Между тем другие грехи – более грубые, материальные и, наверное, скажем так, более тяжкие – могут оказаться гораздо меньшим препятствием для нашей молитвы. Даже в том случае, когда совершен плотской грех, если человек смиряет себя перед Богом и стоит перед Ним как уязвленный и израненный, его молитва может быть услышана. Но когда мы нарушаем заповедь о любви, то этого препятствия нам преодолеть невозможно. Я думаю, что в этом отношении Бог не допускает компромиссов, ведь Он Сам сказал: «Если ты пойдешь к жертвеннику принести дар твой и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь дар твой, пойдди примиришься с братом и тогда возвращайся». Христос не сказал: если ты придешь принести дар (то есть придешь помолиться), и будешь иметь плотской грех, будешь иметь какой-то иной грех, то пойдди сначала и разберись с этим, а потом придди... Нет, Он этого не сказал. Он говорил о любви, и о любви определенного рода, о любви к брату. И из опыта отцов мы знаем, что есть нечто, чего Бог никогда не допускал. Он никогда не допускал помогать в молитве человеку, который в своем сердце имеет какую-либо страсть против другого человека. И более того, если говорить точнее, Бог не будет нам помогать в молитве, если другой человек имеет что-то против нас. Именно об этом говорит здесь Евангелие. Оно не говорит: «Если ты имеешь нечто против твоего брата, уладь это с ним», но: «Если вспомнишь, что

брат твой имеет нечто против тебя», и это означает, что если у нашего брата на душе тяжело из-за нас, если он огорчен на нас и обиделся, тогда мы не можем молиться.

Конечно, вы скажете: «Отец, что нам делать? Есть люди, которые нас не любят, которым мешает даже наше присутствие. Как нам поступить?» Да, это проблема. Апостол говорит: «Братья, если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми» (Рим. 12, 18). Мы будем делать всё, что можем, чтобы иметь мир со всеми, будем прилагать усилия, чтобы наш брат был упокоен. Если же брат не успокоился, не принял нашего старания по отношению к нему, то это его дело. Однако мы обязаны сохранить свою совесть по отношению к брату, сделать всё возможное для его упокоения, для того, чтобы его сердце не имело ничего против нас. Так, чтобы, когда мы предстанем на молитве пред Богом, совесть не обвиняла нас ни в чем, и не было ничего, что отгоняло бы от нас Духа Святого.

В житии святого Иоанна Милостивого, который был патриархом Александрии, рассказывается, как однажды он отругал одного своего диакона: что-то случилось, и он его побранил. Когда после этого святой Иоанн пошел совершать Литургию, он почувствовал, что Дух Святой не присутствует на Литургии, благодать Святого Духа не сходит для совершения таинства. И он понял: что-то случилось. Как человек Божий он знал, что значит таинство, что значит Евхаристия, потому что всегда, когда совершал Евхаристию, видел, как благодать Духа Святого прелагает Честные Дары. А в этот раз он не видел благодати. «Что случилось? – начал он спрашивать самого себя, – Что же случилось?» Спрашивая себя, он вспомнил, что накануне побранил диакона. Он остановил Литургию на середине, пошел в город, отыскал диакона, попросил у него прощения, затем вернулся и совершил Литургию. И вновь, как и прежде, увидел благодать Святого Духа.

Итак, этот момент очень важен, но мы, к сожалению, часто не обращаем на него внимания. И считаем, что достаточно, если говорим: я ни с кем не в ссоре. Мы можем при этом чью-то жизнь превращать в мучение, говорить друг другу множество грубостей, совершать против ближнего множество неблагоприятных поступков – а после забываем о том. Я прогневался – и тотчас об этом позабыл. Говорим: «Прошло две минутки, и я всё забыл». Ну хорошо, у тебя всё прошло через две минуты, а твой ближний это два года помнит. Что же нам делать?... Ты выходишь из себя от гнева, переворачиваешь всё верх дном, и потом у тебя всё проходит, однако другой человек душевно травмирован, обижен. Эта его травма, его тяжесть на сердце против тебя означают для тебя препятствие в молитве, и если бы ты был человеком молитвы, то понял бы, что между тобой и Богом стоит стена. И если бы у тебя было побольше рассудительности, ты бы понял, что это препятствие возникло от того, что твой брат имеет нечто против тебя. Твой брат огорчен на тебя.

К сожалению, как бы мы ни поступали, и сами мы, и мир вокруг нас живет со своими трудностями и проблемами. И все мы без исключения имеем людей, которым мы, одним словом, не нравимся. Но нам невозможно быть невидимыми, невозможно скрыться, так чтобы нас видели только те, которые хотят нас видеть. К сожалению, для тех, кто нас не любит, само по себе наше существование – проблема, для них просто видеть нас – уже нежелательно, трудно, тяжело.

Когда мы, христиане, по слову Божию, вызываем у других чувство ненависти, то в этом случае мы бываем виноваты, если не делаем, что можем, для того, чтобы упокоить наших врагов. Не пойдем раздражать нашего врага, не станем беспокоить его, чтобы не оказаться виновными. Не беспокой другого человека, если видишь, что он из-за этого сердится. Не тревожь его, если можно.

Во-вторых, мы виноваты в том случае, если не молимся за тех наших братьев, которые нас не любят. Не молимся за них с болью, с большим напряжением. Потому что наш долг – покрыть своей молитвой всех тех, кто питает к нам неприязнь, и, опять, насколько это в наших силах, сделать всё зависящее от нас для того, чтобы упокоить брата. Конечно, если это возможно. Если же это, к сожалению, невозможно, если мы не в силах его упокоить, тогда будем пребывать в молитве за брата, для которого наше существование представляет проблему. То есть, возможно – а так оно и бывает – будут люди, у которых окажутся проблемы с нами, что бы мы ни делали. Здесь от нас требуется рассмотреть свою совесть, сказать себе: «Почему у моего брата возникли проблемы?», увидеть, в чем наша вина. У нас есть склонность оправдывать себя: «Я ничего ему не сделал». Но ведь это твое субъективное и относительное суждение! Человек Божий в такой ситуации говорит: «Пусть в данном конкретном случае я ничего не сделал, однако я сделал многое другое, в чем

повинен. Ведь если бы я действительно был человеком Божиим, то имел бы силу упокоить и моего ближнего, и моего врага, и того, кто, лишь только меня увидит, тотчас чувствует отвращение». И знаете, что он еще говорит? Он говорит: «Мой брат прав, действительно, всё так и есть, он справедливо от меня отвращается, справедливо чувствует ко мне неприязнь, справедливо враждует против меня»... Но я не могу не существовать, Бог дал нам бытие, и мы не можем сами по себе погрузиться в небытие.

Итак, это свидетельство совести относительно нашего брата, этот факт любви есть непереносимое условие, чтобы мы могли помолиться. Иначе мы молиться не сможем. И это касается всех сторон нашей жизни. Скажем, в браке – как ты можешь помолиться, когда ты не упокоил не брата, не соседа, не гостя, а твой собственный дом, твою вторую половину – твою супругу или твоего супруга, твоих детей? Нам невозможно молиться, если мы создали в своем доме обстановку вражды, злобы, холодности – это невозможно. Да, мы можем произносить слова молитвы, но наш дух не направляется в нее. И наоборот, когда человек смиряет себя и считает себя виновным в той или иной дурной ситуации, обращается с любовью к тому, кто находится с ним рядом, тогда благодать не замедлит прийти к нему. И мы видим в таких случаях, как наша молитва движется со всей силой, какая есть у нас. Всего лишь одно простое движение любви! То есть мы можем сказать, что ключ, который в нашем распоряжении и который вводит нас в поток молитвы, – это любовь. Поэтому для молящегося человека необходимо подвизаться в любви, где бы он ни был, чтобы он мог пребывать в духе молитвы.

Следующее, что приносит очень большой вред молитве и неразрывно связано с любовью, – это осуждение. Ведь когда мы любим, то, конечно же, не осуждаем никого. То, что мы осуждаем брата, означает, что мы его не любим. Когда мы осуждаем, то не можем молиться. От нас требуется большая внимательность в наших движениях, словах и делах, во всяком действии, связанном с нашим братом.

То же самое можно сказать и от противного. Если мы хотим помолиться, то должны научиться хорошо отзываться о всех людях. Великое дело для человека – научиться говорить о других людях только хорошее, всегда иметь хорошее слово обо всех. Иначе говоря, это – избыток сердца человека. Авва Исаак говорит: «Если к тебе кто-то придет, говори с ним по-доброму, хвали его, целуй его руки и ноги, упокоивай его как можно больше, хвали его сверх того, что у него есть, говори о нем только хорошее, отзывайся о нем даже лучше, чем он того заслуживает». И это не лицемерие, не какое-то рабское поведение, но божественное благородство. Посмотрите: мы – наемники, потерявшие свое достоинство, негодные перед Богом люди. И, однако, Бог называет нас Своими детьми, Своими чадцами, Своими друзьями. Он отдает нам всю Свою любовь и делает это с великим благородством. Большое дело – научиться говорить по-доброму с другими людьми. Пусть из наших уст, как избыток нашего сердца, исходит эта любовь. Любовь ко всем.

Между тем, к сожалению, для людей, и даже для нас, тех, кто ходит в церковь, наиболее характерно то, что мы – несчастны. Как будто мы заплатить должны за то, что скажем доброе слово человеку! Как будто у нас что-то вырвут, если мы о ком-то отзовемся по-доброму! Скажешь ты одно доброе слово – и всё, больше уже ничего доброго не говоришь, весь сжимаешься, не можешь выдать из себя доброе! Смотрите, почему так слабы супружеские связи? Потому, что один не скажет другому доброго слова. А это так просто! Мы беремся за духовную жизнь, мы – христиане, а у себя дома муж не скажет доброго слова жене, жена не скажет хорошего слова мужу – слова, которое бы дало крылья другому человеку, которое изливается из глубины любящего сердца!

Тогда ты не только не можешь совершать молитву, но не можешь иметь и правильных отношений с людьми. В моей памяти целая вереница людей – я видел, с какой лаской они обращались с другими. Они обходились с ближним ласково, вплоть до самых мелочей, очень внимательно, чтобы ничем его не опечалить. Так, помню одного старца из Нового Скита, у которого было несколько виноградных лоз. Там в пустыни среди скал он выращивал кое-какие овощи, там у него росло несколько виноградных лоз. Время от времени в Скит приходили рыбаки – миряне, они обрывали виноград старца и ели его, так что сам старец ел его редко. Один раз он пришел и застал их в тот момент, как они срезали гроздь. На Святой Горе и в пустыне те, кто разводят виноград, сколько есть у них винограда, столько и едят, они не покупают его и не хранят. Старец издали заметил происходящее и, не желая обидеть рыбаков, стал покашливать: «кхе-кхе-кхе» и напевать, чтобы те

услышали и до его прихода успели что-то предпринять, чтобы им не чувствовать себя униженно из-за того, что он увидел, как они зашли в его виноградник и срезали гроздь.

Если бы там были мы, то мы начали бы кричать и считали бы великим делом, что поймали воров на месте преступления. В Отечнике мы читаем множество примеров того, как старцы видели приход вора, и, чтобы он мог беспрепятственно украсть, делали вид, будто спят. Хотя они видели, что вор крадет, они притворялись спящими, хотя, конечно, не спали – с такой деликатностью они себя вели, чтобы его не побеспокоить! Они не говорили: да он вор, надо пресечь воровство! Нет, они так не говорили. Они смотрели за собой: как они себя ведут. Крадет тот или не крадет – это его дело, им было важно то, как они себя ведут с этим человеком.

Когда эта тактичность отцов-подвижников будет применена и в семье, когда муж научится разговаривать с женой с такой же деликатностью, то всё придет в порядок. Например, ты понял, что жена вытащила из кармана твоих брюк 10 лир. Нет необходимости ходить на следующий день с надутой физиономией. Всё в порядке. Будь с супругой любезен. Ну просто смешной случай произошел, и всё.

Вы помните из жития Лазаря Четверодневного, что после своего воскресения из мертвых он ни разу не засмеялся, он был опечален зрелищем ада, смертью. Даже, как говорит его житие, он всегда чувствовал во рту горечь, поскольку был огорчен зрелищем смерти. Только один раз он рассмеялся. Когда увидел, как кто-то совершает кражу: один украл кувшин у другого. И святой рассмеялся из-за суетности этого дела и сказал: «Глина ворует глину, глиняный человек крадет глиняный кувшин». То есть когда человек приобретает духовное благородство, тогда он не только не мстит другому за себя, но даже смотрит на происшедшее как на детскую шутку, смотрит на это с великодушием: он не прогоняет другого, но оставляет, словно бы тот ничего и не совершил, словно это была ничего не значащая детская ошибка.

Такое происходит, когда человек приобретает некую возвышенность духа. И когда он это приобретет, он поступает так не потому, что так велят ему поступать правила общества, но потому, что его занимает только одно – его отношения с Богом. Другие вещи его больше не интересуют, и он говорит: понимаешь, я не могу ограничить свою связь с Богом из-за того, что мне надо исправлять других людей, или исправлять неполадки в Церкви или государстве, или, к примеру, пойти и предать человека, потому что должно быть остановлено какое-то зло... Нет, что бы человек ни делал, Бог это видит, об этом знает, пусть Он делает, что хочет, но я не могу разорвать моего общения с Ним ради того, чтобы поступить как-то иначе, хотя бы и по человеческой справедливости. Потому что для неосужденного, со дерзновением предстояния нашего перед Богом в молитве мы жертвуем всем, любым нашим интересом, лишь бы сохранить свои правильные отношения с Богом.

Другое важное условие для молитвы, чтобы она была услышана, состоит в том, чтобы мы предстояли пред Богом со смиренным образом мыслей и сокрушенным сердцем. Это искусство – так человек привлекает к себе Бога. Знаете, есть некоторые люди (я это и сейчас вижу), которые нуждаются в милостыне, и которые столь воспитанны! Такой человек, даже если ты скажешь себе: «Ну нет, я ему ничего не дам!», ведет себя так деликатно, таким всепобеждающим образом, что сердце твое не может ему отказать, ты не можешь не дать денег, и даешь ему даже с каким-то удовольствием! И если он просит 10, ты ему дашь 20, потому что он очень деликатный проситель, и он знает, как разговаривать. Или еще есть люди, которые ведут себя так. К примеру, сделал он что-то не то, и ты думаешь: «Ну все, сейчас пойду с ним разберусь, я ему покажу!». И мы готовимся: что бы ни случилось, мы с ним поругаемся, в любом случае я его отругаю. Готовимся: что мы ему скажем, как мы это скажем, – скажем то, другое... То есть мы решительно идем, чтобы поругаться. Но у этого человека такой характер – он так вежливо нас встречает, что совершенно нас утишает, мы не можем с ним поругаться! Потому что он знает это искусство! Я знаю некоторых таких людей. Вот, к примеру, есть такой человек, он... ну совсем плохо соображает. Всё время куча ошибок. И вот один раз он опять что-то такое сделал – совсем не то, что я ему сказал, и я рассердился. Ну, думаю, сейчас я его отругаю! Я был настроен решительно: никаких ходов назад! Сейчас пойду и устрою ему сцену, скандал: да что это такое! Но он меня совершенно обезоружил, потому что когда я пришел, он так стал со мной говорить, с такой вежливостью, что я забыл всё, что хотел ему сказать. Я не смог его отругать. И это большое дело в очах Божиих.

Нам следует обучиться этому искусству. Когда мы предстанем пред Богом в молитве, будем иметь этот смиренный, сокрушенный образ мыслей, так чтобы душа тотчас устремлялась к соединению с Богом, чтобы

открывалось наше сердце. Это искусство молитвы, большое искусство, ключ, открывающий наше сердце для Бога. Будем говорить смиренно. Каждый человек, предстоя пред Богом, должен знать о том, что приводит его сердце в сокрушение и открывает его для Бога. Для каждого человека это что-то свое, не всё у нас одинаково.

Человек, который, видя свое падение, преклоняет колена, помышляет о Боге и поклоняется Ему, такой человек совершает эти поклоны как благодарное движение всего своего существа – и души и тела. Наша Церковь хранит это, она не рассматривает человека как одну душу, но видит в нем единство – тело с душой. Да, мы делаем поклоны, преклоняем колена – кто как может – душа наша болелзует вместе с телом. Одни из нас молятся сидя в кресле, другие – преклоняясь до земли. Нам нужно научиться молиться так смиренно, насколько можем.

Это сокрушенное сердце есть то, что привлекает к нам Бога. Никогда не будем оправдывать себя в молитве. Отцы во время молитвы чувствовали, что не существует человека худшего, чем они. «Я всех и всё превзошел грехом» – говорит один святой. «Всех превзошел грехом, – пишет он. – Нет человека, которого бы я не превзошел грехом». Когда мы встанем перед Богом на молитву и ощутим в себе такое расположение, скажем Ему то же, что и мытарь: «Будь милостив мне грешному». И почувствуем, что именно мы виновны перед Богом. Бог – святой, Бог – всемогущий, Он создал всё, Он – Отец наш, богатый наш Отец. Он дал нам Свое богатство, а мы растратили его на грех. И, однако, есть нечто, к чему мы обращаемся. Это не наша добродетель, не наши добрые дела, не то, чем мы занимаемся (когда мы говорим: «я сделал то или другое») – всё это ничто, мерзость перед Богом. Что же подобает Ему? Только одно – «Отче, согреших на небо и пред Тобою». Видите, блудный сын не сказал никакого другого слова, но только: первое – «Отче мой», ты мой отец, а второе – «я согрешил на небо и перед Тобой». Он не говорил: «Я ошибся, что мне делать?», как часто говорим мы. Нет, он говорил с внутренним сокрушением, представлял перед Отцом всю тяжесть своего греха, своей вины. Только с таким расположением и мы можем предстать пред Богом. И с таким расположением идти к причастию – как человек, готовый на смерть, как осужденный, который идет и знает, что всё потеряно, и существует только одно – его связь с Богом. Только это может нас спасти. Мы стоим перед Богом и призываем Его: смотри, у меня нет ничего, что я мог бы Тебе дать. Ничего не могу Тебе представить: Аще беззакония назриши, кто постоит? (Пс. 129, 3) Если Ты будешь смотреть на мои грехи, то я не устою перед Тобой, потому что не имею абсолютно ничего. У меня есть только одно. Что это одно? Это Ты. Ты – мой Отец, Который дал мне свою Кровь и свое Честное Тело. И это то единственное, что я могу Тебе принести, чтобы Ты приклонился ко мне. Как говорили святые: Господи, ради Твоей святой Крови, Которую Ты излил на Кресте, ради этой Крови помилуй меня. Я действительно не имею ничего другого.

Братья мои, могу сказать, что человек, который прочувствовал событие Жертвы Христовой, Креста Христова, проник в тайну любви Христа к миру, такой человек понял, что значит: Бог спас нас Честным своим Крестом. Ничто иное нас не спасает. Ни дела наши, ни иное что-либо. Всё это для Бога мерзость. Всё это совершается, поскольку помогает нам, ибо мы имеем в том нужду, а не Бог.

И сейчас, перед тем как закончить, я сделаю одно необходимое замечание.

В молитве требуется также, чтобы человек никогда не принимал помысла перестать молиться. Если помысл говорит тебе: «Зачем ты молишься? И это после того, как ты только что нагрешил? После того как прогневался, наделал столько всего? Ты не сможешь молиться... Не молись!» Такой помысл не будем принимать никогда. Что бы мы ни сделали, какие бы грехи не совершили, какие бы злодеяния не сотворили, мы имеем право на молитву. Никто не может отнять у нас этого права. Мы имеем право призвать Бога – Врача, нашего Отца, чтобы Он нас помиловал. Никто не может отнять у нас права взывать к Богу, чтобы Он спас нашу душу. Отцы говорят, что даже в момент совершения греха, даже в такой момент мы должны молиться. Мы можем сказать: «Боже мой! Посмотри, что я сейчас делаю. Я совершаю грех. В этот момент я творю грех – какой угодно, самый гнусный, самый мерзкий грех. Вот, пожалуйста, в этот момент я грешу. Призри на мя и помилуй мя! Подай милость Твою в то время, как я грешу».

Иначе говоря, мы не должны терять дерзновения к Богу. Мы должны призывать Его, даже если обременены грехом и погружены в него. Должны со смирением призывать Бога, умолять Его по причине нашего греха. Мы молимся Ему потому, что мы – грешники. И когда ум наш уносится туда и сюда и разливается во время

молитвы на помыслы, когда мы идем молиться и внутри себя видим нечистые образы и хульные мысли, когда в нас происходит восстание и противодействие, когда мы не верим ничему, когда вместо молитвы богохульствуем, – бывает и такое, – и в такой час мы не должны терять дерзновения. Всё это – ничто! Мы должны продолжать нашу молитву. Пребывать в ней. Бог, в конце концов, победит этот страх! Не будем паниковать, не будем скорбеть, пребудем в молитве. Что бы ни случилось, чувствуем мы что-то или нет, собран наш ум или нет, есть ли в нас тысяча нечистот или нет – пребудем в молитве, не будем уходить от нее. В этом заключена сила того, кто хочет помолиться. Что бы ни случилось – будем терпеливы, терпеливы в молитве к Богу. Тогда Бог посетит нас самым делом и даст нам познать многоценный плод молитвы.

В этот период поста и молитвы будем приводить себя в порядок телесно и душевно и больше подвизаться в божественной добродетели молитвы, которая есть тот провод, что соединяет нас с Богом и благодатью Святого Духа.

Беседа переведена с греческого языка сестрами обители

Величайший опыт, который может получить человек

Митрополит Афанасий родился 8 февраля 1959 года в г. Лимассоле (Кипр). В 1976 году, после окончания школы, был рукоположен в сан диакона и поступил на богословский факультет университета Фессалоник. После окончания университета поселился на Афоне, где принял монашество. В 1982 году был пострижен в великую схиму и рукоположен в сан иерея. Десять лет спустя архиепископ Кипрский Хризостом I призвал его вернуться на Кипр. По возвращении в 1993 году отец Афанасий был избран игуменом монастыря Махера. В 1999 году избран на Лимассольскую кафедру и хиротонисан в епископский сан. В настоящее время один из наиболее авторитетных архиереев Кипрской Православной Церкви.

Некогда у нас была мания для привлечения молодых людей в Церковь покупать шарики для пинг-понга, футбольные мячи и разные другие подобные вещи. Конечно, это не плохо, если рядом с храмом есть пространство, где молодежь сможет играть. Все, что Церковь дает людям, чтобы им помочь, чтобы дать отдых, чтобы уберечь от чего-то, – хорошо. Все, что я назвал выше, имеет подготовительный характер и помогает привлечь молодежь. Но истинное назначение Церкви совсем другое.

Каждый должен понимать: то, чего мы ищем в Церкви и что она может нам дать, – это личные отношения с Христом. Очень важно знать, что, входя в Церковь, мы призваны устанавливать связь не с учением Церкви, а с конкретной Личностью, чтобы мы имели личные отношения с Иисусом Христом, живой Личностью, Которая существует и с Которой человек может и должен иметь отношения любви. Нужно полюбить эту Личность. Это очень важно. В прошлом же в нашей церковной среде были проблемы, мы прошли через несколько кризисов: богословский, духовный, пастырский, – естественным следствием которых стал уход людей из Церкви.

Тогда Церковь пыталась обосновать свое учение через разум, посредством рациональных аргументов. Большинство из вас знают, что в учебниках по закону Божию есть доказательства существования Бога. Это пять-шесть положений, цель которых – рационально доказать, что Бог существует. В этом заключалась ошибка, потому что тезис ведет к антитезе: придет кто-нибудь другой и также рациональными аргументами будет тебе доказывать, что Бог не существует. И у него будут гораздо более здравые аргументы, чем твои, потому что ты пытаешься логически доказать, что Бог существует, а Он не существует.

Святые отцы говорят, что Бог не существует. Почему же? Преподобный Симеон Новый Богослов сказал, что Бог есть несуществующее Существо. Бог не существует, потому что Он вообще не существует так, как существуют остальные существа. Ты не можешь сказать, что Бог существует, как не можешь и сказать, что Его нет, потому что Он существует. Он – несуществующее Существо, потому что Его существование не может быть точно осмыслено и описано.

Почему отцы сказали так? Для того чтобы избежать той ошибки, которую сделали мы. Под влиянием Запада мы старались утвердить Церковь на неверном основании, на ложных вещах, будь то разум, наука, философия или общественная деятельность. С помощью рациональных аргументов мы пытались доказать, что Бог существует, что Евангелие – это наилучшее учение в мире, потому что оно говорит о любви, справедливости, равенстве и т.д. Конечно, оно говорит обо всем этом. Но человек может спросить: «Разве Христос пришел, чтобы сказать нам, что мы должны быть справедливыми, социально активными, свободными, демократичными людьми?» «Ну, хорошо, – скажет он, – все это есть в Евангелии. Но почему мы должны делать то, чего не можем понять? Зачем, например, молиться? Зачем ходить на бдения, поститься, посещать храмы? Зачем нас кадят, зачем причащают всех одной лжицей из одной чаши?» Все это человеческий разум не может принять как само собой разумеющееся.

Люди, которые задавали такие вопросы, были правы, потому что то, что они узнавали в Церкви, основывалось лишь на разуме. И сегодня мы слышим, как некоторые говорят, что Христос был учителем, демократом, революционером... И кем еще только не был! Что человеку близко, то он приписывает и Христу, – каждый собственные предпочтения.

Конечно, всему этому они научились в Церкви, в воскресных школах, пропагандировавших исключительно социальные и нравственные основы жизни. Например, детей учили, что есть дела нравственные и безнравственные, что нужно делать добро и т.д., но все это и многое другое преподавалось как идеи, не имеющие связи с личностью Христа; и вышло так (те, кто постарше, помнят это), что все дети по достижении 16 лет отдалялись от Церкви.

Все дети в возрасте до 12 лет приходили в храм, им давали иконку, какую-нибудь конфету – тогда не было бассейнов и подобного, где бы они могли провести время. Это была редкая возможность для детей заниматься чем-то вне школы. Затем дети выросли, и в старших классах все отпало.

Почему? Потому что вошли в возраст полового созревания и встретились с вызовами, искушениями, иным опытом, против которого идеи, преподаваемые в воскресной школе, были бессильны. Эти идеи не могли устоять в любом случае. Отпадение всех детей без исключения от Церкви было всеобщим явлением. Предпринимались какие-то усилия, чтобы этому противостоять, но все равно храмы были пусты.

И, несмотря на годы устроения воскресных школ, детских лагерей и тому подобного, все пришло к тому, что в Церкви не было людей, не было священников, потому что люди, и особенно молодые, не имели связи с Церковью, которую они представляли, с одной стороны, как идеологию, а с другой – как земное учреждение. Церковная иерархия имела светский характер, занимаясь больше социальными, а не духовными вопросами; и для обыкновенных людей все свелось к простой обрядовости: крещение, венчание, похороны, именины.

Особенно тяжелыми для Кипра были два десятилетия: 60-е и 70-е годы прошлого века – годы разрухи. Все разваливалось, и было невероятным увидеть молодежь в храме. Помню, как в 1976 году я поехал учиться в Грецию, и я был необыкновенно поражен, когда, в первое же воскресенье придя в храм, я увидел там молодых людей. Впервые я видел молодых людей в храме. У нас в Лимассоле были разные церковные мероприятия для детей, но из 200–300 душ остались в Церкви человек пять, если вообще остались. Когда я приехал на Святую гору Афон и увидел молодых монахов, это было так необычно для меня. Впервые я увидел молодых людей в рясе и мог с ними разговаривать. Немыслимое дело для Кипра!

К счастью, тот кризис длился недолго. Церковь не исчезла, она пережила испытание и продолжила идти вперед. Сегодня мы видим возвращение людей в Церковь, но есть и нечто странное: возвращающиеся молодые люди – это в основном студенты, а не 16–17-летние – редко встретишь таких. Человек, достигая определенного возраста, по тем или иным причинам возвращается и находит Церковь. Самое лучшее – то, что молодые люди ищут Церковь и находят ее в верном образе. И именно в этом обязанность Церкви – являться и показывать себя молодым людям в своем подлинном виде.

Потому что если бы мы сделали ошибку, попытавшись стать «современной» Церковью, то это было бы то же самое, что старушка в джинсах и с крашеными ногтями. Когда Церковь пытаются модернизировать, чтобы сделать современной, становится смешно. Мы становимся очень смешными, когда пытаемся быть

современными. Потому что молодой человек ищет у нас не того, что мы будем современны, а того, что он сможет услышать слова, не одетые в какую-либо логику или рационализм, эпоха которых прошла.

Эпоха рационализма породила атеизм, и 1960–1970-е годы были эпохой атеизма на Кипре. Были атеисты в школах, были и дети, которые не верили в Бога. Сегодня такого нет, и те, кто говорят, что они атеисты, не таковы. Тогда были идеологические атеисты. Тогда велась борьба против атеизма, против материализма, писались апологетические сочинения и еще много чего; дошло даже до того, что тысяча ученых на некоей конференции доказали, что Бог существует. А противники ответили тем, что две тысячи ученых на другой конференции доказали, что Бога нет. К счастью, такие трагикомические вещи остались в прошлом.

Сегодня молодой человек ищет не логических доказательств, а живого опыта. Есть ли такой опыт в Церкви? Если он есть, то человек живет им, зная, как жить с Богом в Церкви. Доказательством этого является то, что молодые люди охотно участвуют в таинствах, привыкают исповедоваться, часто причащаться, молиться, ходить на службы, почитать иконы, святыни, читать жития святых и святоотеческие творения – и все это совершается все более красивым и правильным образом. Они нашли то, что искали.

На меня произвело огромное впечатление, когда я увидел – и теперь вижу, – что молодые люди, оказавшиеся вне стен храма, берут святоотеческие книги, читают их и понимают. И в то же время мое сердце разрывается, когда я вижу «религиозных» людей, которые читают книги святых отцов и ничего не понимают, а когда начинают говорить о том, что прочли у отцов, я хватаюсь за голову. Нет большего злоупотребления словом Божиим, чем это. Доказательством всему этому – трагедия тех лет, отразившаяся на всех сферах церковной жизни.

Посмотрите, что произошло. Они не любили наши храмы и поэтому строили современные храмы, некоторые из которых похожи на космические корабли. Входишь в них и спрашиваешь себя: что же это такое – кинотеатр? Если бы не было икон, то человек действительно бы задался вопросом: а куда он попал? Для чего нужны все эти храмы? Ряды кресел, словно в театре; священнослужитель, словно актер; и все смотрят, сидя в креслах, – таковы последствия образа мыслей той эпохи.

Византийские иконы, иконы строго аскетичного письма, исчезли из храмов. Появились некие иконки, раздаваемые в воскресной школе: Иисус-младенец, как ребенок с мечтательным выражением на лице, белокурыми волосами и румяными щеками; Пресвятая Богородица, как симпатичная немка; и Христос, выглядящий как знаменитый актер, с каким-то томным взглядом. Спрашивается, что это такое? А ведь все эти немецкие, западные, чуждые образцы, проникшие в Церковь, «служили» людям духовной пищей.

Не забуду, как однажды, когда я еще был в монастыре Махера, меня пригласили выступить в таком зале. И я все же решил пойти, чтобы не показалось, будто я отнесся к приглашению пренебрежительно. Меня пригласили рассказать о старце Паисии. Официальным поводом было завершение учебного года в воскресной школе, а темой были примеры для подражания.

И вдруг нам, выступающим, говорят, что каждый из нас имеет в своем распоряжении по шесть минут. Но что можно сказать за шесть минут? Ладно, думаю, поглядим, что я смогу. И начались выступления: национальные, религиозные, социальные примеры. Признаюсь, я почувствовал себя так, будто нахожусь на собрании пятидесятников. В действительности это ничем не отличалось от их собраний. Если бы я не знал, что это вызовет скандал, я бы встал и ушел. Такой стыд ощутил! Хорошо еще, что большинство детей были на улице, ели, пили сок и не смотрели на нас. И никто из них не слышал нас: в зале были в основном их учителя.

Я чувствовал себя словно на кладбище. Говорили о некоем мертвом боге. Все, что я слышал, вызывало во мне, как в священнослужителе, негодование. Едва сдерживался. Даже вцепился в стол, потому что нервы мои были на пределе. Как вытерпели эти люди? Я говорю это не для того, чтобы кого-то укорить, но чтобы просто описать произошедшее.

Что сказать? Не знаю. Бог да сохранит нас от подобного. Говорили такие бессмыслицы... И для кого говорили – для молодежи? И где же она? Сколько детей было в зале? Они были снаружи, ели и пили! Меньшая часть их была в зале, человек 15–20 малышей, которые боялись выйти, а все остальные были взрослые. О чем тут говорить!

Действительно, как Церковь мы прошли через период духовного самоубийства, духовной подмены. К тому было много причин – исторических, богословских, пастырских. Этим я не укоряю кого-либо и не обвиняю ни конкретных лиц, ни какой-либо группы. Я просто пытаюсь показать, что если Церковь является не в своем подлинном виде, то ценой этого будет то, что она не сможет устоять. И если Церковь совершит ошибку и попытается опираться на чуждые для себя основания, то это окончится крахом. Стопроцентная гарантия. Рухнет, как карточный домик. Подобные вещи не могут устоять. Устоит лишь то, что исходит от подлинной жизни Церкви, ее опыта.

Только опыт может стать твердым основанием. Ничто другое. Наша эпоха доказала это. Как именно? Когда мы видим людей, которые предаются мирской жизни и «не понимают ни слова», а затем вдруг, соприкоснувшись с Церковью, совершенно меняются. А ведь они имели такой образ мыслей и действий, что, казалось, им далеко до прихода в Церковь. Я видел бесчисленное множество таких обращений как на Кипре, так и на Святой Горе.

И задаешься вопросом: как человек, который раньше имел такой образ мыслей и образ жизни, сумел так измениться – и теперь читает, молится, подвизается, постится, чувствуя себя уютно? Прекрасно, что Православная Церковь дает молодому человеку это чувство, – я говорю об уравновешенных людях, а не о закомплексованных, которые боятся других людей.

Вот мы празднуем перенесение мощей святого великомученика Георгия. Это означает, что его гроб открыли, взяли оттуда мощи и положили их в храм для поклонения и освящения верующих. Почему Церковь отмечает это событие? Оно очень важно, потому что только Православная Церковь говорит и учит о славе человеческого тела, о том, что человек спасается не только душой и что Церковь занимается не одним лишь человеческим духом, но спасает и охватывает всего человека. Святой апостол Павел говорит, что тело есть храм Духа Святого; и Церковь воздаст должное телам святых, их мощам, потому что и души, и тела их причастны божественной энергии Святого Духа. Так что вся человеческая природа освящена, и даже после смерти эта благодать пребывает в их мощах и творит чудеса.

Церковь всегда исповедовала это учение. В XIV веке шли великие богословские споры в Церкви. Святитель Григорий Палама поддерживал это учение и утверждал, что Церковь не имеет никакой связи с философией, так как в ту эпоху началось вторжение западной теории, согласно которой человек спасается не по благодати Святого Духа, а через интеллектуальный процесс мышления и принятия слова Божия – то, что мы и сегодня слышим.

Ведь и сегодня среди церковных людей некоторые считают, что разговоры о чудесах – это признак нездоровой религиозности. Спрашивается: а что, Христос, Который творил чудеса, тоже был религиозно больным человеком? Если мы прочтем Евангелие, то увидим, что оно полно чудес, полно действий Бога, Который изгонял бесов, исцелял слепых, воскрешал мертвых и сказал, что и Его ученики будут творить то же: изгонять бесов, воскрешать мертвых, – и ничто не причинит им вреда.

Все это, донныне пребывая в Церкви, является доказательством того, что Церковь жива, хотя благодать Святого Духа действует не только через чудеса. Но чудеса – это то, что выражает живительное действие Церкви и свидетельствует, что Церковь – это не учение, пусть даже самое лучшее на свете. Христа часто воспринимают как великого учителя, мистика, как называют Его масоны. Должны ли и мы сказать, что Он был таким? Церковь так не учит.

Для нас Христос – совершенная Личность, совершенный Спаситель мира, и мы не можем принять, что возможно спастись другой личностью, идеей или учением. Самое главное – понять, что в Церкви мы развиваем личные отношения с Самим Христом, а когда человек осознает это и примет, тогда он встанет на путь исцеления, который предлагает Церковь, тогда почувствует это в своем сердце. Потому что если не почувствует, то это значит, что Церковь лжет.

Церковь не говорит вещи, которые не может доказать, – она доказывает, но не от разума, а от опыта.

Вот ты посещаешь врача, который постоянно прописывает тебе лекарства, ты принимаешь эти лекарства, но твое здоровье не улучшается, и в какой-то момент ты перестаешь ходить к этому врачу, еще и скажешь ему,

что два года посещаешь его, пьешь лекарства, но, к сожалению, не чувствуешь себя лучше. Нужно поменять или врача, или лекарства. Никто не будет столь наивен, чтобы ходить к доктору, который скажет: «Вы действительно больны, я выпишу вам лекарства, но вы почувствуете себя лучше только когда умрете! После смерти ваше состояние улучшится!»

Церковь уподобляется такому доктору, когда в нее приходишь, и тебе говорят, что ты должен соблюдать заповеди Божии, делать все, что тебе скажет священник, а когда умрешь, окажешься в раю. Спасибо! Такую глупость человек не может принять. Нет таких дураков, чтобы всю жизнь выполнять все эти предписания в надежде попасть в рай после смерти. А что, если нет рая? Что будем делать тогда? Не наивен ли человек, верующий во что-то, к чему не может прикоснуться? Не знаю, как вы, но я никогда не стал бы следовать такому образу жизни и ждать смерти, чтобы только тогда увидеть, правильно ли я прожил 80 лет или нет.

Так что же такое Церковь? Церковь – это опытная жизнь, опыт вечной жизни, который начинается в этой жизни и переходит в вечное Царство Божие. Когда мы служим святую литургию, то говорим: «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите». Сейчас, сейчас мы вкушаем бессмертную жизнь Христову, а не после смерти.

Мы не можем говорить другим: «Получишь после смерти», потому что это несколько по-исламски: «Делай, как написано в Коране, и затем, когда попадешь в рай, сможешь наслаждаться пищей и питием». А не могу ли я сейчас насладиться пищей и питием, а когда умру, тогда и посмотрим, что там будет?

Так и человек, который знаком только с религиозной идеологией, скажет тебе: «Ты дурак? Жизнь перед тобой: живи, делай что хочешь! Попы и монахи дурачат тебя! А когда состаришься лет до 80 и уже ничего другого не сможешь делать, тогда и ходи в церковь. С тобой что-то не так, тебе нужно сходить к психиатру» и т.д. Такой человек не может понять, почему молодые люди ведут духовную жизнь...

Когда человек глядит на Церковь как на идеологию, он не может понять, что жизнь верующих основывается на опыте. Для него это безумие. Для него Церковь – безумцы. И святые для него – безумцы, потому что делали абсурдные вещи. Вот, к примеру, святой Неофит Затворник. Когда ему было 24 года, он затворился в пещере и жил в ней 60 лет. Это ли не безумие? Как ты можешь объяснить логически то, что он делал? Как объяснишь логически сделанное мучениками, аскетами, отшельниками, пустынниками? Никак.

Приведу вам пример из жизни святого Георгия. Он претерпел исключительно много мучений. Был молодым человеком. Воином. Его принуждали отречься от Христа. Он не отрекся. Его пытали. Обули в раскаленные железные сандалии с гвоздями внутри. Сандалии покраснели от крови. Его привязали к лошади, так что он должен был бы за ней бежать. Но в житии сказано, что он бежал так быстро, что даже обогнал лошадь. И при этом говорил: «Беги, Георгий, да примешь награду от Господа». Он был исполнен такой пламенной любви в сердце, что не чувствовал, как горят его ноги.

Когда я прочитал это в первый раз, я не поверил. Но позднее я видел подобное собственными глазами. На Святой Горе жил один старец – отец Сергей. Он был бедный человек, пустынный. Подвизался в Иверском скиту. Оттуда до Кареи идти было почти два часа. Путь непростой: лес, горы. А зимой снег доходил до четырех метров. Я тогда был монастырским привратником; мы всегда оставляли что-то для путников: хлеб, лук, сыр, чай. Отец Сергей проходил мимо нас, когда шел в Карею или обратно. И зимой, и летом носил какие-то калоши. У него был бодрый голос. Всегда у него был огромный мешок на спине. Мокрое от пота лицо. В мешке могло быть до 60 килограммов груза. Отец Сергей ходил в Карею раз или два в неделю, набирая продуктов и нужных предметов для всех отцов, которые жили недалеко от него. Я спросил его как-то, помогает ли ему кто-нибудь. Он ответил: «Нет, благословенный, в этом нет нужды. Я сам хожу». Он всегда был весел, шутил. Был очень благодатным человеком. Когда он умер, мы пришли подготовить его к погребению. И когда мы сняли его калоши, – вы не поверите: там, где пятки, было все содрано! Плоти не было! Можете себя это представить?

Хотя дважды в неделю до Кареи, он всегда был нагружен, но никогда не жаловался. А мы по невежеству спрашивали: «Куда идешь, в Карею? Принеси и мне хлеба!» И он отвечал: «Принесу, благословенный человеке!» Когда кто-нибудь встречал его по пути и просил принести ему что-то из Кареи, он соглашался. Но

его ноги были в таком состоянии, что он вообще не мог двигаться. Тогда я вспомнил о святом Георгии. И сказал себе, что такое может быть, потому что есть люди, имеющие в себе столь великое пламя благодати и любви, что чувство любви побеждает даже саму природу человека.

Это величие Церкви – когда силой Божией любви преодолевается человеческая природа и человек совершает сверхъестественные вещи, которые люди, находящиеся вне Церкви, не могут понять, не принимают, считают их невозможными, смешными, болезненными, фальшивыми. Но в Церкви это становится возможным, потому что имеется вера – «противоположность» разума, которая не теоретична и интеллектуальна, а является жизненным опытом – величайшим опытом, какой человек может получить.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

Перевел с болгарского [Диакон Георгий Максимов](#)

[Двери.Вг](#)

[31 августа 2010 года](#)

Голод по Богу

Человек, ищущий Бога и стремящийся иметь связь с Ним, насыщается Божиим присутствием, по словам Давида: «А я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» (Пс. 16: 15). То есть он насытится, когда увидит Божие присутствие и вкусит бытие Его. И опытом доказано, что человек, который имеет личные отношения с Богом, не чувствует в себе пустоты. Благодать Божия имеет удивительное свойство: независимо от того, великий ли святой подвизается, чтобы встретить Бога, или обычный человек, каждый получает знание и опыт благодати, вкушает ее, переживая Божественное присутствие. Независимо от того, много благодати в человеке или мало, у него не появляется чувства, будто в душе его вакуум. Человек, который живет с Богом, чувствует полноту, абсолютную полноту. Потому он не испытывает тяги к чему-то другому, в чем он имел потребность раньше, чтобы заполнить свою пустоту, потратить время или утолить интерес. Мы часто спрашиваем, не грех ли то или другое. Например, грех ли курить? Грех ли пить? Грех ли ходить на дискотеки или известно, куда сейчас ходят? Грех ли все это?

Мы не можем отвечать на эти вопросы, потому что это неправильные вопросы. Если отвечать на них прямо, то ответ будет неправильным. Но мы можем сказать, что человек, который имеет связь с Богом, не имеет потребности курить, пить или бродить по улицам, чтобы убить время. Он чувствует в себе полноту, уравновешенность, и это побуждает его беречь себя от всего лишнего, чтобы оставаться уравновешенным и счастливым. Мы много заботимся о том, чтобы заполнить свою жизнь тысячью вещей. Например, есть люди, которые от пустоты в себе поддаются мании покупать. Это, конечно, неплохо поддерживает торговлю, но для самого человека становится духовной проблемой.

Церковь говорит нам о нестяжании: не стремись чем-либо обладать, чтобы ни от чего не зависеть; довольствуйся тем, что имеешь; другие вещи тебе не нужны. Нестяжание считается главной добродетелью монашества – иноки не могут что-либо иметь. Почему? Чтобы научиться не основывать свою жизнь на подпорках, чтобы научиться стоять прямо. Чтобы не было беспокойства о том, как заполнить пустоту какими-то низкими вещами и отбросами, или, по словам старца Паисия, не копить балласта в своем сердце, чтобы потом не пришлось искать целую бригаду для очистки от того мусора, который ты в себе собрал.

Однажды старцу Паисию принесли кофеварку. У него не было ничего подобного, так как он не занимался приготовлением пищи. Была только банка из-под молока, которую он приспособил для кипячения воды, чтобы заваривать чай для гостей. Увидев, как он готовит чай, ему и принесли кофеварку. Старец Паисий сказал дарителю: «Зачем ты принес мне кофеварку, если мне даже некуда ее поставить? Значит, нужно, чтобы ты принес мне для нее полку, а также понадобятся и гвозди, чтобы прибить полку к стене. Затем понадобится

средство для мытья этой посуды, да еще нужно будет узнать, какое... Так что оставь себе кофеварку, а я могу и дальше довольствоваться банкой, которая служит мне уже очень давно».

Когда я пришел к старцу Паисию, то одновременно и удивился, и ужаснулся его полному нестяжанию. У него не было ничего. Не знаю, можете ли вы представить, что человек живет в доме, где нет абсолютно ничего. В его комнатке стояло несколько деревянных ящиков, на которых сверху лежали два-три старых одеяла. На стенах висели бумажные иконы. Когда он переселялся, то брал две сумки и уходил. Зимой, когда было холодно, он одевался во все свои одежды и говорил в шутку, что если куда-то идет, то не имеет нужды за чем-то возвращаться, поскольку вся его одежда при нем. После его кончины искали, что бы можно забрать из его вещей, и ничего не нашли.

Однажды к нему пришел некий человек. Видя, что посетителю холодно, старец дал ему одежду, и у гостя возникла «блестящая идея» срезать пуговицы и забрать их себе как благословение. Так и унес их с собой. Старец потом увидел, что пуговиц нет – ни одной... И что же он сделал? Нарезал веточек и приладил их вместо пуговиц.

Большая беда, когда человек имеет пустоту в себе. Она возникает от избытка вещей, тех простых вещей, которые, если их спросишь, не ответят. Это пустота в душевном мире человека. Не следует оставлять чего-либо без ответа. Мы должны быть внимательны в ответах, когда нас спрашивают. Особенно необходимо отвечать, когда спрашивают дети. Не оставляйте без внимания вопросы ваших маленьких детей. Отвечайте им серьезно, а не наивно и по-детски, отговорками. Серьезно, но как детям, чтобы они могли понять, что ответ будет серьезным и правильным. Когда мы не имеем ответа на все, что нас окружает, тогда в нашем душевном мире появляются пустоты.

А когда человек устанавливает отношения с Богом, то прекращаются поиски, которые были у него прежде. Тогда он спрашивает себя: «И зачем прежде я занимался всем этим, мотался направо и налево, ходил развлекаться, чтобы скоротать время, нуждался во всех этих вещах, по часу сидел перед зеркалом, стоял столько часов тут и там?» – и не находит причин этому. Иногда эта суета выглядит немного смешной. Как-то раз я, стоя у перехода в ожидании сигнала светофора, заметил парикмахерский салон и увидел через окно пришедших туда бедных женщин. Можно пожалеть их, видя, чего они там терпят и сколько времени на это тратят. И ведь довольно часто, чаще, наверное, чем раз в год. А есть люди, которые ходят туда каждый день или через день. Смотреть на это – мука. Не говорю уж о том, что это не нужно... Главное же, что хочу сказать: человек не может насытиться искусственной пищей. Не достаточно ему и детской пищи. Даже в духовных вещах.

Человек становится внутренне устойчив, когда питается твердой пищей. Эта твердая пища есть Божие присутствие. Действительно, тогда человек чувствует полноту, насыщенность и счастье. Только тогда он может ощутить истинную радость, свободу и величие своей человеческой жизни. Не знаю, чувствовали ли вы когда-нибудь, что можно глядеть на себя и радоваться своему существованию – не по самолюбию, не из нарциссизма, а видя, с какой мудростью и изяществом Бог сотворил мир и человека, каждого из нас и нас самих. В таком состоянии человек идет к Богу с великой благодарностью, и когда ощущает эту полноту, тогда не испытывает таких болезненных эмоций, как ревность, зависть, боязливость, подозрительность, всех этих «он мне сказал», «он мне сделал», «он у меня отнял». Объективно это все может быть действительно так: сказал, сделал, отнял – но в нашем душевном мире все это не оставляет никаких пустот, потому что ничего не значит для нас. Важно то, что мы в себе имеем полноту связи с Богом и нас наполняют слова Христовы. Человек насыщен и заполнен Божественным присутствием.

Когда мы чувствуем потребность сделать что-то, нужно спросить себя, зачем мы это делаем. Для чего, например, нам нужна эта вещь? Чтобы заполнить нашу пустоту? Чтобы придать смысл своей жизни? Чтобы подтвердить свое существование? Или потому что подчиняемся внешним потребностям, поскольку наша связь с Богом не единственное, что должно быть? И так, если анализировать все проблемы: общественные, семейные, личные, то человек в конце концов доходит до самого себя. А дойдя до себя, он продолжает дальше и находит, откуда все это происходит – от отсутствия связи с Богом. От этого происходит все прочее зло, и все становится таким, каким мы это знаем. Внешние мировые проблемы: войны, голод, нищета, преступность,

наркотики – плоды этого древа. Проблема человека, который принимает наркотики, состоит не только в употреблении наркотиков – это лишь плод. За наркотиками сокрыты тысячи других вещей, целая история. Почему этот человек принимает наркотики? Как он до этого дошел? Почему нуждается в них? Если имеешь внутреннюю полноту, станешь ли их искать? Когда он совершает падение, то лишается свободы и становится рабом наркотиков. Так же и с любой страстью. Говоря о «борьбе со страстями», мы свидетельствуем о рабстве перед страстью, о потребности в ней, что означает: внутри нас не устроено все так, чтобы действовать совершенно. Это значит, что у тебя есть пустоты, и потому возникает нужда в заместителях, чтобы насытить твой голод. Это значит, что у тебя есть богословская проблема – проблема отношений с Самим Богом.

[Митрополит Лимассольский Афанасий,](#)

Перевел с болгарского [диако́н Георгий Максимов](#)

Из списка правил не познаешь Бога

Когда человек хочет изменить себя, он допускает одну ошибку, которую в прошлом совершали даже в богословских кругах и воскресных школах, проповедуя морализм. Иными словами, когда кто-то приближается к Церкви, такие христиане говорят ему: «Смотри, не делай плохих вещей, не ходи в плохие места, не говори плохих слов», – и занимаются именно этим. Однако весь этот морализм болен, это некое антинравственное, неправославное понимание, пуританство, пиетизм, которые ориентируются только на видимый результат. Отцы Церкви не занимались такими вещами, а смотрели в суть.

Когда какой-то человек со многими проблемами приходил к ним, они не начинали ему говорить только о внешних вещах, – и о них, конечно, не забывали, – но главным образом они говорили о связи с Богом. Поэтому в Евангелии Христос говорит, что первая и наиглавнейшая Божия заповедь не «не укради» или «не прелюбодействуй» – это в последнюю очередь, – а связь с Богом, которая выражается в словах «возлюби Господа». Если ты любишь Бога, имеешь здоровую и живую любовь к Нему, то всё прочее приходит само собой. А в противном случае ты можешь делать все другие вещи без того, чтобы иметь и углублять отношения с Богом.

И тогда ты станешь хорошим человеком, даже замечательным человеком, но не тем, кто имеет связь с Богом. Поэтому современные христиане, даже моего возраста, удивляются и не понимают основных вещей в Церкви. Они говорят: «Разве не достаточно того, что я все это выполнил? Чего ещё ты хочешь?» Они не могут понять, например, монашество, и говорят: «Зачем становиться монахом? Разве ты не можешь попасть в рай, подвизаясь в миру?» Конечно, можно попасть в рай и так. Но мы становимся монахами не потому, что только так можно спастись.

Наши отношения с Богом – это вопрос любви. Это не вопрос долга – ходить в церковь, исполнять заповеди и быть хорошим человеком. Как влюблённый без всякого рационального рассуждения берёт гитару и идёт к дому любимой, и поёт там всю ночь, чтобы выразить свою любовь. Раньше так делали, сейчас не знаю, как делают, может быть, отправляют e-мейл...

Связь с Богом – это связь любви, безграничной любви. Она не уместается в схемы или программы, это пламя, которое разгорается в человеке и воспламеняет его. Оно не зависит от внешних вещей, даже не оглядывается на них. А те, кто смотрит на внешние вещи, также поступают и в семейных отношениях, и разрушают свои семьи, потому что говорят: «Разве я не хороший муж? Разве не даю тебе денег? Разве не отправляю тебя в путешествия каждое лето? Разве не езжу с тобой на выходные? Разве не прихожу каждый день с работы прямо домой? Я не связываюсь с другими женщинами, не оскорбляю и не бью тебя». Иными словами, есть некий список, исполняя который я оказываюсь хорошим. И когда они видят, что в какой-то момент их дом рушится, что один бывает пренебрегаем другим, или их половина имеет связь с кем-то ещё, они сокрушаются и спрашивают: «Почему?» Они не понимают, что все эти вещи не являются каким-то универсальным рецептом.

Не бывает так, что, выполняя какой-то список ограничений и предписаний, ты становишься хорошим. Ты можешь выполнить всё и остаться бесполезным. Как фарисей, исполнивший всё, написанное в Законе, был отвергнут Богом, а мытарь, не исполнивший ничего из написанного в Законе, был принят Богом.

Следовательно, вопрос заключается в том, каким человек предстоит пред Богом, и есть ли та живая связь, которая превозмогает Закон и внешние вещи.

Некоторые могут сказать: «Если ты желаешь верить в Бога, то должен делать это и это». И мы слышали нечто такое, от чего волосы встают дыбом, особенно адресуемое молодёжи: «Чтобы быть церковным человеком, Божьим человеком, хорошим человеком, нужно каждую неделю ходить в храм, не совершать нехорошего, не делать того и этого, причащаться три-четыре раза в год и четыре раза исповедоваться». И на этом всё заканчивается.

Но это ошибка. Необходимо найти связь нашего бытия с Богом, и чтобы это была живая связь, как тогда, когда ты любишь другого человека, и любишь без схем, предписаний и рецептов. Как связь между тобой и другим человеком – живая, так происходит и в отношениях с Богом. Только таким образом вы подлинно можете почувствовать ту полноту, о которой говорит Евангелие. Поэтому мы сказали ранее, что надо глядеть не только на внешнее, а проникать глубже, чтобы видеть причину нашей внутренней пустоты и того, что происходит с нами. Почему у нас есть потребность в других вещах? – Потому что нет живой связи с Богом. Когда мы постигаем причины, то понемногу приходим в смирение, потому как если бы мы действительно сильно любили Бога, то не имели бы нужды заливать горе вином. Когда человек знает это, он постепенно привыкает смотреть на вещи правильно и начинает исцеляться от той проблемы, которая его мучает.

Не знаю, не утомили ли вас вещи, о которых я говорю. Но я верю, что это касается самого главного и намного важнее того, что часто слушают церковные люди, например, о глобализации или клонировании. Конечно, и об этом надо знать мнение Церкви, но вы об этом слышите каждый день и знаете лучше меня. От епископа же и от Церкви нужно слушать о том, что вы не можете услышать в другом месте.

Сразу после слов «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6), Христос возводит нас на следующую ступень, говоря: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Когда мы говорим «милостивый» или «милосердный», то вспоминается милостыня. Подходит некто с протянутой рукой, и ты даёшь ему монету или купюру, – это, конечно, милостыня; так же как и участие в различных социальных делах, и в заботе о нуждающихся. Все это хорошо и необходимо для поддержания общественной жизни. Однако здесь Христос говорит не только об этом, Он не останавливается на внешних вещах – в Его словах есть особенная глубина. Когда мы слышим слово «милостивый», наш ум возводится к Самому Богу. Как мы говорим в Церкви: «ибо Ты милостивый и человеколюбивый Бог», «помилуй мя по велицей Твоей милости». «Милостивый» – это эпитет Бога. Итак, человек милостив в подражание милостивому Богу. У преподобного Исаака Сирина есть прекрасные слова: «Что такое милостивое сердце? Это сердце, скорбящее о всём творении, о всех людях, о птицах, о зверях, о демонах и о всякой твари, так что, когда человек видит их, или вспоминает о них, из его глаз текут слёзы».

Почему так? Потому что таков Бог. Бог любит всех без исключения – это основная истина Церкви; нет ни малейшей перемены в любви Бога к Своему творению. Как Он любит нас, так любит и демонов. Ибо если Бог кого-то любит меньше, а кого-то больше, то это означало бы, что Он имеет меру в любви, имеет изменения в Себе и не является совершенным. Но дело в том, что как раз мы не равны в своей любви к Богу. Дьявол вообще не любит Бога, а Пресвятая Богородица всецело любит Его. Из нас же кто-то любит Его на десять процентов, кто-то на двадцать, кто-то на сто, и поэтому в наших отношениях с Богом есть различная мера – в зависимости от человека, а не от Бога. Это главное, что нам нужно знать, чтобы не возводить на Бога обвинения, будто «Он других любит много, а меня мало».

Поэтому, когда мы знаем, каков наш Первообраз – Бог, тогда можем понять и человека. А также узнаем, что в конечном счёте не можем любить одних больше, а других меньше, также как и то, что мы не должны быть грубы в отношении, например, преступников или людей, оказавшихся в затруднительном положении. Не можем в душе питать дурное расположение. Ты должен чувствовать любовь ко всем без исключения. Рассмотрим, есть ли в нас эта мера совершенной любви? – Нет. Мы стоим ниже, всякий в свою меру. Хорошо

бы, если бы мы были великими святыми. Тогда у нас была бы совершенная любовь. Наша любовь мала, но мы говорим о совершенной, чтобы видеть, к чему нужно стремиться.

Совершенство – это когда ты относишься к человеку с абсолютной любовью. Любовь не означает довольствование собственными желаниями, не означает, что я поглупел, не понимаю, что происходит вокруг, и вижу всё в розовом свете. Божий человек – не дурак и не безумец. Что в действительности происходит? Просто из души человека изгоняются страсти и он видит вещи как они есть, видит зло, видит лукавство, прекрасно понимает их, но уже не руководствуется страстями в отношении других людей, и может исправлять нечто мирным, бесстрастным образом, потому что обладает абсолютной любовью. Это очень важно, потому что если у нас нет такой любви, то, сталкиваясь каждый день с проявлениями человеческой злобы, мелочности, недостатков, мы начинаем относиться плохо к людям, даже если не хотим этого. Таково человеческое несовершенство.

Если у тебя нет великодушного отношения к таким вещам, то ты попадешь в ту мельницу, где и сам будешь молотом, и тебя перемелют, и не сможешь вынести ни одной жизненной трудности, даже со стороны самого любимого тобою лица. Если мы не имеем милостивого сердца, тогда попадаем в эту мельницу, которая перемелет нас жерновами тягот, разочарований, огорчений, потому что сердце наше не научилось тому духовному благородству, которое рождается от сострадания ко всякому человеку. Потому что только когда почувствуешь другого человека, сможешь его понять.

До такой степени должно быть чувствительно твоё сердце, чтобы оно ощущало мысли и движения других людей. А как ты можешь понять их, если сердце твоё черство? Когда сердце окаменело от страстей, греха и корыстолюбия, ты не поймёшь ничего из этого или сделаешь ещё хуже: можешь убить другого и смеяться над этим. Есть люди, которые радуются, когда мучают других, а есть люди, которые скорбят, если просто услышали или подумали что-то плохое. Я говорю сейчас о простоте и чувствительности сердца, которые возникают от духовной работы человека и не имеют ничего общего с депрессией или чем-то болезненным. Эта скорбь – не депрессия, не какая-то безнадежность, а осознание окружающих нас событий такими, как они есть.

Обретение милостивого сердца начинается с простых вещей: с того, каким образом ты говоришь с другим человеком, с каким расположением помогаешь ему, даже протягивая купюру. Почему Христос призвал нас быть милостивыми? Для того ли, чтобы бедных сделать богатыми или богатых бедными? Конечно, не для этого, а для того, чтобы мы общались с другим человеком. Причина милостыни, согласно Евангелию, лежит не в социальной, а в духовной сфере – научиться общаться со своим братом, сострадать ему в его бедах, научиться лишать себя чего-то ради другого, наконец, умереть, чтобы другие жили. Как и Христос умер, чтобы жили мы.

Перевод с болгарского диакона Георгия Максимова

Лекарство от фарисейства

Верующему православному человеку важно задаваться вопросом: все, что мы делаем:

наши пономничества, возжжение свечей, ночные бдения, молитвы, посты, милостыня

– все наши поступки – для чего они? Почему мы их совершаем? От того, каким будет ответ на этот вопрос, зависит правильность или неправильность нашей духовной жизни.

Бывало, я спрашивал детей в православных летних лагерях: «Какая Божия заповедь самая главная?» И все дети вспоминали разные заповеди: не укради... не лги... не суди... почитай отца и мать... возлюби ближнего своего... Никто из них и не подозревал, что ни одна из перечисленных заповедей не является первой.

Люди думают, что первая заповедь – «возлюби ближнего». Но когда я говорю детям: «Нет, это не первая заповедь», – ребенок отвечает: «Да, да, я знаю...» «Какая же?» – спрашиваю. – «Плодитесь и размножайтесь...» Но, конечно же, это не первая по значимости заповедь.

Первая и единственная заповедь, данная Богом, от которой пошли уже все остальные заповеди, – возлюбите Господа Бога всем сердцем. Сам Христос говорил, что первая заповедь – это «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк. 12: 30).

А вторая заповедь – похожая на первую, вытекающая из нее – это та, в которой говорится: «Возлюби ближнего своего». Все остальные являются продолжением этих двух. Если вы любите своего ближнего, то не будете красть у него, лгать ему, не будете несправедливы к нему, ничего не будете желать из его имущества, ни жену его, ни дом его, не будете осуждать его... Вот что подразумевается под словами «продолжение первой заповеди». «Возлюби ближнего своего» как раз является ее продолжением. Если вы действительно любите Бога, то для вас невозможно не любить своего ближнего. Человек, который любит Бога, будет – естественно, в продолжение своей любви к Богу – испытывать любовь и к своим братьям и сестрам.

Итак, первая и единственная заповедь Бога – любить Самого Господа Бога всем сердцем. Благодаря ей все, что бы мы ни делали в Церкви, обретает четкую цель. Именно поэтому мы совершаем паломничества, постимся, молимся, исповедуемся, зажигаем свечи, читаем жития святых, делаем все остальное – это наш способ любить Христа.

Ошибка же возникает тогда, когда мы говорим, что делаем все это, чтобы просто стать хорошими людьми, чтобы стать лучше. И именно тут самая большая ложь. Это шаг, делая который все спотыкаются. Потому что, если бы целью Церкви было только стремление сделать нас лучше, то не было бы необходимости ни в личных отношениях с Христом, ни какой-либо причины для прихода Христа в этот мир.

Как вам кажется, почему мы не способны понять святых? Или, говоря проще, почему мы не можем понять тех, кто любит Бога?

Мы говорим: «Разве так необходимо было все это делать, чтобы спастись, чтобы быть рядом с Богом? Разве так необходимо уходить для этого в горы? Неужели и мы должны делать все так, как делали святые?» Конечно, нет. В этом нет нужды. Но если бы мы поняли, что наши отношения с Богом нужны не только ради спасения, но и для выражения нашей любви к Нему, то тогда нам бы стали понятны и святые и их поступки.

Эти поступки не могут быть истолкованы при помощи одного лишь разума, потому что любовь выходит за пределы логики. Даже мирская любовь, любовь одного человека к другому человеку. Когда, например, кто-то собирается вступить в брак и любит своего избранника: молодой человек любит свою невесту, девушка любит своего жениха... Они могут поступать совершенно иррационально. Если, например, вы спросите его или ее, кто самая красивая или самый красивый в мире, каждый наверняка назовет своего возлюбленного (возлюбленную). Потому что они смотрят глазами любви. Мы, естественно, увидим другое. Если вы спросите влюбленную девушку, кто лучший человек в мире, она расскажет вам о том, кого любит, и расскажет самыми лучшими словами. Она не заметит в нем никаких недостатков, она не может видеть ничего плохого в нем, потому что любовь выше этого.

Любовь не может быть навязана логикой. Любовь выше логики. Поэтому мы не можем применять критерии мирской логики к тем людям, которые любят Бога. Святые руководимы своей логикой, которая отлична от мирской, потому что их логика – это «логика» любви. Так что Церковь не учит нас просто становиться хорошими людьми – хотя и этому тоже. Это все азы. Наша Церковь учит нас любить личность Господа нашего Иисуса Христа.

Жизнь в Церкви развивает отношения, но это личные отношения между человеком и Христом, а не между человеком и учением Христа, не между человеком и Евангелием, нет. Евангелие – это то, что помогает нам достичь вершины любви к Христу. Когда мы достигнем этой точки, Евангелие нам больше не понадобится. Не будет необходимости ни в чем, все прекратится, останутся только отношения человека с Богом. В этом разница между Церковью и религией.

Религия учит выполнять свои обязанности так, как это делали и идолопоклонники. Вот, например, мы отправились в паломничество, проявили наше почтение, положили немного денег в ящик для пожертвований, оставили несколько зажженных свечей, даже немного наших молитв и записок, причастились. Все перечисленные действия и есть религиозные обязанности, которые мы исполнили. Но наше сердце никак не изменилось при этом. Время, отведенное нам, подходит к концу, а мы такие же, какими были раньше: готовы наброситься друг на друга, поссориться, приунуть снова, так же как и раньше... Наше сердце не меняется. Мы не входим в отношения с Христом, потому что ограничиваемся просто религиозными обязанностями.

И вы наверняка знаете таких людей – «религиозных»: это самый страшный тип в Церкви. Они по-настоящему опасны. Сохрани нас Бог от них... Однажды, когда я служил в храме и мы возглашали «Господи, спаси благочестивых...», монах со Святой Горы в шутку заметил: «Господи, спаси нас от благочестивых...» Иными словами, избави Бог нас от таких «религиозных», так как словосочетание «религиозный человек» подразумевает искаженную личность, у которой никогда не было личных отношений с Богом. Люди такого типа только выполняют свои обязанности по отношению к Богу, но не стараются вступить в какие-либо отношения с Богом, поэтому Бог ничего и не дает им. Должен признаться – и это я говорю, основываясь на моем собственном опыте, – что я никогда не видел худших врагов Церкви, чем «религиозные люди».

Всякий раз, когда дети религиозных людей или священников и богословов – или даже тех, кто в Церкви ведут себя как богословы, осознавая собственную важность, – пытались стать монахами или священниками, они, родители, становились хуже демонов. Они начинали раздражаться, превращались в злейших врагов. Я помню родителей, которые охотно приводили детей на проповедь, но, когда их дитя делало шаг вперед к тому, чтобы исполнить услышанное на проповеди, они становились худшими из людей, каких только можно представить. И мне приходилось напоминать им: «Ведь вы же сами привели ребенка на проповедь, а не я».

Как-то однажды я сказал отцу, чья дочь имела большую ревность о Церкви: «Не думаю, что вам и дальше надо приводить свою дочь на проповеди. Не приводите ее и беседовать со мной. Ваша дочь станет монахиней, и в этом вы будете винить меня». Он ответил: «Нет, батюшка, такого не может быть, мы вас так почитаем!» А его дочь и в самом деле стала монахиней... Прошло семь лет, а он все еще не разговаривает со мной...

Люди, которые не пропустили ни одной проповеди... те, кто всегда первый на ночных бдениях, при чтении книг... Они всегда приводят с собой своих детей... Но когда приходит время проявить ребенку свою свободу – решить самому, какой путь выбрать, эти люди перемещаются в совершенно противоположный лагерь, тем самым доказывая, что Христос никогда не говорил с их сердцами. Они были просто «религиозными людьми». Вот почему в Церкви с ними труднее всего. А знаете почему? Некоторые из них никогда не смогут излечиться, потому что они думают, что близки к Богу.

Грешники – «неудачники», так сказать, – по крайней мере, осознают, что они грешники. Вот почему Христос сказал, что мытари и блудницы войдут в Царство Божие, а фарисеям сказал так: «Вы, “религиозные”, не войдете в Царство Божие, потому что слово Господа никогда не меняло ваше сердце» – они лишь присоединялись к соблюдению религиозных формальностей.

Итак, нам нужно собрать все наше внимание и понять, что Церковь подобна больнице, которая лечит нас и помогает любить Христа, а любовь ко Христу есть пламя, которое загорается в сердце, чтобы мы могли проверить себя, увидеть, находимся ли мы в Божией любви. Если мы заметим в себе какие-либо формы злобы, эгоизма и порока, то должны осознать и признать, что Христос не может быть в нашем сердце, когда оно полно «уксуса».

Как можно молиться и в то же время быть полным желчи по отношению к другому человеку? Как можно читать Евангелие и не мириться со своим братом? Как можно говорить «я в Церкви на протяжении стольких-то лет» – как монах, священник или кто-либо иной – и не являть то терпение, с которым нужно относиться к ближнему? Не приняв этого, вы ничего не добьетесь. Абсолютно ничего.

Мы помним, как Христос сказал пяти девам, что не знает их. Он покинул бы их и в свадебном зале, даже если бы они обладали всеми возможными добродетелями, потому что им недоставало любви. И этим бы Он сказал

им: «Вы можете хранить девство, делать тысячи благих дел, но не постигнете сути того, что является самым важным».

Если нет любви, то какой смысл от того, съем я или не съем сегодня оливкового масла? Я могу, к примеру, строго поститься и не есть оливковое масло, но при этом мучить брата моего с утра до вечера... На Святой Горе обычно говорят: «Не спрашивай меня, ем ли я рыбу; пока человек не съел рыбака, он может есть рыбу» или «Пока ты не съел того, кто дает масло, можешь употребить в пищу немного оливкового масла». «Съесть» кого-то своим язвительным языком гораздо хуже, чем съесть полную ложку оливкового масла. И, тем не менее, мы обращаем больше внимания именно на это: едим масло – не едим масло, едим рыбу – не едим рыбу...

Кто-то может окунуть свою ложку в какое-то блюдо, и это станет причиной большой ссоры с другим человеком только потому, что до этого он опускал эту ложку в другое блюдо... Вы видите, как смешно все это и как потешаются над нами демоны, а также и те, кто находится вне Церкви. И когда они обращают свои взоры на нас, то видят не тех, кто, живя в Церкви, постепенно уподобляется Иисусу Христу, становится добрым и разумным человеком, в душе которого царит гармония, а, к сожалению, нас, со всеми нашими страстями и всем нашим укусом. И они неизбежно говорят: «Что? Стать одним из этих? Нет, не хочу!»

Вот мы совершили паломничество, пообщались с духовными отцами, приложились к святым мощам, увидели Святую Гору. Какова же в итоге польза? Изменилось ли наше сердце? Стали ли мы добрее? Или смиреннее по отношению к тем, кто живет с нами в одном доме или в одном монастыре, трудится на одной работе? Только это имеет значение. Если мы не добились этих изменений, то давайте, по крайней мере, покаемся в этом и станем скромнее.

Если нам не удалось измениться, то мы достойны многих слез – и сочувствия. Потому что, к сожалению, время летит, годы идут... Когда отца Паисия спросили, сколько лет он прожил на Святой Горе, он ответил: «Столько же, сколько и мул моего соседа. В тот год, когда я приехал на Святую Гору, мой сосед купил себе мула. Мы с ним одинаковое число лет живем на Святой Горе, и все же бедное животное так и осталось мулом. Как и я: я не изменился».

Мы, священники и монахи, как правило, любим говорить: «Я жил в монастыре столько-то лет». Например, 40. Но вы не понимаете, что эти годы не пошли вам на пользу. Бог скажет вам: «40 лет! И тебе до сих пор не удалось кем-то стать? Ты все еще сердисься, порицаешь, споришь, упрямишься, не смиряешься? У тебя было 40 лет, а ты так и не выучил азы монашеской жизни, христианской жизни? Что Мне делать с твоими годами? Что Мне делать с тобой, если ты, проведя столько лет с верой, не можешь по-доброму поговорить с человеком? Для чего Мне тогда все, что ты сделал?»

Это оборачивается против нас. Я говорю в первую очередь о себе. Потому что ко мне, прежде всего, относятся эти слова. И поскольку я знаю такое за собой, то рассказываю и вам.

Надо сказать, что такое осознание, по крайней мере, смиряет нас. Если мы начнем смирять и останавливать себя в великих мыслях о собственной персоне, то, может быть, тогда начнем постепенно исправляться через покаяние – которое рождается из смирения. Человек, который не стремится оправдать себя, действительно раскаивается. Тот же, кто ищет себе оправдание, никогда не покается; и тот, кто всегда оправдывает себя – и внешне, и внутренне, никогда не узнает, что значит покаяние. Вот почему мы всегда должны наблюдать за собой. «Испытайте себя» (2 Кор. 13: 5), – говорит апостол. Исследуйте себя, чтобы увидеть, есть ли внутри вас любовь к Богу. И если мы живем в покаянии, то Бог может вернуть нас к жизни – и мы станем исцеленными от страстей и грехов.

Многие спрашивают, как же достичь этого? Когда мы предадим себя в руки хорошего врача – Господа Бога, когда мы доверим себя Ему в любых обстоятельствах и трудностях, то Бог, знающий, что лучше для каждого из нас, поведет нас по таким путям, которые будут медленно-медленно, в течение многих лет улучшать нас. Все, что нам нужно сделать, – это предать себя Богу с таким доверием, с каким мы относимся к врачу или, скажем, к капитану судна. Мы не скрываем нашего доверия. Он ведет нас, и мы не беспокоимся о цели и

времени прибытия, потому как знаем, что у руля корабля – внимательный, бдительный, осторожный человек, который знает дорогу.

Еще один важный момент, о котором следует сказать, – вопрос времени. На что мы его тратим? Самая трагичная ситуация в доме – это когда все сидят перед телевизором и никто друг с другом не разговаривает. Время уходит, а люди не общаются. И что горше всего: то, что мы смотрим по телевизору, – это источник наихудшего разложения для наших близких, особенно детей. Однажды, плывя на корабле в паломничество, я обратил внимание на одно из мест, где обычно бывает молодежь. Там предлагались прохладительные напитки, и там был включен телевизор. И, хотя никто не обращал на него внимания, он продолжал работать. Я простоял так с минуту, чтобы понять, что показывают – хотя я так и не знаю, что это был за фильм. Показывали нескольких людей, которые гнались за другими людьми. Это была непрекращающаяся погоня. Было оружие, пули, машины, взрывы, прыжки с одного дома на другой... И это видят ваши дети, смотря телевизор. Так много насилия!.. Я даже не говорю обо всех других непристойностях, которые не хочется упоминать и которые разрушительны даже для взрослых людей. И не говорите мне, что все не так, я знаю об этом из первых уст – из признаний, которые мы слышим на исповеди. Взрослые и пожилые люди, очень уважаемые, разрушаются под действием телевидения, всей той пошлости, которая на них обрушивается каждый день. Я не имею в виду сейчас какое-то особое разрушительное влияние, я имею в виду все в целом – все насилие, исходящее от телевидения. Чего ждать от детей, не огражденных от жестокости? Естественно, они и будут непослушными и своенравными, и будут совершать поступки, чуждые их природе!

У вас не возникает мысли, насколько это уродливо, когда маленькие дети подражают взрослым? Они копируют их, тем самым уничтожая свою детскую непосредственность. Мне не раз приходилось присутствовать на каком-нибудь мероприятии, где непременно были и дети, которых заставили танцевать. И вот перед вашими глазами девочки и мальчики, лет 10–12, совсем невинные, делают танцевальные движения, скопированные у женщин постарше – женщин бесстыдных, с совершенно другой моралью. Вы становитесь свидетелями того, как дети уничтожаются этим подражанием взрослым, которых они видят по телевизору. Они уничтожаются еще и тогда, когда предоставлены заниматься чем им угодно и развлекаться как им угодно. Это катастрофа.

И не только с точки зрения духовной, но и с точки зрения вообще любой: психологической, социальной, семейной. Держите детей как можно дальше от всего подобного. Помогите своим детям быть независимыми от телевизора, потому что иначе они преисполнятся дурных примеров. И вы тоже. Если вы не разрешаете своим детям смотреть безнравственные фильмы, но сами так поступаете, то что толку? А какие глупые предупреждения предваряют фильмы! Нельзя смотреть детям до 18, или до 12 лет, или еще какого-то возраста. Конечно, эти предупреждения только подогревают юношеское любопытство. И подростки обязательно посмотрят такой фильм. Им кажется, что если этот фильм запрещен для всех, кто младше какого-то возраста, то он должен содержать что-то, заслуживающее особого внимания.

Мне кажется, все разрушения, которые наносятся внутреннему миру людей, и не перечислить. Ясно же, что хорошие примеры, о которых знает человек, чрезвычайно полезны для его духовной жизни. То же самое применимо и к противоположному: скверные примеры, свидетелем которых стал человек, создают так много худых ситуаций в его жизни, что причиненный ими ущерб фактически неисчислим, а иногда мы даже не можем сказать, поддается ли это лечению вообще. И если бы кто-нибудь занялся наблюдением и изучением этого, то увидел бы, как разрушительно действует телевидение на человеческую душу, особенно молодых людей.

Оно разрушает общение, убивает время, уничтожает невинность человеческой души, а когда человек уже искорежен, он перестает стремиться что-то делать. Его душа заполнена вещами, которые утомляют его, и он еще удивляется, почему это он так устал, – и не может понять почему... Проведите эксперимент: уберите или, по крайней мере, сведите до минимума пользование подобными вещами – и вы увидите, насколько спокойнее вы станете и сколько свободного времени будет в вашем распоряжении, которое можно провести гораздо более плодотворно.

Конечно, эти вещи не связаны с нашей духовной жизнью, потому что духовная жизнь есть продукт всей деятельности человека в целом. И я не хочу призывать к отказу от телевизора вообще. Я не против него как такового, но дело в том, что все эти явления делают нашу жизнь труднее, вместо того чтобы облегчать ее, и они разрушают ее, так же как и технический «прогресс», который ее модернизирует. Вы поднимаетесь на борт самолета – и вот вы уже далеко. Вы садитесь на корабль – и вот уже почти достигли цели. И вам не нужно грести веслами, как это делали в старину. Есть тысячи других удобств, которые, конечно, облегчают нашу жизнь, но также порождают и одну большую проблему, приводя нас к потере себя, красоты жизни и в конечном итоге разрушая мир, в котором мы живем.

Нет сомнений, что все это коверкает нашу личность. Но все-таки будем помнить слова Христа: «Невозможное человеку возможно Богу» (Лк. 18: 27). Ведь вокруг нас чудеса Божии, которые творятся даже сегодня. Ведь, вопреки всей нашей погруженности в информационную стихию и нашему скепсису и вопреки такой доступности греха, все еще существуют люди, любящие Бога, и огромное чудо человеческого спасения становится реальностью, несмотря на наши слабости, проблемы, трудности, наше «я».

Именно поэтому ради решения всех проблем и ответа на все вопросы нужно открыться для любви к Богу. А когда человек полюбит Бога, Бог его излечит и воскресит, и даже если человек мертв и разлагается – Бог восстановит его, если человек выбросит из своего сердца все бесполезное и оставит в нем только любовь к Богу, и станет строить свою жизнь в соответствии с этой любовью, и будет стремиться достичь вершины любви к Богу – всей своей жизнью, всем, что имеет, и всем, что делает. Если человек так поступит – это будет означать, что он действительно пришел в эту жизнь, чтобы наслаждаться ею, и его жизнь станет раем, потому что рай есть не что иное, как любовь Божия, в то время как «ад» – не более чем отсутствие Его любви.

Нельзя забывать о том, что все, что мы совершаем, должно происходить только по этой причине. Наша жизнь не должна быть «религиозным поведением». Мы должны стать людьми, которые любят Бога, чтобы наша жизнь смогла преобразиться, а мы сами смогли бы уподобиться Господу нашему Иисусу Христу.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

Перевела с английского [Ангелина Леонова](#)

[Orthodox outlet for dogmatic enquiries](#)

[2 ноября 2010 года](#)

Уверенность в себе или самоуверенность?

Грешно ли быть уверенным в себе и верить в себя, то есть считать, что можешь самостоятельно справиться с любой ситуацией, возникающей на жизненном пути? И чем отличается разумная уверенность в себе от эгоистичной самоуверенности?

На эти вопросы ответить не так-то просто, потому что это тонкая проблема, которую каждый переживает по-своему. Что здесь можно сказать? Совсем не обязательно, что человек, действительно желающий изменить свою жизнь, имеет эгоистичную самоуверенность. Христианин, как правило, говорит, что сделает все от него возможное, а Бог поможет.

Вспоминаются монашеские обеты при постриге, когда дающий их обещает соблюдать их, не полагаясь только на себя.

Постригаемого спрашивают:

– Пребудешь ли в подвиге и в обители до последнего вздоха?

Он отвечает:

– Да, с Божией помощью.

– Будешь ли хранить воздержание с предусмотрительностью и благоговением?

– Да, с Божией помощью.

– Ты пришел сюда, чтобы сохранить послушание до самой смерти?

– Да, с Божией помощью.

Итак, человеку задают несколько очень важных вопросов, причем на некоторые из них он не может дать точный ответ сразу же – в силу ограниченности человеческих способностей, а он уверенно отвечает: «Да, я буду делать то, что вы говорите, но только с помощью Бога». При этом личная свобода никем не отменяется, а, следовательно, не отменяется и наша собственная личность. Когда мы говорим о нашем бытии, личности, то имеем в виду, что можем руководить своими силами и волей. Вот я говорю: я желаю сделать то-то и то-то, а Бог пусть поможет мне достигнуть этого. Но если я не достигаю желаемого, то смиряюсь и прошу Господа о прощении, с кротостью и покаянием заполняю ту пустоту, которая создается невозможностью осуществления того, о чем я заявлял.

Все сказанное выше касается, прежде всего, молодых людей, для которых особенно характерна самонадеянность. А когда человек уже взрослый, в годах... Какая уверенность в себе у него может быть? Если ему за 60 или за 70, он уже может начинать со всеми прощаться... После 50 человек начинает готовиться, «паковать свои вещи» – подобно тому, кто возвращается домой из отпуска. Он жил здесь месяц, но отпуск закончился, осталось два или три дня, нужно наконец собираться, складывать вещи, одежду, укладывать их, стирать, убирать в чемодан, быть готовым к тому, чтобы уехать через пару дней.

Вы ведете себя совершенно по-разному – в первый день отпуска, когда знаете, что останетесь в этом месте на месяц или два, и в последние дни. В эти дни все кончено – вам остается только собирать вещи...

Когда человек только в начале какого-либо пути, он должен иметь дерзновение, но и предположение о том, как он приступит к своему делу, как распорядится днями своей жизни, как он вступит в брак, создаст семью, будет продвигаться по карьерной лестнице, брать кредит, строить свой дом... Если он лишен такого взгляда в будущее, отходит в сторону, заявляя: «Я ничего не смогу сделать», то в этом нет ничего хорошего – это нездоровое, болезненное пораженчество, и Бог не хочет, чтобы мы были такими, потому что Бог создал нас царями, а не пораженцами и рабами. Но, конечно, царями мы становимся только после того, как обуздаем наши страсти и грехи, которые делают нас своими рабами. Только тогда духовная свобода претворится в реальность наших решений и дел.

Все, что мы делаем, мы делаем потому, что так хотим: то есть я следую за Христом в своей жизни, потому что хочу следовать за Ним... Итак, я хочу быть христианином, у меня может не получиться, но я хочу этого – в соработничестве с Богом. С Божией помощью и уповая на Его поддержку, я могу. Мне нужно показать свое намерение, и Бог даст мне требуемые силы – как гласит прекрасное изречение из Патерика, которую отцы часто повторяют: «Пусть Бог даст силу вашим намерениям и желаниям».

У нас нет силы, у нас, возможно, многого нет, но главное – у нас есть своя воля. «Да, я хочу это сделать, я хочу быть христианином, я хочу следовать Евангелию, я хочу держать свое слово и свое обещание Богу. Смогу ли я? Не знаю, но знаю, что хочу этого. Так что если я проявлю свою волю, то Бог даст мне силы, и моя свобода и Божия сила будут работать вместе ради блага меня, как человека, на пути к совершенству».

Так разрешается вопрос: «У меня уверенность в себе или эгоистичная самоуверенность?» Наличие или отсутствие эгоизма становится явным благодаря совсем другому.

Иногда человек должен оказать сопротивление. Он должен быть настойчивым в том, что есть его.

Многие будут говорить вам: «Вы упрямы, вы следуете только своей воле». Так что же? Что, если так? Разве я должен быть как тростинка, которую ветер качает туда-сюда? Неужто вы думаете, что если скамандуете: «Эй! Иди сюда!», то я тотчас и побегу?

Нужно иметь твердость говорить: «Нет, я не пойду в это место; это не по мне, у меня нет желания идти туда, а вы можете идти... Вы можете делать, что хотите, я уважаю вашу свободу, я не могу ей мешать, но я, безусловно, не считаю обязательным для своей свободы делать то, чего не хочу. Это все».

Как все мы знаем из собственного опыта, человек должен иногда быть настолько тверд, настолько непоколебим в своих убеждениях, что даже если все его окружение будет давить на него или угрожать, тем не менее он ответит: «Я не откажусь от своей точки зрения, а вы можете делать все, что хотите!»

Человеку не нужно разрушать себя, он не должен действовать так, чтобы всегда и во всем уступать якобы из смирения. Такая позиция не имеет отношения к смирению, потому что подлинное смирение не обезглавливает человека. Смирение делает нас совершеннее; смирение предоставляет нам свободу выбора в понимании того, где мы должны устоять, а где нет; где должны сказать «нет» и остаться на месте, а где – полностью подчиниться другому человеку – безусловно.

Так что нельзя думать, будто бы нам не пристало хотеть что-то изменить в своей жизни, иметь мечту – особенно в молодости – например, стать врачом или кем-то еще. Кто-то скажет вам, что это невозможно, – ну и что? Я должен перестать хотеть? Разумеется, невозможно не иметь желаний – только мертвый ничего не хочет. Даже великие святые имели большие желания... Какие же? Исполнить Божию волю. И хотя святые обычно по смирению уступали, но, когда дело касалось Божией воли, они оставались непреклонными. Они были непоколебимы, так что даже если бы весь мир обрушился на них, они не изменили бы своего положения.

Вспомним, что говорил святой Косма Этолийский: «Когда ты видишь турок и они требуют серебро, позволь им взять серебро; они захотят земли – отдай им поля; разреши им взять все – и не сопротивляйся. Только не отдавай туркам свою душу». В этом ты должен оставаться непоколебимым. Ты должен выучить, что значит «нет», и ответить всему, что посягает на твою душу: «Нет». К сожалению, в наши дни многие подростки говорят: «...но это же мои друзья – что я могу сделать? Это моя компания – как я могу сказать им “нет”? Разве могу я разочаровать их и пойти против?»

Здесь не может быть двух мнений. Есть определенные границы в наших отношениях с людьми. Как гласит пословица: ты же не позволяешь кому угодно ложиться в твою постель? Да, он может войти в твою гостиную, даже пройти на кухню, но ему не дозволен доступ в твои личные покои. Незнакомцы просто не могут туда войти. Есть определенные пределы, и мы говорим: «Нет, сюда вы не можете войти».

Нам необходимо научиться обозначать эти пределы. И, как мы уже говорили, истинное смирение дарит человеку личность – чрезвычайно сильную, но ни для кого не опасную. Она никому не вредит, как и Сам Бог, Который управляет миром, никому не нанося ущерба.

Бог дал нам свободу делать все, что мы хотим. У нас есть свобода отвергать Его, оскорблять Его... Он дал нам эту свободу, потому что у Него нет чувства незащищенности. У смиренного человека тоже нет чувства незащищенности, он не склонен к подозрительности или слабости; он позволяет другим поступать, как те хотят, но сам остается непоколебимым в своих решениях. Он уверен, но никому не мешает.

Эгоистичная самоуверенность есть в том случае, когда человек говорит: «Я могу делать все сам и ни в ком не нуждаюсь». Но не в том случае, когда вы говорите: «С Божией помощью, я сделаю; я попытаюсь это сделать, и я молю Бога, чтобы Он помог мне...»

Например, вы говорите: «Я хотел сдать эти экзамены; я сделал все возможное, я учился, я во всем поступал так, как было нужно, но я не сдал». Это то, что обнаруживает вашу внутреннюю сущность как духовно здоровую. Да, вы чувствуете разочарование – по-человечески, но вы не будете ощущать уныния или отчаяния и бросать все. Вы говорите себе: «Ладно, я принимаю эту неудачу, я рассматриваю неудачу как возможный результат. Это меня не пугает, это не вызывает у меня паники. Неудача не раздавит меня. Это допустимо –

столкнуться с неудачей, ведь она не всегда имеет отрицательные последствия... Я человек, я ограничен в своих возможностях, я не идеален, не всемогущ, я не могу добиться всего...»

Вот почему, даже когда святые грешили, у них были силы подняться вновь с простотой и здоровым отношением; если они грешили, то каялись из самой глубины своего сердца, и так до самой смерти, но они никогда не поддавались чувству угнетения и депрессии. Мы же, когда внутри нас есть грех, начинаем заниматься мучительным самокопанием и терзанием, как будто согрешить есть что-то странное для нас... Неужто вы и впрямь считаете себя настолько важным и непогрешимым, что рассчитывали никогда не ошибаться и не в чем не погрешить?

Грех и ошибка рядом с нами в любую минуту; они «замешаны» в нас. Это обычное для нашего состояния дело, и поэтому даже скромный человек должен быть благоразумным. Он скажет себе: «Эй, я должен быть осторожным и не подвергать себя опасности». Смиранный человек будет действовать осмотрительно, в то время как надменный скажет, что нет проблем, а потом – бац! – падает...

Жить во Христе не значит, что вы спокойно можете «проспать» всю свою жизнь, и все будет идти гладко, без всяких забот. Нет. Жизнь во Христе проходит в серьезной борьбе; вы должны заплатить за свою свободу кровью. Слова «Я буду следовать за Христом» исполнить не так-то просто, и в этом нет ничего странного. Жизнь во Христе требует многого, иногда очень многого. Чтобы обрести такую жизнь, необходимо приложить к этому все свои силы... Иными словами, вы не сидите, сложа руки и ожидая от судьбы, что она подаст вам все, что пожелаете. Вы боретесь. Жизнь во Христе – это борьба.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#),
перевела с английского [Ангелина Леонова](#)

[5 мая 2011 года](#)

Три искушения в браке

Мы уже говорили о том, что Бог сотворил человека и поселил его в раю, где он существовал естественно, будучи в здоровых взаимоотношениях со своей женой Евой. Их целью было не рождение детей, а познание совершенства, постижение совершенной Божией любви, что и является главной целью брака. Поэтому каждое Таинство Церкви, включая брак, совершается для прощения грехов и стяжания вечной жизни. Поэтому брак есть Таинство, харизма, которую Бог благословляет и подает нам в Церкви. Поэтому Церковь благословляет брак и считает семью таким местом, куда человек направляется, чтобы раскрылось его предназначение.

В конечном счете целью брака является преодоление его самого – преодолеть брак, а не превращать его в идол, смотреть на него как на средство, призванное привести тебя к Богу. Любовь в браке не отменяется, потому что Божия любовь не отменяет любви к людям и нашей любви друг к другу, не отменяет ни супружеской любви, ни любви к детям, а напротив, делает человеческую любовь крепче, сильнее, чище, здоровее, делает ее поистине совершенной.

Сегодня мы будем говорить о некоторых более практических вопросах, касающихся проблем, с которыми человек сталкивается в браке. Мы знаем, что страстей, с которыми мы призваны бороться, – основных, тех, что борют человека и из которых рождаются остальные страсти, – три: славолубие, то есть эгоизм, сребролюбие и сластолюбие. Почему мы так считаем?

Из учения отцов Церкви и из их опыта, а главное – из святой жизни Христа, описанной в Евангелии, с очевидностью явствует, что диавол воевал против Христа с помощью этих трех искушений. Первое — это искушение эгоизма, славолубие, самомнение и гордость: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, – говорит он Ему (Лк. 4: 9). Второй помысел – помысел сластолюбия – мы видим, когда диавол предлагает Христу

превратить камни в хлеб. И третье искушение – сребролюбием, когда искуситель предлагает Ему богатства всего мира. Разумеется, Христос отверг все эти три искушения и таким образом победил диавола. Эти же три искушения возникают и перед каждым человеком – эгоизм, из которого рождаются все прочие страсти, а также сребролюбие и сластолюбие.

С другой стороны, у нас имеются и три харизмы, три высшие добродетели Святого Духа, а именно вера, надежда и любовь – они идут вместе. Вера – это основа, на которой зиждутся надежда и любовь, так же как и эгоизм есть основа, из которой рождаются все остальные страсти – сребролюбие и сластолюбие. Так и семейный человек, стремящийся к совершенству во Христе, должен будет бороться – как и всякий подвизающийся христианин, будь то монах или мирянин, – с этими тремя большими и главными страстями.

Эгоизм

Первая страсть, как мы сказали, это эгоизм. Как же он проявляется на деле? Что он означает? Само слово дает нам ответ – «эгоизм», то есть все вращается вокруг нашего «эго»: «Только я и никто другой! Я так думаю, я так считаю, я так хочу, мне так нравится, я хочу, чтобы было так!» Всё это, естественным образом проистекающее из эгоистической настроенности человека, не позволяет эгоистичному человеку полюбить сильно, не дает возлюбить. Причина в том, что он не может превозмочь себя, он замкнут в своем эгоизме, в своем индивидуализме. Эгоистичный человек не может ни возлюбить, ни смириться. И как же он смирится, когда он эгоист, – он даже не может признать своих ошибок, потому что всегда и во всем оправдывает себя.

Эгоист не может общаться, он не способен на это, потому что для того, чтобы общаться с другим человеком, надо выйти за пределы самого себя, надо услышать другого. Но чтобы услышать другого – и услышать в точности то, что он сказал, – прежде всего надо, чтобы замолчал ты сам, чтобы у тебя не было своих мыслей, помыслов, чтобы у тебя не было предрассудков, чтобы ты заранее не был предрасположен к чему-то, чтобы ты мог затем с легкостью поставить себя на место другого человека.

Недавно я услышал одну американскую поговорку, которая гласит: «Если хочешь понять другого, пройди пару верст в его ботинках, и ты поймешь его». То есть, чтобы понять человека, надо спуститься туда, где находится он. Или подняться, если он стоит высоко. Надо понять другого человека, увидеть, как он рос – его возраст также имеет значение, и даже разница полов: мужчина и женщина – не одно и то же: одна психология у него и другая у нее, одна биология у него и другая у нее. Возраст также играет роль. Одно дело – человек в 20 лет, и другое – в 30, 40, 50. Человек, который рос в одной среде, отличается от выросшего в другой. Даже место, из которого мы исходим, имеет значение. Да, это было подмечено тысячи раз. Имеет значение и место, в котором человек вырос: в каком городе, в каком селе, при каких обстоятельствах.

Чтобы можно было общаться с другим, надо его понять, поставить себя на его место, стать одним целым с ним. Доказательство тому — Христос. Христос мог спасти нас, будучи на небе. Он мог спасти нас, прислав сюда Евангелие или еще каким-нибудь иным способом. Для Христа нет ничего трудного. Он, однако, этого не сделал. Он абсолютно, полностью стал Человеком, подобным нам, чтобы – именно после того, как мы оказались бессильны, – смочь спасти нас. Чтобы мы могли соединиться с Ним и чтобы показать нам истинный способ общения. Он стал Человеком ради нас.

Чтобы общаться со своей женой, муж должен понять, как думает жена, – если он этого не сделает, ему никогда не удастся общаться с ней и он всегда будет думать о жене по-своему. Также и жена, если ей не удастся научиться тому, как думает мужчина, понять, чего хочет мужчина, чего он ждет от жены, как он хочет, чтобы жена относилась к нему, – ей никогда не удастся общаться с ним. То же самое относится и к детям и нашим родителям.

Эгоизм – один из самых существенных факторов, разрушающих брак, и это мы каждый день видим вокруг себя. Эгоизм разрывает всякую связь человека: и с Богом, и с самим собой, и с людьми вокруг него, и тем более с его спутником, спутницей по жизни и с детьми.

Как бороться с эгоизмом? Смирением. В монашеской жизни смирение прививается через послушание, а в браке – через отсечение собственной воли. С этого начинает человек – отсечь свою волю. Идешь сделать что-то – жертвуешь тем, чего хочешь сам, делаешь то, что говорит тебе другой человек. Сидишь, чтобы его послушать, уделяешь ему время, чтобы он рассказал тебе то, что ему хочется высказать, и даже если это кажется тебе смешным и незначительным, его нельзя считать смешным – ты должен смотреть на это всерьез, поскольку для другого это серьезно.

Если ты не научишься смиренно принимать аргументы и реалии другого человека, тогда ты, конечно, прервешь всякую возможность коммуникации с ним. Отсечение воли – и в самом малом, например сделать какую-нибудь работу по дому, исполнить свои обязанности, поступиться своим удобством в тот миг, преодолеть все эти «я так думаю», «я хочу, чтобы было так».

Вчера мне задали вопрос: что происходит с воспитанием ребенка, когда один из родителей говорит одно, а другой другое. Ну что происходит? У нас налицо два родителя-эгоиста, которые в конце концов испортят своего ребенка, потому что никто из них не смиряется, чтобы сказать: «У моего мужа тоже есть право воспитывать ребенка!», «У моей жены тоже есть право воспитывать ребенка. Не я один знаю, как и что надо». Например, мать сказала что-то по поводу ребенка. Супруг не должен сразу же опровергать это и любой ценой требовать, чтобы жена согласилась с ним.

Как мы уже сказали, иначе держится отец, и иное поведение и место у матери в детской психике. Когда ты не соглашаешься с другим человеком и думаешь, что только ты знаешь все и только ты один можешь высказываться по поводу воспитания ребенка, тогда ты, несомненно, унижаешь своего партнера. И другой или замолчит, или, если это муж, возьмет газету и скажет: «Воспитывай его сама! Если хочешь, чтобы я его искупал, позови меня!»

А может, они станут кричать, ругаться и т. д., и в доме начнется хаос...

Сребролюбие

Вслед за эгоизмом мы сталкиваемся со сребролюбием. Услышав это слово, мы думаем, что речь идет о любви к деньгам. Однако сребролюбие – это не только это.

Почему же сребролюбие – грех? Ведь у всех у нас имеются деньги — и у вас есть деньги, и у меня есть деньги, и у Церкви есть деньги, и у монастырей есть деньги, и у Христа были деньги. Проблема не в деньгах. Деньги сами по себе не что-то плохое. Плохо сребролюбие. Что же оно собой представляет?

Напоминаю вам, какая добродетель является второй, – надежда. Первой является вера, и в связи с ней мы сказали, что эгоист не может уверовать, потому что он верит только в себя. Верит в себя – только он один, и никто другой! Эгоист, в сущности, является неверующим. Он нераскаян, замкнут в себе самом, эгоизм не позволяет ему сделать ничего.

У сребролюбца же нет надежды на Бога, которая является второй добродетелью после веры. Потому что он надеется на свои деньги. «Я должен чувствовать карман полным». Есть старые люди, лет эдак под сто, у которых полно денег в банке и которые дрожат над ними, потому что берегут их «на старость». Сами стоят на пороге смерти в буквальном смысле слова, а хранят в банке тысячи лир. Для сребролюбца немислимо потерять их, потому что у него нет надежды на Бога, он надеется на деньги – в этом суть греха.

И не только на деньги, но и на наши знания: «Я полагаюсь на свои знания, на свои силы, я представляю собой нечто, у меня есть власть, есть положение, есть образование, финансовое благополучие». Грех – надеяться не на Бога, а на свои силы, на свои деньги, на свое состояние, на свое знание, на свои способности, на свою красоту и все прочее, потому что это похищает сердце твое у Бога и прилепляет его к чему-то иному. Ты надеешься, что ты так красив или так красива, что тебе и нужды нет взглянуть на кого-нибудь вокруг. Уйма молодых людей желает видеть тебя своей женой, но ты всех отвергаешь, потому что думаешь, что придет сказочный принц и попросит твоей руки. Вы много таких сказок читали, помните?

Как это мешает в браке? Мешает, потому что каждый замыкается на своих делах. Вы видите сегодня, что в каждой второй семье супруги тратят деньги по отдельности, и каждый месяц они садятся вместе и подводят итоги. Я советую им нанять бухгалтера, чтобы разобраться во всем этом и не ругаться, кто из них потратил больше... Один платит за воду, другой за электричество, этот за бензин, они всё подсчитывают и так платят. Мало людей переступают через это – чтобы распоряжались деньгами все и при этом не испытывать боязни перед другим человеком. Идут покупать дом и боятся:

– Полдома запишешь на меня!

Чтобы завтра они, паче чаяния, не развелись и другой не забрал весь дом себе. Как будто проблема в этом и заключается — кому достанется дом, когда они разведутся...

Этот менталитет — «мои вещи», «мое время», «пойду со своими друзьями», «у меня тоже есть друг», «у меня свои планы». Именно это мое и есть то, что привязывает меня к разным вещам. В монашестве это преодолевается через нестяжание: у тебя нет ничего, тебе не позволено иметь абсолютно ничего, даже десять лир.

Как это преодолевается в браке? Через общую собственность. Все, что у нас есть дома, – это наше, общее. Апостол говорит, что мы не имеем власти даже над своим собственным телом^[1] – даже я сам не принадлежу себе. В одном тексте святого Иоанна Златоуста говорится так: «Что ты говоришь постоянно о моем и твоём, когда мое тело принадлежит не мне, а тебе и твоё тело принадлежит не тебе, а мне?»^[2]. Один принадлежит другому; нет «моего» и «твоего».

Вы видите, что общая собственность была отличительной чертой ранней христианской Церкви, потому что у людей тогда была надежда на Бога и они не надеялись на нечто другое. У нас нет надежды на Бога, мы надеемся на свои силы: «Я должен сделать всё, я должен всюду успеть, я должен добиться всего, я должен это сделать». Часто слышишь:

«Как я могу со всем справиться? Сколько мне еще разрываться? Всё должен я!»

Наш старец-игумен рассказывал нам об одной женщине из его села, которая говорила:

« У меня еще столько дел не сделано, и я еще не обошла село!»

Как исчезает упование на Бога? Когда мы думаем, что всё должны сделать мы, все придумать, организовать, чтобы все было безупречно, а внутри нас гложет помысел, что от нас зависит все.

Успокойся, предоставь это Богу! Сделай, что можешь, и имей упование на Бога!

Вырвись из этого, освободись от этой подозрительности, которая возникает из-за отсутствия надежды. Ты начинаешь строить свой брак, и вместо того, чтобы строить его в надежде на успех, начинаешь обдумывать вероятности неудачи. Однако это уже ошибка, это уже неудача. Ты кладешь начало, но не учишься тому, что в браке у тебя нет своего: нет ни своего пространства, ни своего времени, и ты сам тоже не принадлежишь себе, а другому человеку.

Даже в отношении к своему ребенку. Мать говорит:

– Мой сын!

Твой сын, твоя дочь, а не наш ребенок, и в особенности если ее сын женится, то тогда начинается! Невестка слышит это: «Мой сын!», — и начинает звереть.

Он тоже говорит: «Моя мама!»

Невестка это слышит, и начинается война. Потому что это ее муж, то есть даже она не преодолела чувство собственности: «Да это мой муж, а значит, не твой сын! Поэтому она не твоя мать!»

И следует еще уйма подобных обидных слов.

Итак, эта приверженность к моему, твоему и чьему бы то ни было — поистине большое искушение в браке, это разрушительный фактор, и преодолевается это через общую собственность, через общее пользование вещами с преодолением нашей привязанности к тому, что мы считаем своим, — месту, времени, мнению. Я знаю супругов, которые ругаются из-за футбольной команды. Да. Ругаются из-за партии, из-за уймы других вещей, и один не соглашается с другим. Всё это — проявления сребролюбия, этой страсти, всеобъемлющей страсти, которая отсекает надежду. Кто отсекает свою надежду на Бога, того охватывает стресс, тот изнуряет себя, переутомляется.

Сластолюбие

Далее следует сластолюбие. Разумеется, в монашестве с ним борются путем девства и целомудрия, полного воздержания в отношении плоти. В браке с ним тоже надо бороться – семейный человек не может быть сластолюбивым, потому что сластолюбие разрушает брак. Почему? Потому что сластолюбивый человек смотрит на другого как на объект, а не как на личность. Да, имеется благословение на известную плотскую связь с другим человеком, имеется у нее и определенная цель – рождение детей, но не одно оно. То есть эта связь имеет Божие благословение и благословение Церкви, данное в Таинстве брака.

Но сластолюбие не может быть целью брака. Почему? Потому что в данный момент этот сластолюбивый порыв не может быть удовлетворен в той степени, в какой кто-то рисует его в своем воображении. Потому что другой человек, безусловно, тоже человек, и у него не всегда может быть такое же расположение, как у первого: он может заболеть, устать, у него может быть другое настроение в данный момент. В браке имеются разные периоды – период беременности или отсутствия одного из супругов, период, когда человек болеет или переживает душевный перелом, когда у него нет такого расположения, да и сам возраст тоже сказывается. Это все так, не правда ли? Человек взрослеет, и многое меняется. И если человек не научится превозмогать свое сластолюбие, уважать другого человека и смотреть на него как на личность, как на образ Божий, как на Божественный сосуд, как на храм Святого Духа, тогда он будет унижать своего спутника, считать его ненужным, и брачная связь распадется.

Наше предание свидетельствует, насколько это почиталось раньше. Мы видим, как люди были внимательны к тому, чтобы приступать к таинству брака чистыми и непорочными, у них была, так сказать, известная философия чистоты до брака. Их связь носила священный характер. Сегодня люди опустили до того, что смотрят фильмы с развратными сценами, самыми порочными сценами, копируют их и унижают и себя, и другого человека, находящегося рядом с собой. Это упраздняет священную связь, которую Бог благословил в браке, уничтожает и основу, на которой должно развиваться истинное общение между двумя людьми.

Те из вас, кто состоит в браке и имеет опыт, знают, что в этом союзе человек, в сущности, стремится сохранить себя как личность и не может согласиться на то, чтобы превратиться в объект, не выносит этого. Связь должна быть следствием любви между двумя людьми. Связь не самоцель. Блуд потому и является грехом, что в нем нет личностной связи с другим, другой здесь – просто объект, объект для утоления страсти, и больше ничего. Это не что иное, как унижение образа Божия, потому что хотя другой человек делает это и получает вознаграждение, хотя он и делает это, потому что хочет, но он не перестает быть образом Божиим. И ты не должен оскорблять и унижать образ Божий, даже если другой этого не понимает.

Я сказал одним образованным молодым людям, которые, к сожалению, ходили по всяким ночным притонам, где есть танцующие девушки и еще невесть что творят:

– Ну как ты терпишь это – ходить смотреть на этих девочек, как они танцуют голые, обходят столы, делают массу вещей, разве тебе не жалко их? Неужели ты такое животное, что даже не чувствуешь жалости к этому человеку, которого видишь перед собой?

Эта девушка может быть какой угодно, – это неважно, какая она. Каков тут ты? Неужели ты не смотришь на этого человека как на икону Божию, как на человека, чья жизнь превратилась в ад, коль он дошел до того, что вытворяет такие вещи, работая в этом кабаре? Неужели ты не задумываешься хотя бы на миг: что с ним происходит, в каком состоянии душа этого человека, если он дошел до такого?

Отцы Церкви видели таких людей и рыдали, понимая, в каком затруднении находились такие девушки. Имеется множество примеров и рассказов о том, как подвижники и преподобные шли в такие притоны, чтобы вывести этих девушек оттуда, потому что не могли смотреть на то, как икона Божия превращается в отребье в руках дьявола.

Есть потрясающие рассказы. Так, святой Иоанн Колов пошел в одно такое место и заплатил, чтобы его впустили, сел на ложе блудницы и заплакал, а она его спросила:

– Почему ты плачешь, авва?

Он ей ответил:

– Что плохого сделал тебе Христос, дитя мое, что ты пришла сюда? В чем ты обвиняешь Христа, что пришла сюда? Вижу, – говорит, – сатану в твоём лице. Лицо твоё – Божий образ, а ты превратилась в орудие сатаны[3].

Итак, если ты доходишь до того, что не видишь в другом образ Божий, а смотришь на него как на предмет вожделения, тогда ты потерпел поражение. Браки разрушаются именно из-за этого. Почему? Потому что мы вступаем в брак, наученные смотреть на другого не как на личность, а как на пол: «мужчина», «женщина», «красивый мужчина», «красивая женщина», и масса всего прочего. Но сколько лет этот мужчина и эта женщина будут вместе? Ну, пусть лет 10–15, а потом? Хорошей станет соседка, хорошей станет, не знаю там, сотрудница или коллега. Потому что твоей целью изначально было наслаждение, сластолюбие, – это было целью твоего брака. Сейчас ты уже привык к другому лицу, для тебя в нём уже нет той прелести и красоты, какими оно обладало раньше. Если так, тогда ты уже пал. Ты не научился воспринимать другого человека как личность, и поэтому многие люди в браке в данный момент доходят до того, что ссорятся, выгоняют и ненавидят друг друга.

Из того опыта, который у меня есть как у духовного наставника, я говорю вам, что видел супружеские пары, а в особенности жен, которые буквально ненавидят своих мужей, потому что считают их насильниками, животными, поскольку те так смотрят на своих жен. Конечно, жены тоже виноваты, так как вначале позволили смотреть на себя таким образом. Надо было сначала поставить его на место и научить его относиться к тебе правильно. Но когда человек молод, его отношение ко всему поверхностно и ему нелегко поступать зрело. Однако ты не можешь всю жизнь оставаться сосудом и вещью другого человека, наступит момент, когда твоё «я» восстанет и оттолкнет другого.

Так возникают многие проблемы в отношениях между людьми. В то время, как напротив, если человек целомудрен и смотрит на другого человека, на свою супругу, на свою спутницу, как на икону Божию, как на соработницу Божию, как на храм Святого Духа, тогда он понимает, что и эта связь, супружеская связь, сексуальная связь – благословение, и она – радость, пристань, которую Бог дал, чтобы у него была известная утеха в трудные минуты на семейном пути. Но если ты останешься в пристани и превратишь сексуальную связь в идол, тогда ты погубил свой брак.

Встречаются люди, которые кладут доброе начало и до глубокой старости по-настоящему влюблены друг в друга в правильном смысле. Уважают друг друга. И один никогда не издевался над другим ни с какой точки зрения, – ни с душевной, ни с телесной, потому что кто издевается телесно, тот издевается и душевно над человеком, который таким образом ломается и отвращается от другого человека. Человек – это не только тело, но и душа. Очень тяжело смотреть на супругов, которые испытывают полное отвращение друг к другу, потому что они шли по ошибочному пути. Один хотел таких вещей, которые несуразны, потому что его единственной целью является сластолюбие, а другой по праву или без права его отверг, потому что «он не спрашивает меня, жива ли я, не умерла ли, удобно ли мне, не обижаюсь ли я! Единственное, что его интересует, это секс. Ничего другого. Поэтому я не хочу его. Я его не принимаю, я не могу больше быть вещью для этого человека!»

Это доказывает, что человек не может ограничить свою связь и любовь сластолюбием. Поэтому он должен научиться целомудрию и воздержанию даже в браке. Разумеется, есть периоды, когда люди должны

воздерживаться: когда жена беременна, она не может иметь супружеских отношений, когда кто-нибудь болен или у него имеются другие причины, по которым он не может иметь интимную связь. И тут Церковь нас воспитывает: есть период поста, воздержания, когда существует запрет на все это, период, предшествующий браку, цель которого – принимать другого как личность, а не как плоть. И всё это учит тебя жить и воспринимать другого человека целомудренно.

Когда мы начинаем свой путь с целомудрия и воздержания, мы продвигаемся вперед, поскольку наша связь с другим человеком правильная. Тогда любовь Божия поддерживает нашу жизнь, и наши отношения и дела получают священный характер.

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)
Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Dveri.bg](#)

[20 сентября 2011 года](#)

[1] См.: 1 Кор. 7: 4.

[2] Ср.: Свят. Иоанн Златоуст. Беседы на Первое послание к Коринфянам. Беседа 19. § 1 (Творения. Т. 10. Кн. 1. С. 177–178).

[3] См.: Древний патерик. Гл. 13. § 17. М., 1899. С. 251–252; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Иоанне Колове. § 37. М., 1999. С. 216–217.

Широкое сердце Православия

Вопрос: Мы, учителя, каждый день сталкиваемся с этими темами – глобализация, многоязычие, объединенная Европа, взаимозависимость, толеранность, солидарность. Какова должна быть наша позиция как православных христиан и преподавателей, когда мы призваны учить школьников, что каждый народ должен уважать религиозные взгляды других народов и людей не надо оценивать по их вере, потому что люди представляют ценность сами по себе? Означает ли уважение к другой религиозной догме ее принятие? Если это так, то не встает ли вопрос о поругании истинного Бога?

Ответ: В начале нужно сказать, что в наше время мы сталкиваемся с дилеммами и вопросами, с событиями, которых люди раньше не знали. Раньше не было ни глобализации, ни объединенной Европы, ни многоязычия и не могло существовать таких проблем. Имелись ереси, имелись враги Церкви, но это было что-то другое.

Это сегодняшние обстоятельства и человеку надо иметь отношение к этим событиям. Вопрос очень правильный – каково должно быть наше отношение к этому не только как православных христиан и учителей, но и как просто людей?

Думаю, что проблема не в других людях, а в самих нас. Человек, который кричит, поднимает шум, показывает, что у него самого проблема. Когда ты чувствуешь, что у тебя нет никакой проблемы, когда ты убежден в своей вере, когда ты уверен, что эта вера истинная, когда ощущаешь ее истинность, ты не чувствуешь никакого страха, никакой угрозы, никакого затруднения. Когда нужно, скажешь два слова, скажешь их спокойно, великодушно, мирно, без паники и каких-то поступков, которые показывают, что имеешь внутренние колебания относительно своей веры. Если посмотреть на отцов Церкви и на весь этот

Церкви, то будет понятно, что это были люди, уверенные в том, во что они верили. Они не боялись и не чувствовали необходимость отвергать ни одного человека.

Это деликатный момент. Другими словами, как можно любить других людей, ценить их, принимать их, уважать, но не принимать того, во что они верят? Где это золотое сечение – с одной стороны не отрицать Христовую веру, веру Церкви, с другой – не отвергать другого человека? Думаю, что для этого нужно быть людьми, которые очень хорошо познали Христа. Человек, который понял Христа и который усвоил дух Христов, евангельский дух, утешает других людей, помогает им, хотя иногда вынужден вообще не соглашаться с ним. Я вообще не согласен с тем, что ты говоришь, но это не значит, что мы враги, не значит, что я тебя ненавижу, не значит, что и ты должен меня ненавидеть. Я люблю тебя, готов умереть за тебя, чтобы ты чувствовал себя комфортно, но я вообще не согласен с тобой. Человек, имеющий в себе дух Христов, бесстрастен, в нем нет и следа злобы, нет подлости и никакой злости к другому человеку. Он не заносится, а движим человеколюбием, отстаивает свою позицию. Другими словами, если кто-то придет и скажет тебе:

– Ну, милый человек, о чем же мы говорим? Ну что такое мусульманин, христианин, – все мы верим в одного и того же Бога, а остальное – подробности...

И если ты ответишь ”Да, ты прав, это подробности” – ты не ответишь правильно.

Но ты не можешь сказать и этого:

– Это не так! Разница в том, что ты отправишься в ад, а я буду в раю!

Не можешь сказать так, потому что человек, имеющий дух Христов в себе, не может никого посылать в ад, ибо он верит, что единственный, кто отправится в ад, это он сам. Св. Силуан Афонский сказал, что все спасутся, только он один погибнет. Даже отцы Церкви не могли перенести мысль о том, что наступит час, когда и диавол, который является выражением полного отступничества от Бога, отделится вечно от Него и будет пребывать в вечной муке. Поэтому авва Исаак сказал, что любовь к каждой твари, жар сердца о каждой твари означает молиться за людей, за природу, за животных, за пресмыкающихся и даже за демонов. То есть эта изобильная любовь у святых не им разрешала даже сказать:

– Знаешь, пусть сатана отправляется в ад и мы успокоимся!

Сердце их, исполненное Божьей любовью, не могло перенести мысль, что даже одно Божие творение будет мучиться вечно...

Однажды, когда св. Силуан Афонский и несколько подвижников были вместе, один из них сказал о еретиках:

– Пусть отправляются в ад и там горят, пусть исчезнут от лица Божия! И диавол пусть горит в аду, столько мук он нам причинил!

Святой Силуан покачал головой с большим возмущением и сказал:

– Нельзя так думать!

Поэтому он со слезами сказал много хороших слов в своей молитве: ”Господи, молю Тебя, пусть все народы на земле познают Тебя в Святом Духе”...

Молитва и забота Церкви в том и состоит, чтобы весь мир познал Бога в Святом Духе. Об этом мы молимся Богу. Не осуждаем никого на вечные муки. Это не наше дело. Эта мысль не утешает нас, мы не хотим кому-то погибели.

На Святой Горе был один простодушный монах, который считал старца Паисия лицемером и говорил:

– Не понимаю, почему люди приходят к этому человеку-лицемеру?

Говорил это как бы в шутку. Однажды мы были все вместе и он полусерьезно-полушутливо сказал:

– Я, во всяком случае, хочу, чтобы Второе Пришествие совершилось днем, а не ночью.

Мы рассмеялись, а старец Паисий спросил:

– Почему же не ночью?

– Чтобы посмотреть, куда отправятся такие лицемеры, как ты!

Старец ему сказал:

– Ну что ж, если это будет ночью, возьми с собой фонарик и смотри...

Это шутка, но никто, кто подражает Христу, не может иметь в своем сердце никакого помышления о том, что какой-нибудь человек будет отделен от Бога, даже если он худший на свете, самый большой еретик и самый большой богохульник, который существует во вселенной. Мы должны молиться, чтобы все познали Бога в Святом Духе и достигли единства веры и познания Святого Духа.

А сейчас, что нам делать в повседневной жизни? Если в нас есть этот дух Божий, то тогда мы можем идти по этому очень узкому среднему пути, то есть не впадая ни в одну, ни в другую крайность. Не говоря:

– Знаешь, ты прав, неважно, христианин ли ты или нет!

Но и не говоря:

– Кто не идет за нами, того осуждаем.

Это не наше дело. Ни эта крайность, ни другая.

Отец Епифаний Феодоропулос говорит, что две крайности в Церкви – это экуменизм и зилотизм. Что означают эти термины?

Экуменизм – это теория, которую разделяют многие люди, согласно которой протестанты, православные, католики, разные деноминации являются ветвями одного дерева. Это дерево – Церковь, а мы, отдельные ветви, должны сделать все, чтобы снова объединиться и не выглядеть разделенными. Это ересь, потому что уничтожает единую, святую, соборную и апостольскую Церковь Христову. Если верим, что мы члены единой, святой, соборной и апостольской Церкви и в то же время говорим, что эта единая, святая, соборная и апостольская Церковь стала многими церквями, то что это? Где эта Церковь? Исчезла, что ли? Или разделилась и наполнилась ересью и человеческими учениями? Где же Церковь, основанная Христом и апостолами? Кто владеет истиной, если все – ветви одного дерева? Экуменизм стоит вне Церкви.

С другой стороны – зилотизм, который является противоположной крайностью. Он заявляет, что Церковь должна отсекал каждого человека, который ведет какой бы то ни было диалог с кем бы то ни было инославным. Эти люди прикрываются определенными фразами из святых отцов и канонов, чтобы удовлетворить свои болезненные состояния.

Нам не нужна ни та, ни другая крайность. Церковь должна следовать средней линии. Она не может ни продавать веру ради синкретических явлений, ни быть тем ножом, который режет и посылает людей в вечный огонь. Церковь благовестит слово Божие день за днем, всюду и всегда. Церковь не боится вести диалог ни с кем, не чувствует опасности и страха за свою веру. Мы можем вести диалог с любым человеком, мы готовы разговаривать с каждым, кто захочет услышать что-нибудь о нашей вере. Мы с радостью отзовемся и будем говорить о нашей надежде. Не для того, чтобы его отвергнуть, убить, осудить, а чтобы рассказать ему о том, чем мы живем каждый день. Мы представим ему то, чем мы живем в Церкви – Божиим присутствием, благодатью Святого Духа, живым опытом Церкви. Это свет, который светит во тьме и тьма не объела его. Свет светит во тьме, свету не нужна ни реклама, ни раскраска. Оставьте свет светить и те, чьи глаза открыты, увидят его, поймут, что это истинный свет и тьма исчезнет сама собой.

Вы знаете случай с учениками св. Макария и языческим жрецом. Он показывает несовершенного человека в Христе. Несовершенный, злобный, недовольный человек агрессивен, потому что чувствует неуверенность,

потому что чувствует, что его вера в опасности. Отчего же твоя вера в опасности? Ты что – адвокат Бога? Ты – защитник Бога? Кого боится Бог и нуждается ли Он в нашей защите? То, что ты нападаешь на других таким образом, означает, что у тебя самого проблемы с твоей верой. Это значит, что ты еще не открыл для себя эту полноту, эту весть, эту категорическую весть, что Христос – истинный Бог. Как может ошибаться то, что живет внутри тебя, во всем твоём существе? Не только мы сами чувствуем это, но об этом говорит и тысячелетний опыт Церкви. Видим, как Святой Дух живо действует в пространстве Церкви и совершает чудеса и знамения о Христовом присутствии. Следовательно, у нас нет никакого сомнения и страха. Агрессивный человек, который хулит, осуждает и посылает другого в вечный огонь, имеет проблемы. Такими были и ученики аввы Макария. Они были несовершенными людьми. И когда они встретили языческого жреца, то вместо того, чтобы сказать ему хотя бы одно доброе слово, хотя бы “добрый день”, они обругали его. Ты скажешь:

– Но разве они не были правы? Разве он не был жрецом сатаны?

Да, был, раз был языческим жрецом. Но нельзя говорить с другим человеком таким образом. Божьи люди говорили по-другому. Есть случаи, когда святые были строгими в своих словах к другим, но они делали это без страсти и с большой любовью. Другими словами, если какой-то человек потерял сознание или пьян и нужно привести его в чувство, надо ударить его пощечину. Если кто-то потерял сознание, он не придет в себя, если ты его просто погладишь. Нужно легко ударить его по лицу и даже иногда не очень легко. Это не значит, что ты бьешь его, не так ли? Ты даешь ему пощечину, чтобы привести его в сознание. Не бьем его, не ненавидим, а делаем это по необходимости. Или, например, ты нуждаешься во врачебной помощи. Приходит врач, делает тебе уколы, режет тебя, зашивает. Врач не имеет ничего против тебя, не хочет выпить твою кровь от злобы, но если он не будет действовать таким образом, он не сможет тебя спасти. То же и при исповеди. Приходит какой-нибудь человек и видишь, что он не понимает. Его сердце бесчувственно как камень. Поэтому его духовный исповедник дает ему пощечину без страсти, без злобы и разбивает этот камень. Потому что надо его разбить, чтобы этот человек смог открыть свое сердце и выпустить то, что там внутри. Это как бы хирургическое вмешательство, как бы электрошок, который духовник делает из-за исключительной любви, чтобы помочь другому. Поэтому, когда отцы использовали строгие слова, как и Сам Христос и св. Иоанн Креститель, ими двигали не страсть и не дух осуждения, а человеколюбивый дух, хотящий спасения человека.

Поэтому нет никакой формулы того, что надо говорить другому человеку. Просто мы должны быть свободными людьми в Христе, быть благородными и не бояться. Православная Церковь никогда не имела страха. На Западе католики сжигали ученых, ибо боялись, что кто-нибудь из них может “опровергнуть” Бога. У них была такая неуверенность, ибо их вера держалась не на опыте, а на разуме. Там, где вера держится на разуме, есть страх, ибо всегда может появиться кто-то с более вескими аргументами, кто-то более умный и сокрушить тебя. Да, там, где вера держится на разуме, может возникнуть проблема, но когда вера держится не на разуме, а на опыте, то что может сказать тебе этот человек? Что он скажет тебе, раз не может отнять у тебя этого опыта, который у тебя от Бога?

Святой апостол Павел говорит: кто отлучит нас от Христовой любви? Есть ли что-то, что могло бы отделить нас от нее? Видите, он говорит не о вере в Христа, а о Христовой любви, потому что в Церкви правильная связь – это не связь веры. Вера временна, она существует до какой-то поры и надежда тоже, а любовь вечна. Православная Церковь исцеляет нас и помогает нам не поверить в Бога, а возлюбить Бога. Поэтому, если мы любим Бога и пребываем в Божией любви, то что может отлучить нас от Христовой любви? Ничего. Ни настоящее, ни будущее, ни ангелы, ни архангелы, абсолютно ничего.

Один человек говорил:

– Даже если Сам Христос придет и скажет: “Знаешь, сынок, извини, но то, во что ты веришь, – ошибка. Я не существую и Я не Бог”. Даже если Сам Христос скажет мне так, то все равно не отнимет у меня этого.

Этот опыт настолько могуществен в человеке, то даже если кто-нибудь сможет тысячами доводов убедить тебя, что сам ты не существуешь, все равно Бог останется существовать в твоём сердце.

Это самый сильный опыт, который имеется у человека, и он происходит не от веры, а от любви и эту любовь никто не может ни погасить, ни ограничить, ни поставить под сомнение. Любовь остается над всем этим. Как уловить того, кто любит Бога? Он как ракета, которая исчезает, лишь только ее увидишь, – как уловить ее, как коснуться ее? Его сердце как печь – все, что к ней приближается, расплавляется. Скажи какому-нибудь влюбленному, что его любимая некрасива: убедишь ли ты его? Да он тебе глаза выцарапает, потому что думает, что она самая красивая женщина на свете, потому что влюблен и любовь отняла его разум. Я уверяю вас, что те, которые любят Бога, сильнее влюблены, чем те, которые в прошлом писали стихи, а сейчас посылают имейлы.

Поэтому мы, православные, отвергаем обе эти крайности-ереси. Отвергаем экуменизм, отвергаем и зилотизм. Мы не фундаменталисты и не экуменисты. Мы православные христиане, уравновешенные люди, любим весь мир, молимся за весь мир на Литургии. Не нам судить мир – Бог будет его судить. Для нас гибель хотя бы одного существа – мука. Мы не хотим, чтобы хотя бы один человек исчез от лица Божия. Мы любим всех людей. Знаете, я видел это на Святой Горе, где существуют особенно строгие правила. Можно сказать, что святогорцы исключительно привязаны к догматам веры и Преданию. Есть вещи, по которым никогда не будет компромисса на Святой Горе – это вера, любовь к Пресвятой Богородице, запрет женщинам вступать на Святую Гору (то, что ЕС хочет отменить). Монахи готовы умереть, но не отступить от этого. Они очень строги в отношении веры. Какой-нибудь монах может быть нерадивым в жизни, но в вере всегда очень строг. И несмотря на это, мы оказываем гостеприимство евреям, мусульманам и любым другим людям. И хотя можно подумать, что в таком строгом месте люди будут оскорблены слишком строгими правилами, случается совсем обратное – люди радуются такой любви, что удивительно.

Однажды мы оказали гостеприимство одному немцу – католическому священнику, который случайно оказался у нас. Вы знаете, что на Святой Горе есть неприязнь к Ватикану и римо-католикам. Но человек оказался окруженным любовью и это место стало для него чем-то лучшим, чем его дом. Он сам это говорил. Кто-то спросил его:

– Читал ли ты что-нибудь о Православной Церкви?

– Нет – ответил он. – Немногое.

Ему посоветовали прочесть одну, другую книгу о Православии. А он ответил:

– Слушай, я тебе скажу – для меня Православие это то, что я вижу здесь: люди, которые любят меня, наполнены миром, они строги в вере, но строги и в любви. Веруют абсолютно и любят абсолютно и так помогают другому человеку.

Если мы неистинны, то будем походить на врача, который от большой любви говорит больному диабетом:

– Зачем я буду тебя притеснять? Ешь сладкое, если тебе нравится, ешь! Не хочу тебя ограничивать и говорить: “Не ешь!”

Разве это врач? Если врач истинный, он в своей любви скажет:

– Если будешь продолжать есть сладкое, ты умрешь!

Это же могут сказать и отцы человеку, который ищет истину:

– Если ищешь истину, не уставай. Истина – вот она, это опыт, это переживание Церкви. Ты свободный человек и можешь делать все, что хочешь, и мы всегда будем тебя любить, каким бы ты ни был. И не может быть и речи о том, чтобы в нашем сердце появилось чувство злобы к другому человеку.

С этого момента это уже его дело, как устроить свою связь с Богом. Мы не можем торговаться за свою веру и не можем посылать людей в ад. Я думаю, что именно таково подлинно православное отношение, в котором мы нуждаемся. Мы должны быть непоколебимыми. Все эти вещи нужно, однако, говорить с любовью. Говорить в Божьем Духе. Вспомните, что сказали ученики Христа, когда евреи Его изгнали из города и не допустили проповедовать и совершать чудеса там:

– Вели, чтобы упал огонь с неба и испепелил их!

И они были правы, потому что были изгнаны.

Но Христос сделал им выговор и сказал:

– Не знаете, какого вы духа! Я пришел в мир не для того, чтобы погубить и осудить его, а чтобы спасти!

Вот в чем наша задача. Некоторые незрелые исповедники-зилоты иногда хвалились на Святой Горе:

– Отче, если какая-нибудь девушка приходит в брюках, я сразу выгоняю ее из исповедальни! Как ей не стыдно?

Старец отвечал им:

– Отче, выгнать человека очень легко! Вот ввести его вовнутрь – трудно!

Можно узнать, какой ты исповедник, по тому, можешь ли ввести человека, потому что изгнать его легко. Отвергнуть человека очень легко! Отвергни всех и удержи пятерых, таких как ты, возле себя! Искусство искусств и наука наук – в том, как ввести человека, того самого человека, который пленен дьяволом, слеп, не знает, что происходит вокруг него. Но ты прими его. Он приходит в Церковь и хочет исповедоваться или еще что-то. Может быть, даже не знает, чего хочет. Но если ты Божий человек и духовный исповедник, то должен использовать этот момент, чтобы привести его к добру. Это делает Церковь. Церковь – это объятия. Куда бы ты ни торопился, ты попадешь в ее объятия. Церковь тебя согреет, а не ударит кулаком. Мы должны дать это современному человеку, должны быть хорошими православными. Наш преподаватель, блаженнопочивший Романидис, говорил, что христианин не шовинист, не националист, не страдает комплексами, что он благороден и может сказать “Верую”, где бы ни находился. Сердце христианина – как сад. И он может принять и утешить каждого человека, приблизившегося к нему.

Мы уважаем другого человека, даже несмотря на то, что он молится дереву, но не потому что верим в это дерево, а потому что уважаем то, что он делает. Поэтому мы не пойдем рубить его дерево и не скажем ему:

– Ты такое же старое дерево, как то, которому поклоняешься!

Когда святой апостол Павел был в Афинах и рассматривал город, он увидел там массу алтарей и много идолов. На одном из алтарей было написано: “Неведомому Богу”. Он выступил перед афинянами и сказал им:

– Я знаю, что вы самые благочестивые из всех людей.

Он не сказал:

– Не стыдно вам? Наполнили город идолами Афродиты и Артемиды! И думаете, что спасетесь таким образом?

Ничего подобного. Он сказал им, что они добрые, благочестивые люди. Они ищут Бога и доказательством тому служит алтарь с надписью о Неведомом Боге. И он пришел, чтобы поговорить с ними об этом Неведомом Боге, Которого они не знают, но служат Ему и ищут Его. Видите, что такое апостол Христов, который с любовью пришел туда не для того, чтобы губить, осуждать, судить, изгонять, а обнять их и рассказать им о том, в чем же истина.

Что означает слово “Евангелие”? Весть о Царствии Божиим. Когда мы уважаем другого человека, мы не принимаем дерево, на которое он молится, не верим в дерево, а уважаем человека, который молится. Уважаем его, не насмехаемся над ним, не осуждаем его, не делаем ничего ему, а говорим:

– Вижу, брат, что ты поклоняешься этом дереву, но если это значит, что ты любишь Бога и ищешь Его, я расскажу тебе об истинном Боге.

Очень важно отношение к этим вещам. В университете я подружился с одним иеромонахом. Сейчас он епископ в Сербии, в Пихаче. Зовут его Хризостом. Четыре года мы учились вместе и были нераздельными друзьями. Он вырос в Сербии в атеистической среде. В школе ему преподавали атеизм. В 14-15 лет он не знал ничего о Боге и никогда не слышал о Христе. Его родители были крестьянами. Когда летом они ходили на поле жать пшеницу, то ночевали там, на открытом воздухе, а вечером его отец говорил о звездах. Маленький Райко (так его звали) спросил:

– Папа, кто создал все это?

Отец его был простодушным человеком и ответил:

– Молчи, не повторяй этого вопроса!

Он, конечно, боялся, поскольку властвовал атеистический режим, и он не мог говорить о вере и Боге. Может быть, он и сам не верил.

Но бабушка услышала это и промолчала. Вечером, однако, она тихонько подозвала Райко и сказала ему:

– Райко, я знаю, что ты меня любишь и не выдашь. Я скажу тебе кое-что, но знай, что если ты где-нибудь скажешь об этом, то больше не увидишь свою бабушку. Все то, что ты видишь – землю, звезды, небо, создал Бог.

Она начала ему говорить о вере. Каждый вечер он приходил к ней и она говорила ему о Христе, о Боге, о святых, о св. Георгии, о Пресвятой Богородице. Сказала ему, что сельское кино было раньше церковью. Когда ему было 17 лет, она ночью пешком повела его в монастырь, где его окрестили и он стал православным христианином. После окончания школы он ушел в монастырь, где стал иеродиаконом, а затем иеромонахом.

Видите, как хорошо его бабушка рассказала ему о Боге и этого было достаточно, чтобы этот мальчик сегодня стал епископом, пройдя через много испытаний. Тогда нелегко было быть христианином.

Однажды, будучи диаконом, он ночью ехал из Белграда в Черногорию. В автобус вошел контролер, чтобы проверить билеты, и выгнал его из автобуса:

– Что ты здесь делаешь? Ты враг народа!

И он остался в лесу, а там были волки, медведи. Это было зимой. Тогда властвовал атеистический режим и многие люди погибли. Истязания, тюрьмы, побои. Но несмотря на это, многие люди имели христианское сознание.

Спросили однажды одного старца:

– Старец, расскажи нам о нетварном свете! Ослепляет ли он?

– Ну что вы, чада мои! Бог не делает ничего такого, что ослепляло бы человека. Даже когда Он Сам стал человеком, это совершилось так тихо, так красиво, так молчаливо, что Он никого не ослепил.

О чем мы поем в храме каждый вечер? О свете тихом святой славы бессмертного, святого и блаженного Отца Небесного, об Иисусе Христе! Бог – свет тихий, Он – свет, который не ослепляет тебя, не уничтожает, не заставляет чувствовать себя неприятно, а красиво, уютно, чувствовать, что ты существуешь. Он не стирает тебя, чтобы существовать Самому, а умирает, чтобы ты жил и постепенно открывал, что существуешь вместе с Ним и даже в Нем.

Вот почему, чада, дилемма, которую мы рассматриваем – экуменизм или зилотизм, это псевдо-дилемма. Проблема не в том, что вокруг нас – ереси и глобализация. Да, все это проблема, но у нас нет таких рецептов, чтобы сказать ”Долой то!” и ”Да здравствует это!”. Мы должны быть здоровыми, по-настоящему православными, стяжать дух Христов, быть благородными, возлюбить Бога всем своим существом – и так увидим, что в нас есть место для всего мира. Никто никогда не сможет поставить нас в трудное положение, мы никогда не почувствуем, что наша вера в опасности, ибо Бог – это свет. Можно ли потушить солнце?

Попробуй, делай что хочешь, солнце не погаснет. Такова природа солнца. Вот почему мы должны добиться этой связи с Богом, сделаться радостными людьми, двигаться свободно, красиво, молиться о том, чтобы все люди возлюбили Бога и никто не отделялся от Него.

Уважение к чужим религиозным догматам не есть поругание Бога, а скорее прославление Бога, если мы действительно таковы, какими должны быть. Авва Исаак говорит, что даже звери могут почувствовать Божьего человека и поэтому не трогают святых. Св. Герасим жил в пещере со львом, но лев не трогал его. Бросали мучеников зверям и звери ничего не делали им. И если дикие звери чувствуют святого человека, то насколько больше другие люди? Возьмите Божьего человека и поставьте его куда хотите; куда бы он ни попал, он будет светом, он озарит мир. Есть у нас и святые, которые делали безумные вещи – юродивые ради Христа, они делали безумные вещи ради Бога, но они сияли и озаряли весь мир...

[Митрополит Лимассольский Афанасий](#)

среда, 9 марта 2011 г.

С болью и любовью. Беседа с митрополитом Афанасием Лимассольским

Интервью Александры Никифоровой с митрополитом Афанасием Лимассольским специально для портала «Православие и мир».

В назначенный час вместе с отцом Саввой Михаилидисом мы пришли в Лимассольскую митрополию. Спросили владыку Афанасия: «А его здесь нет, идите в храм, там он исповедует!» В кафедральном соборе — полумрак. На стасидиях митрополита дожидаются духовные чада. Кто-то приехал из Паралимни, Левкосии, есть и местные прихожане. Многие знают владыку еще с тех пор, когда он был игуменом монастыря Махерас. «Владыка любит исповедовать и часто исповедует нас!», — говорят они. Дождавшись своей очереди, заходим в исповедальную комнату-часовенку и мы.

16 лет вместе со старцем Паисием провел на Афоне митрополит Афанасий. Беседуя с ним, мы ощущаем на себе скорее монашеское смирение и любовь, чем архипастырское величие. Его простые и глубокие ответы на волнующие нас вопросы не очень современны, но очень согласны с духом Евангелия.

— Сегодня многим церковным людям в России кажется, что на смену горению 90-х пришло чувство усталости и выгорания, «автоматической» веры. Что делать?

— Я думаю, что духовная жизнь совершается в душе каждого человека. И Господь имеет Промысл о каждом человеке. И Промысл Божий не обижает никого. Тому, кто имеет стремление к духовной жизни, желает жить духовной жизнью, Бог предоставляет все возможности. Мы не знаем сердце каждого человека. Внешне нам может казаться, что появились безразличие, охлаждение, переутомление, но в сердцах людей все происходит иначе. Будем доверять Богу и тому, что Церковь служит праву, как и заповедали святые апостолы и святые отцы. Будем делать дело, которое на нас возложил Господь, а все остальное оставим Промыслу Божию.

— Сейчас в нашей стране происходит сближение Церкви и государства. При этом естественно копируются некоторые светские элементы, у народа растет недоверие, мол, Церковь должна быть «не от мира сего», почему она живет по мирским законам? Какие плюсы и минусы этого сближения Вы видите на опыте Кипра?

— Церковь всегда живет в условиях «мира сего». Претерпевая гонение, она молится о гонящих ее. При воцарении мира, она вновь молится о правителях и обо всем мире. Не стоит стремиться к гонениям! Церковь молится о мире всего мира и о мире в Церкви. Для Церкви иметь добрые отношения с теми, кто правит миром, не есть зло. Напротив, Церковь может помочь им творить добрые дела. Ведь все — чада Божии. И те, кто правят, и те, кем правят. Церковь должна привести в Царствие Божие и президента страны и, если так можно выразиться, самого последнего ее гражданина. Как заботливая мать, с любовью, Церковь обнимает всех своих детей. Не будем беспокоиться за Церковь: Бог ведет Свою Церковь.

— Наша Церковь переживает время определенных изменений... Многих пугают реформы. Кроме того, есть группа людей, которые не принимают новые паспорта, обвиняют Церковь в ее «прокатолической» или «экуменической» позиции, уходят за «чистоту веры» в подполье, ждут скорого конца света... Есть ли такие ситуации, когда христианину полезно уйти из официальной Церкви?

— Очень большая опасность для нас удалиться от Церкви, считая, что мы совершаем правильный поступок. Ничто да не отлучит нас от Церкви Божией. Ведь Церковь — это нечто реальное, а не умозрительное. Русская Церковь — это та Церковь, которую возглавляет Святейший Патриарх Кирилл, который имеет общение со всеми православными Церквями в мире. Если мы верим, что Христос управляет Церковью, тогда зачем же нам уходить из Церкви в другие собрания, которые вредят нашей душе. Не стоит столь поспешно судить деяния Церкви! Давайте доверять ее пастырям!

История Церкви показала, что отколовшиеся от Церкви, пропали, хотя на тот момент им казалось, что они правы. И святитель Иоанн Златоуст призывает: «Не удаляйтесь от Церкви. И даже если сейчас Церковь сбивается с пути, она обретет его, потому что Господь управляет кораблем церковным». Кто отколется от Церкви, тот пропадет. Не мы спасаем Церковь, а Церковь спасет нас. Слово Божие неложно. И оно говорит нам, что врата ада не одолеют Церковь. Я повторюсь, Церковь не абстрактна, она — конкретна. Ее возглавляет Патриарх Кирилл, ему помогают состоящие в общении с ним епископы, иереи, диаконы. Другой Церкви нет.

— Сегодня в мире обостряются межнациональные конфликты. Эти проблемы есть и на Кипре, и в России. Недавно в Москве прошли выступления против гастарбайтеров мусульманского происхождения, наводнивших Москву. С одной стороны, такие выступления можно объяснить тем, что люди хотят защитить город от превращения его в мусульманский. С другой стороны, христианин обязан любить всех. Как должно христианину относиться к подобным проблемам?

— Господь ясно и недвусмысленно говорит нам, что надо любить всех людей. Но и те, кто управляет страной, обязаны оберегать свою страну и сделать все, чтобы обеспечить мир и безопасность в ней. Не нам решать проблемы, связанные с экономическими иммигрантами. За них ответственно государство и правительство. Мы же должны любить всех людей, которые находятся рядом с нами. Мы не можем прибегать к таким действиям, которые не согласуются с Евангелием, оправдывая себя тем, что мы «защищаем наш город и нашу страну». Нужно быть очень осторожными с мусульманами, потому что если мы покажем им свое озлобление, то после они отождествят наше недоброе поведение с Евангелием, с нашей верой и отвергнут христианство из-за нашего недостойного поведения.

Мы можем привлечь мусульман, показав свою любовь и свое подлинное христианское отношение к ним. В особенности вы, русские, имеете укорененную в веках традицию миссионерства. И вместо того, чтобы сражаться оружием, приведите их к вере с помощью миссии, обратите их в христианство. Они хотят помощи, а не войны.

— Участвует ли Кипрская Церковь в решении проблемы наркомании на острове? Что делается в Вашей митрополии? Есть ли новые подходы в помощи наркоманам и положительный опыт, который мог быть применен и в России?

— Учение и жизнь Церкви предотвращают и исцеляют наркоманию. Церковь на Кипре, как и повсюду, способствует помощи наркозависимым. У нас есть реабилитационный медицинский центр «Святой Покров». Он действует по современным научным методикам и уже помог избавиться от наркозависимости очень многим ребятам. К сожалению, наркотики — это огромная проблема. Ее корни — духовные: отсутствие смысла жизни приводит человека к употреблению наркотиков, через которые он пытается обрести этот смысл.

Когда я был игуменом монастыря Махерас, то впервые столкнулся с молодыми наркоманами. И увидел, как на них благотворно влияло то, что они жили вместе с нами, монахами, по уставу общежительного монастыря. Это помогало им постепенно обрести смысл бытия, очиститься от наркотиков и вернуться к нормальной жизни. Имея этот опыт, мы создали центр «Святой Покров», который работает одновременно и как

медицинское учреждение, и как «православный монастырь». Он располагается за чертой города. Ребята там живут постоянно, ежедневно проходят необходимую терапию. Когда им становится лучше, они возвращаются к обычной жизни в обществе.

— В храмах Лимассольской митрополии мы видим много молодежи. Как Вам удалось привлечь ее, какой главный закон проповеди среди молодежи, на Ваш взгляд?

— Прежде всего, я должен сказать, что это не мое достижение, но Божие. Не человеческих рук это дело. Господа, Который любит нас и хочет, чтобы Его чада были подле Него! И как жаль того владыку или священника, который полагает, что он сам, своими силами, приводит людей в Церковь. Конечно, у нас есть добрые пастыри, слаженные приходы, которые стараются явить любовь Божию всему миру. Мы делаем то, что можем: идем в школы, беседуем с детьми, устраиваем православные встречи, организуем детские лагеря, приходские молодежные центры... Но это все — человеческое, а главное вершит Господь.

— Вы долгие годы общались со старцем Паисием, жили возле него. Какой завет духовной жизни он оставил Вам?

— На протяжении многих лет я учился у старца Паисия, но так и остался второгодником. Мне было 18 лет, когда я познакомился со старцем. Я был связан с ним на протяжении 16 лет после того. Старец Паисий — это откровение Бога в моей жизни. И каждый день, который я прожил возле него, я не переставал изумляться той силе Святого Духа, которая обитала в нем. Мне жаль, что я ни в чем не уподобился старцу и не сохранил ничего из сказанного мне...

Отец Паисий имел многочисленные дарования от Бога. Он был великим подвижником, совершенно нестяжательным человеком, у него не было ничего, даже необходимого человеку пропитания. Своей молитвой он держал и мир. Своей великой любовью он каждодневно поддерживал многих и многих людей, потому что Господь даровал ему особую благодать — утешать души людские. После своей кончины он еще больше утешает страждущих. Его житие и изданные монахинями Суроти его слова составили богатство нашей Церкви. Старец Паисий — великий наш современный святой.

— В книгах описаны многие чудеса старца Паисия. А Вы видели какое-нибудь чудо своими глазами?

— Многие чудеса я видел своими глазами. Но старец учил нас придавать большее значение не чудесам, но смирению и любви. И меня поражало в старце не то, что он творил чудеса, а его величайшее смирение и сердечная любовь к Богу. Но все же, если Вы просите меня рассказать о чуде, я расскажу. Оно произошло во время одной из первых наших встреч со старцем. В самый первый вечер, когда я остался вместе с ним в пустыне (спустя несколько месяцев после нашего знакомства), накануне праздника Крестовоздвижения в 1977 году.

Вечером мы совершали бдение по четкам каждый в своей келье. Старец благословил меня молиться по четкам и показал, как это делать. Он сказал: «В полночь я позову тебя, и мы пойдем в церковь», чтобы вычитать последование ко Святому Причащению. И вот около часа ночи он позвал меня. Мы отправились в церквушку. Крошечный храм: всего 5 икон в иконостасе и одна стасидия.

Я зажег свечу, и вместе со старцем мы стали вычитывать последования ко Святому Причащению в сумраке ночи. Вокруг — пустыня. По уставу это последование читается так: один говорит тропари, а другой — стихи («Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Пресвятая Богородице, спаси нас»). Когда старец произнес: «Пресвятая Богородице, спаси нас», а я принялся читать тропарь «Марие, Мати Божия», в церковь «вошел» почти бесшумно некий звук, словно «глас ветра тонка». Храм озарился светом, и лампада перед иконой Богоматери стала сама собой раскачиваться вверх и вниз. Я понял, что стало светло, как днем, и мне больше не нужна свеча. Лампады перед остальными иконами оставались недвижимыми. Лампада же Богоматери равномерно раскачивалась. Я взглянул на старца и он сделал мне знак, призывая умолкнуть. Я замолчал. Старец Паисий преклонил колени, и полчаса мы провели в молчании. Полчаса раскачивалась лампада, и Церковь оставалась озаренной светом. Потом все-таки я решил закончить чтение. Уже я заканчивал последование, когда свет стал исчезать, лампада остановилась. Мы вновь погрузились во мрак ночи и тишину пустыни.

Я осмелился спросить старца о случившемся с нами. Он в свою очередь спросил меня, видел ли я что-то, кроме света. Я ничего больше не видел, и переспросил: «А что же произошло?» Тогда старец, улыбаясь, ответил: «Ничего... а разве ты не знаешь, что Богородица по ночам обходит Святую Гору Афон и смотрит, чем занимаются монахи? Вот, Она увидела тут двоих полоумных, зашла к ним и привела в движение лампадку, чтобы их поприветствовать!»

После старец признался, что видел Божию Матерь, а я, конечно, ничего не видел. Вот таким было первое знамение, которое я увидел от старца Паисия, и, может быть, поэтому он принял меня и так долго терпел, чего я ничем не заслужил. Чтобы рассказать Вам и о других чудесах, понадобятся дни и ночи.

— Как глазами Христа научиться смотреть на мир, не осуждать людей?

— Старец Паисий всегда учил иметь добрые помыслы и никогда не думать плохо о людях. Сам он был очень внимателен в этом. Он не осуждал даже дьявола и говорил о нем с большим сочувствием. Он никогда не называл его дьяволом (чтобы не обижать!), но бедненьким «тангалашкой» (это такой маленький зверек). И это при том, что он сражался с дикими бесами, и дьявол мучил его в пустыне. Мне известны многие случаи, когда дьявол восставал против старца. Но старец не осуждал никого, даже дьявола.

— А Иуду?

— Никого. Обо всех он говорил с болью и любовью.

В 1976 году, когда я впервые приехал к старцу Паисию, наш разговор зашел о коммунизме. И старец тогда сказал: «Коммунизм в России падет. И повсюду падет» Услышав это, я заулыбался. Это казалось мне невероятным: в те времена коммунизм был еще всесилен. «Старец! Но ведь для того, чтобы коммунизм пал, должны произойти великие войны. В них погибнут тысячи людей. Кто пойдет на это?» Отец Паисий отвечал: «Нет. Коммунизм падет, но никто не будет убит в России. Господь даст толчок, и все пойдет!» Я спросил: «Старец, ну хорошо, а когда все это случится?» «Я предполагаю, что лет через 15» И действительно! И когда мы со старцем Иосифом Ватопедским поехали в Россию в 1989 году, то увидели, что коммунизм пал, и все меняется.

— Владыка, что бы Вы хотели пожелать русскому народу?

— Я бы хотел сказать, что мы чувствуем себя одним телом вместе с нашими братьями, православными христианами в России. Мы гордимся Русской Церковью и возлагаем на нее большие надежды. Мы уверены, что Христос, Который распялся за Свою Церковь, приведет Русскую Церковь к великой славе.

Источник : www.pravmir.ru

О наставничестве

«Царский путь» семьи

- Ваше Высокопреосвященство, каков «царский путь» в православной семье? Как добиться истинной полноты христианского брака?

- Наша Церковь учит, что цель христианского брака не есть какая-то иная, чем цель христианской жизни. И задача христианского брака — помочь двум людям, мужчине и женщине, попытаться в условиях, которые предоставляет им супружество и воспитание детей, сочетаться браком со Христом, что является целью любого человека — как монаха, так и мирянина.

Говоря о «царском пути», мы подразумеваем путь рассуждения и равновесия, на котором человек не уклонялся бы ни в какую крайность. Каждый путь, который ведет в Царство Божие, имеет свои отличительные черты. Одни черты имеет путь монашества, другие — путь брака.

Я полагаю, что для достижения этой цели христианского брака необходимо наличие у супружеской пары общего духовного отца. Он помогает им проходить путь их жизни вместе, чтобы они были соединены любовью, а впоследствии, если появятся дети, поможет и детям следовать путем Христовым. Если же по каким-то причинам у супругов не может быть одного духовника, или они не хотят его иметь, то и это принимается, достаточно чтобы оба супруга шли по пути Церкви и следовали заповедям Божиим, заповедям Церкви, всей литургической и духовной жизни нашей православной Церкви. Я думаю, что, если муж и жена будут так поступать, то у них не появится какой-то проблемы в достижении цели христианского брака.

Конечно, заранее предполагается, что они будут иметь и основные добродетели, которые необходимо иметь христианам в целом и женатым людям в частности: смирение, понимание друг друга, совершенную любовь одного к другому. И как венец — они должны иметь в своих сердцах любовь Христову. И вся жизнь их должна вращаться вокруг этого.

Самое важное для женщины

- Что самое важное в жизни женщины – для жены и для матери?

- Для Бога нет разницы между мужчиной и женщиной. Те духовные черты, которые должен иметь мужчина, необходимо иметь и женщине. Но при этом каждый человек должен раскрыть особенные черты как своего характера и своей личности, так и черты характера и особенности личности своего друга, мужа или жены. Подразумевается, что у мужчины одна психология, а у женщины другая, есть какие-то пункты, которые различны для мужчины и женщины. Каждый открывает в себе то, что ему помогает на духовном пути, а также то, что ему мешает, и сосредоточивает на этих аспектах своё внимание.

Самое важное для жены — возлюбить Бога и упокоить Его, а затем – возлюбить и упокоить своего мужа. То же самое относится и к мужьям, по слову апостола Павла.

А после этого наиболее важным для женщины является служить в таинстве брака, в таинстве чадородия (если она стяжает в супружестве детей), в таинстве воспитания чад. Женщина в браке благоугождает Богу, упокаивая своего супруга и хорошо воспитывая детей.

Если женщина является супругой священника, то у нее возникают дополнительные обязанности, потому что у матушки есть своя роль на приходе. Прежде всего – быть хорошим примером для других женщин и для всей полноты приходской общины. Помимо этого она должна помогать священнику, своему супругу, в его приходском служении: в катехизации, в социальной работе, в различных кружках, которые могут проводиться для девочек, в беседах, — во всем, чем она может послужить. Необходимо, чтобы она не стала плохим примером для чад Церкви.

Без старца

- Откуда монаху черпать знания, если у него нет наставника?

— Это большая проблема. Потому что если нет духовника, наставника, старца в мужском монастыре или старицы – в женском, то без них монастырь не сможет сохраниться. Это огромная проблема.

Конечно, существуют обстоятельства, что нет старца, духовного отца или духовной матери в монастыре. Да, Господь управит людей, сам Господь будет их наставником и поможет им, но наше предание таково, что существует старец и уже вокруг старца — братство. Или старица, герондисса, и вокруг старицы – сестричество. Не может существовать братство без старца.

- В России все монашество молодое, не в плане возраста, а в плане опыта. И многие монахи мучаются, ищут ответы и не находят их...

- Я помню об этом. Это естественное явление, что после правления коммунистов нет такого количества духовных отцов, воспитанных в монашеском предании. Но я верю, что Бог поможет и не оставит никого, кто ищет Христа. Сам Христос станет его руководителем.

Но сегодня при помощи существующих ныне связей другие православные страны, которые имеют неразрывное монашеское предание, например, Греция, Афон, могли бы помочь православной России. Мы в монастыре Махерас принимали нескольких монахов из России на несколько лет, и затем они вернулись назад, в Россию. И здесь, в монастыре святого Ираклидия, в разное время мы принимали монахинь из других православных стран.

Мать монаха

- Как могут поддержать родители своих детей-монахов?

— Матери, имеющие детей в монастыре, будут охраняться их молитвами. И до того, как они станут монахами, будут охранять их всем тем, что они приносят Богу. После того как дети станут монахами, хорошо было бы для матерей, даже для благочестивых, если они отступят немного назад и оставят своих чад в послушании у их старца и будут охранять их только своей молитвой. Если это дитя имеет нужду в поддержке, то пускай мать поддерживает его так же, как поддерживала своё чадо мать святого Мелитона, одного из [Севастийских мучеников](#)*, чтобы их чада имели постоянство в монашеском исповедании.

Примечание:

** Во время мучительной казни мать самого юного из воинов убеждала сына не страшиться и претерпеть все до конца. Когда тела мучеников положили на колесницы и повезли на сожжение, юноша еще дышал, и его оставили лежать на земле. Мать подняла сына и на своих пречах понесла его вслед за колесницей, а когда он испустил последний вздох, положила его на колесницу рядом с телами его святых сподвижников.*

Беседовали Анна Ольшанская и Ольга Гуманова